

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 1 (35), 2014

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2014, № 1 (35)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. СУЛЯК (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. БАБИЛУНГА (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. ГУБОГЛО (Россия)

кандидат исторических наук Ю. ДАНИЛЕЦ (Украина)

кандидат филологических наук Д. КАТУНИН (Россия)

доктор исторических наук А. МАЙОРОВ (Россия)

кандидат исторических наук В. МЕРКУЛОВ (Россия)

доктор исторических наук Н. РУССЕВ (Молдавия)

кандидат исторических наук В. СОДОЛЬ (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. ТЕЛЬНОВ (Молдавия)

доктор исторических наук А. ЧЕРКАСОВ (Россия)

доктор исторических наук М. ЧУЧКО (Украина)

Р. ШАПКА (Канада)

кандидат исторических наук П. ШОРНИКОВ (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. ФЕЙСА (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'», M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.
Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2014

© Association «Rus'», 2005-2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Страница редактора	5
Editor's Page	

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

<i>Андрей ПАУЛЬ</i> Славяне в Центральной Германии	6
<i>Andrey Paul</i> The Slavs in Central Germany	

<i>Мартин Димник</i> Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг.	17
<i>Martin Dimnik</i> Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: the struggle for Galicia in 1239-1245 years	

<i>Александр МАЙОРОВ</i> Даниил Галицкий и тамплиеры	36
<i>Alexander Maiorov</i> Daniil Galitsky and Templars	

<i>Леонтий ВОЙТОВИЧ</i> О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии)	52
<i>Leonti Vojtowicz</i> Some disputed issues study Galicia-Volyn Russia while Roman Mstislavovich and Daniel Romanovich (notes on modern Historiography)	

<i>Василий СТАТИ, Сергей СУЛЯК</i> Русины в молдавской историографии	64
<i>Vasilii Stati, Sergey Sulyak</i> Rusins in moldavian historiography	

<i>Георгий КОЖОЛЯНКО</i> Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и ликвидация турецкого господства в северной части Буковины	82
<i>Georgii Kojolianko</i> The Russo-Turkish War 1768-1774 and the end of turkish domination in Northern Bukovina	

<i>Сергей ДЕГТЯРЕВ</i> Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в.	91
<i>Sergey Degtyarev</i> Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII - the first third of the XIX cent.	

- Валерий ВЛАСЕНКО**
 Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в
 межвоенный период (первая волна) 105
Valery Vlasenko
 Formation of the Ukrainian political emigration to Romania during
 the interwar period (the first wave)

ПРАВОСЛАВИЕ В КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЛЯХ / ORTHODOXY IN THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS

- Богдан БОДНАРЮК**
 Пути и особенности процесса христианизации Карпатской Руси в
 конце IX – начале XI в. 121
Bogdan BODNARIUK
 Ways and features of Carpathian Rus christianization at the end IX
 - early age XI

- Михаил ЧУЧКО, Сергей СУЛЯК**
 Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной
 истории Буковинской Руси 143
Mykhaylo Chuchko, Sergey Sulyak
 Archpriest Kassian Bohatyrets - kresearcher of church history in
 Bukovinian Rus'

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTICS

- Всеволод МЕРКУЛОВ**
 Древнерусское предание с острова Рюген 165
Vsevolod Merkulov
 The ancient Russian legend from Rügen

- Виктор ЗВАГЕЛЬСЬКИЙ**
 Щодо одного «темного» місця «Слова о полку Ігоревім» 172
Viktor Zvagal's'kiy
 Concerning one «obscure place» in «The Tale of Igor's campaign»

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели!

В этом году, как и всегда, нами запланировано и будет издано четыре номера международного исторического журнала «Русин».

Тематика журнала - история русинов Карпато-Днестровских земель, как и названия основных рубрик («История русинов», «Православие в Карпато-Днестровских землях», «Знаменитые русины», «Русинская библиография», «Архив» и т. д.) - останется прежней.

Также в журнале будут печататься материалы проводимых нами научных конференций.

Номера первый и большей частью четвертый будут посвящены вопросам истории, этнографии и культуры русинов.

Во втором номере выйдут материалы Международной научно-практической конференции «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (к 750-летию со дня смерти Даниила Галицкого)», которая прошла в Кишиневе 20-21 мая 2014 г. Одним из ее организаторов выступил наш журнал. В этом мероприятии приняли участие исследователи из Молдавии, России, Украины, Польши.

В третьем номере будут опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Первая мировая война и Русский мир», которая пройдет под эгидой журнала «Русин» 25-26 сентября 2014 г. в Кишиневе.

С № 3 (37) в нашем издании вводится Гарвардская система цитирования.

Новые требования к оформлению материалов для публикации будут размещены в № 2.

Сергей СУЛЯК,
главный редактор.

УДК 94(430)

DOI: 10.17223/18572685/35/2

СЛАВЯНЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ

А. Пауль

Общественно-научный проект

«Российско-немецкий исторический семинар» (Росток, Германия)

e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Авторское резюме

Начиная с раннего Средневековья, расселение западнославянских племен охватывало значительную часть Центральной Европы, выходя на запад далеко за линию рек Эльба - Заале. Статья содержит краткий обзор материалов о следах славянских поселений внутри Франкской империи, в Западной Тюрингии и горах Гарц на основании письменных, лингвистических, археологических и фольклорных источников.

Ключевые слова: западные славяне, Тюрингия, горы Гарц, Центральная Германия, Средневековье, история, археология.

The Slavs in Central Germany

A. PaulPublic and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
(Rostock, Germany)

e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Abstract

Since the early Middle Ages, covered the moving of West Slavic tribes in considerable part of the Central Europe, extending to the west for the line of the rivers Elba - Saale. This article contains the short review of traces of Slavic settlements in Frankish Empire, in the Western Thuringia and Harz Mountains, on the basis of written, linguistic, archaeological and folklore sources.

Keywords: West Slavs, Thuringia, Harz Mountains, Central Germany, Middle Ages, history, archaeology.

Как известно, начиная с поздней эпохи Великого переселения народов, славяне заселяли значительные части Восточной и Центральной Европы. Самая западная часть средневекового славянского мира располагалась на территории современной Германии, занимая около половины этого государства в современных его границах. Материальная и духовная культура славян Восточной Германии на данный момент

довольно детально изучена, а их история постоянно вызывает интерес славистов всего мира. В связи с «варяжским вопросом» уже не одно столетие привлекают внимание русских историков севернолехитские племена, жившие вдоль Южнобалтийского побережья сегодняшних федеративных земель Германии Мекленбург и Шлезвиг-Гольштейн. Южные земли Саксонии и Бранденбурга вызывают интерес у этнографов и лингвистов, целью изучения которых становится единственный сохранившийся в Германии до наших дней славянский анклав лужицких сербов. Славянские же поселения в Центральной и Западной Германии редко привлекали к себе внимание современных историков, как, например, в случае поисков русско-тюрингских связей в княжестве Ройс¹. Однако не менее интересна и история славян, веками бывших подданными немецкого государства и никогда не имевших там собственных княжеств или других государственных образований. Нам хотелось бы обратить внимание на славянские следы в исторических регионах Тюрингия и горах Гарц, являющихся одновременно и географическим центром современной Германии.

Нередко на картах, показывающих расселение западных славян, граница между немцами и славянами проводится по рекам Эльбе и Заале. Таким образом, на эту карту попадает лишь восточная треть федеративной земли Тюрингия и вовсе не попадают горы Гарц, граничащие с Тюрингией с севера. Однако эта линия, известная из средневековых источников как *limes saxoniae* и *limes sorabicus* – «саксонская» и «сербская» границы, была на протяжении веков рубежом именно немецких империй, княжеств и государств, но в то же время не являлась границей расселения народов. Большое число славян жило и внутри Франкской империи, и в сменивших её впоследствии немецких государствах, начиная с самых ранних времён.

Первые письменные упоминания о славянах в Тюрингии относятся к первой трети VII в. В хронике Фредегара сообщается о нескольких славянских нападениях на Тюрингию в начале 630-х гг. Они происходили в контексте конфликта франков со славянским государством Само, в результате которого *«венды производили обширные набеги, часто пересекали границу и опустошали Франкское королевство, растекаясь по всей Тюрингии и другим землям»*. К этому же времени относится и интересное упоминание Фредегара об отпадении Дервана, князя славянского народа сербов, до этого «долгое время подчинявшегося франкам», и переходе его под власть Само. Что в действительности мог иметь в виду хронист под такой формулировкой, по всей видимости, так и останется загадкой. Дело в том, что сама Тюрингия была включена во Франкскую империю только в VI в., и современные этим событиям источники ничего не сообщают о покорении славян-сербов франками. Ничего достоверно неизвестно

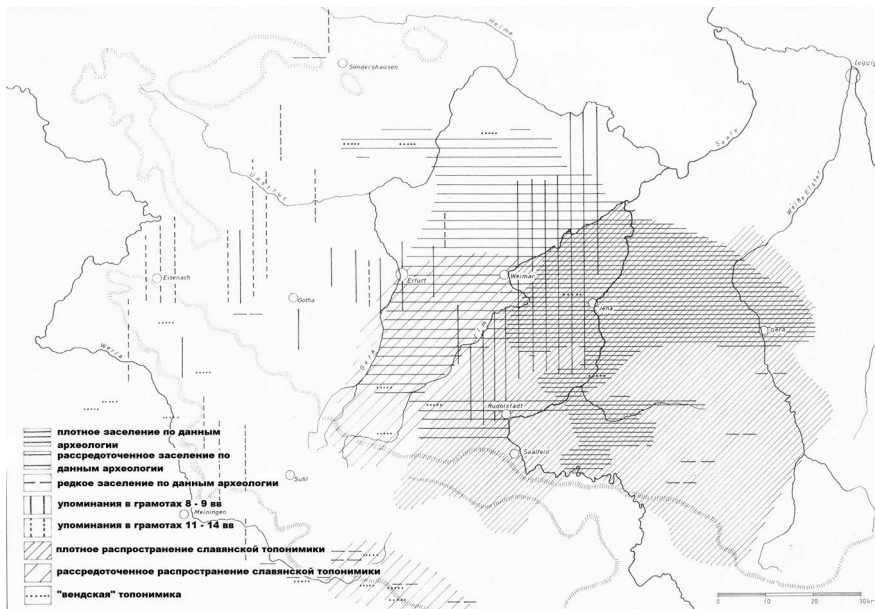
и о том, где точно располагались и насколько велики были подконтрольные Державе области. Можно лишь теоретически предполагать, что они размещались где-то между историческими Тюрингией и Само. По всему получается, однако, что покорение сербских племён «за долгое время» (до 630 г.) должно было происходить в контексте или быть связано с покорением франками Тюрингии. Одним из возможных объяснений фразы о «долгом подчинении» могло бы быть нахождение некоторых сербских племен в зависимости от сильного королевства Тюрингии ещё до окончательного включения его во Франкскую империю. Таким образом, первые славянские поселенцы в Тюрингии могли появиться ещё до начала VII в.

В первой половине IX в. Эйнхард называл реку Заале границей между сербами и тюрингами. Но он же указывал и на проживание славян «между Рейном и Вислой», что, с одной стороны, выглядит как отсылка к «тацитовской Германии», а с другой - в некоторой мере отражает и реальное положение вещей. Единичные славянские поселения действительно доходили до Рейна. Их следы сохранились в топонимике на «венд-», правда, едва ли они поддаются точной датировке. К западу же от реки Заале, в Тюрингии и горах Гарц, славянские поселения известны с начала VIII в. Так, грамота об основании в Эрфурте монастыря Св. Петра сообщает о пяти образованных славянами в округе этого города деревнях уже в 706 г.² Примечательно, что они в то время носили немецкие названия: Тёттельштедт, Даберштедт, Тонндорф, Хохдорф и Некерода. В 740 г. аббат Штурмий упоминает даже славян, купавшихся в Фульде – реке, протекающей около 20 км к западу от современных административных границ Тюрингии, в федеративной земле Гессен. Многочисленные упоминания о славянских поселениях в Западной и Центральной Тюрингии VIII-IX вв. сохранились в грамотах Фульдского и Хердсфельдского монастырей. Подтверждает проживание славян в этих местах и хорошо известная здесь топонимика, включающая в себя компонент «венд-» (нем. - «славянин»), которым немцы отмечали славянские поселения по всей территории Германии. В отличие от собственно славянской топонимики, широкое распространение которой не выходит за междуречье Ильма и Заале, «вендская» топонимика имеет уже немецкое происхождение и указывает на то, что славяне жили тут сравнительно небольшими общинами, рассредоточенно среди преобладавшего немецкого населения (ил. 1). Однако в то время сами немцы на протяжении веков отличали этих проживавших рядом с ними славян от своих. Археологии практически не удалось установить следов характерной для славян культуры к западу от реки Геры, на основании чего можно предположить значительную культурную интеграцию славянского

населения Западной Тюрингии при сохранении им своего языка и самосознания. Ситуация эта очень схожа с современным положением дел лужицких сербов, также полностью интегрированных в немецкое общество, двуязычных, но при этом ещё сохраняющих славянское самосознание и некоторые традиции.

Схожая с Западной Тюрингией картина наблюдается и в горах Гарц. Собственно славянская топонимика, как и археология, представлена там также очень слабо. В качестве примеров можно назвать имеющее славянскую этимологию поселение Билен, находки славянской керамики в городе Вернигероде³, предположительно древнеславянской гончарной мастерской в городе Винроде⁴ и смешанные славяно-немецкие поселения в местечках Альтенроде⁵ и Бадерслебен⁶. Кроме того, у подножия гор известны несколько «вендских» топонимов и одно смешанное славяно-немецкое поселение в королевской резиденции Тилледа (ил. 2).

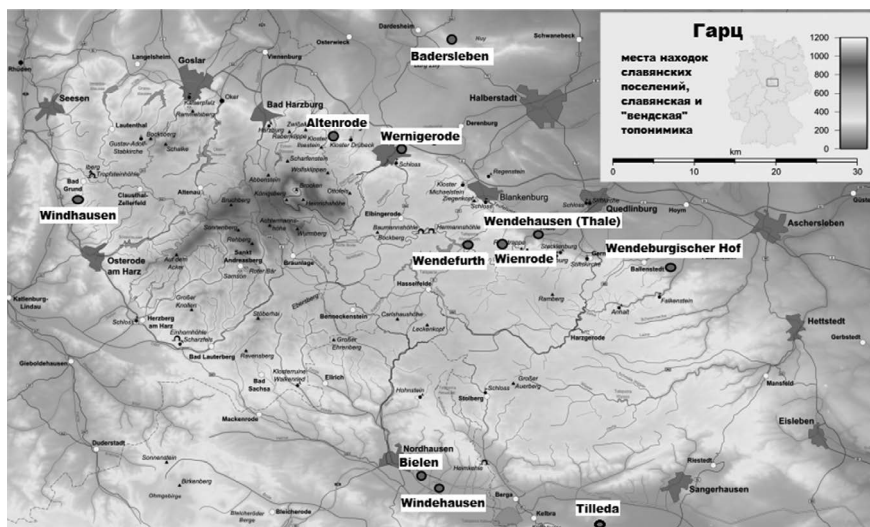
Большинство славянских следов в топонимике Гарца прослеживается по первым их упоминаниям, лишь начиная с позднего средневековья. Одним из наиболее древних указаний на славянское заселение Гарца служит основание монастыря Венденхузен (нем. «славянское поселение») в 825 г. в местечке, в настоящее время носящем название Тале. Возможно, появление окружавших Гарц славянских посе-

Ил. 1. Славянские поселения в Тюрингии по Душек, 1983.

лений было связано с политикой Каролингов, начавших широкое хозяйственное освоение этих практически незаселённых до раннего средневековья гор и приглашавших для этого славян. Славянский язык сохранялся в Гарце ещё в конце XIII в. В другом Виндехаузене, у южного подножья этих гор, в построенной во второй половине XIII в. церкви сохранилась деревянная скульптура Девы Марии с Иисусом, называвшаяся местным населением «Помайбог»⁷ и зафиксировавшая, таким образом, широко распространённое у западных славян (и не только) христианское пожелание «помогай бог». По всей видимости, славянская община здесь была довольно значительной и состояла из нескольких деревень, так как название соседней с Виндехаузенем деревни Билен имеет славянскую этимологию. Факт славянского прошлого этого Винденхаузена привлёк внимание уже в новое время, так что изображение скульптуры «Помайбога» даже попало на его современный герб (ил. 3).

Память о контактах со славянскими соседями сохранялась в Гарце дольше их языка, что отразилось, к примеру, в гарцком народном предании о «венецианцах»⁸. Согласно этому преданию, в долину, расположенную у наивысшей точки Гарца - горы Брокен, регулярно приходил некий чужак, занимавшийся «вымыиванием в реке жемчужин». Собрав достаточное их количество и произнеся особые слова, он чудесным образом перемещался в «Венецию». Заметив это, один из местных жителей решил последовать его примеру и, повторив слова «венецианца», вдруг сам очутился в «совсем чужом городе, в котором он

Ил.2. Славянские поселения в горах Гарц.

не мог ничего понять». Там он снова встретил уже знакомого чужака, который гостеприимно принял его в своём сказочно богатом доме и помог незадачливому гарцкому путешественнику вернуться домой. Очевидно, что «Венеция» и «венецианцы» в этом предании являются позднейшим переосмыслением, «народной этимологией», возникшей во времена, когда славяне уже давным-давно растворились в общей массе немецкого населения. Как уже отмечалось ранее, местные немцы называли славян «вендами», а в более ранние времена - и «венетами» или «винетами», как это следует из упоминаний гарцких топонимов «Vinetha-husun» (936 г.), «Wened-husen» (1121 г.). Когда местное население окончательно забыло о былом присутствии славян в Гарце, их сохранившееся лишь в народных преданиях наименование «венедов» стало ассоциироваться с более известным, знакомым и понятным в новое время именем «венецианцев» (нем. Venediger).

История славянского населения Западной Тюрингии известна значительно лучше. Местные славяне были обязаны платить налог тамошним монастырям, и сохранилось множество средневековых церковных грамот, упоминающих славянские поселения. Некоторые из них дают представление о социальном и правовом статусах западнотюрингских славян. Некоторые грамоты сообщают, что основание ими новых поселений в Тюрингии происходило по воле местной знати. Так, в грамоте 1136 г., написанной аббатом Эрфуртского монастыря Вернером, сообщается о взимании налога с четырёх земельных наделов в Бахштеде, перенятых славянами с именами Luzicho, Herolt,

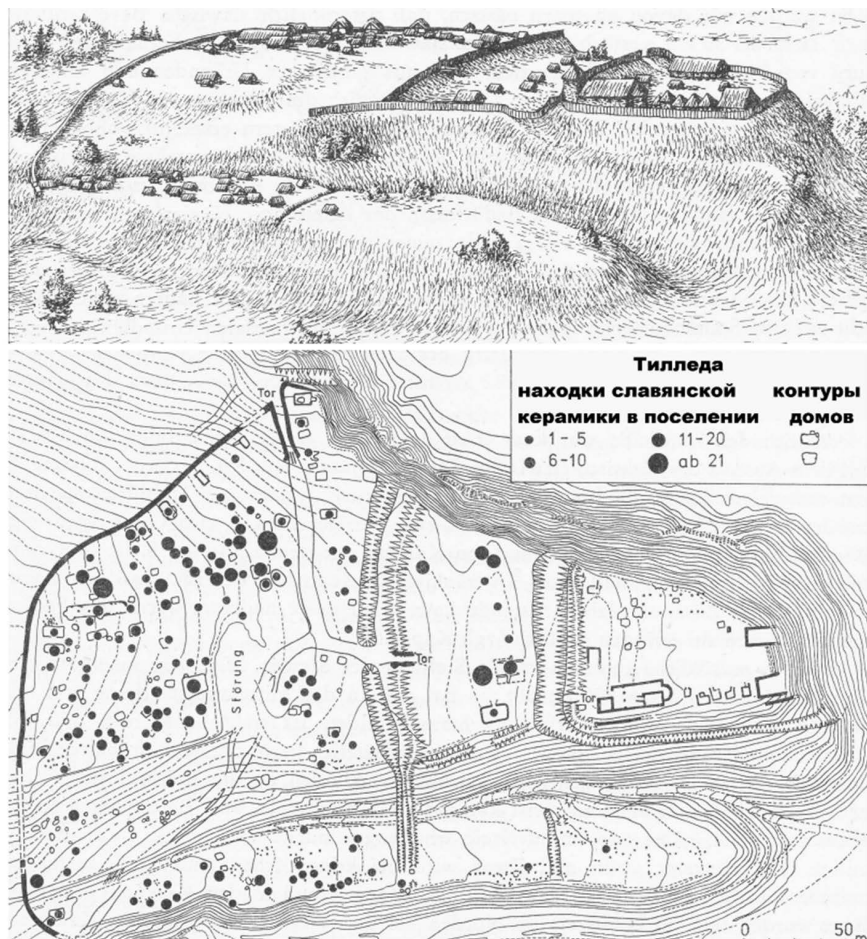
Ил. 3. Скульптура «Помайбог» и герб города Винденхаузен.

Odalrich и Cuno, «гостями» ландграфа Людвига, для дальнейшего обустройства этих наделов⁹. К сожалению, неизвестно, что это были за славяне и откуда они здесь появились, однако явно немецкие имена трёх из четырёх славянских «гостей» ландграфа Людвига позволяют предположить, что речь едва ли шла о славянах, прибывших откуда-то из собственно славянских земель. Гораздо более вероятно, что эти носившие немецкие имена славяне могли происходить из уже в немалой степени онемеченных славянских жителей Центральной Тюрингии. Эта грамота, таким образом, подтверждает, что славянские поселения возникали в Тюрингии не из-за переселявшегося туда несвободного населения или славянских пленников, захваченными в ходе долгих славяно-немецких войн, а были, по крайней мере, во многих случаях, желанными гостями немецких правителей, имевшими на этих землях не меньшие, чем немецкое население, права.

Как ни парадоксально, но славяне, веками жившие внутри немецкого государства среди немцев, зачастую оказывались в гораздо более выгодном положении, чем их восточные соседи. Так, на Южнобалтийском побережье немецкая колонизация сопровождалась массовыми притеснениями славян, закреплёнными впоследствии даже особыми законами, не позволявшими славянам становиться городскими гражданами, участвовать в ремесленных артелях и облагавшими их на городских рынках особым, распространявшимся только на них налогом, а также явным презрением немцев к вендам, в результате чего, как сообщает Томас Кантцов, в Поморье к XVI в. «само слово славянин стало использоваться как ругательство». В славянских регионах, присоединённых франками уже в VII-VIII вв., ситуация была в корне иной. Так, большинство славянских поселений в Нижней Саксонии и по Эльбе даже было освобождено от церковных податей, а славянская речь и частично культура смогли сохраниться тут до XVIII в. Славянские поселения в Тюрингии от церковного налога освобождены не были, однако в некоторых случаях имели всё же несколько привилегированное положение. Любопытными представляются раскопки славянского кладбища в Эспенфельде, в 25 км к юго-западу от Эрфурта, в ходе которых были обнаружены захоронения 438 человек. Предположительно кладбище могло принадлежать славянскому посёлку, существовавшему на протяжении X-XII вв. Богатый инвентарь погребений, как и находки среди него импорта из далёкой Киевской Руси, указывали, по мнению археологов, на занятость населения в торговле и его экономическое благополучие, а находки шпор – и на высокое социальное положение. «Своеобразным экономическим и политическим положением славян к западу от реки Заале обусловлено то, что они приобрели привилегии, по которым

славянам было позволено устройство собственных могильников по их обычаям»¹⁰, - подводят итог раскопок в Эспенфельде исследователи.

Несмотря на то, что славянское население Западной и Центральной Тюрингии с ранних пор было хорошо интегрировано в немецкое общество, местным славянам удавалось сохранять свою самобытность достаточно долгое время. Славянские поселения вокруг Эрфурта неоднократно упоминаются ещё в XIII-XIV вв., а некая «славянская провинция» (нем. «Windische Mark») была известна на северо-западе Тюрингии ещё в XVII в.¹¹ Разумеется, не все славяне имели какие-то особые привилегии, однако в общем и целом правовое и экономическое их положение было ничем не ниже, чем у немецкого населения. Стоит принять во внимание, что в большинстве своём совместное

Ил. 4. Реконструкция королевской резиденции Тилледа по Херрманну, 1985.

проживание славян и германцев в Тюрингии было мирным и даже добрососедским. Немецкое и славянское население зачастую проживало в одних деревнях и активно смешивалось, о чём говорят не только наличие смешанной славяно-немецкой топонимики и археология, но и данные антропологии.

Хорошим примером может послужить расположенная в предгорьях Гарца на севере Тюрингии резиденция немецких королей Тилледа. Поселение в Тилледе X-XII вв. состояло из расположенной на горе немецкой королевской крепости и двух поселений, одно из которых было окружено крепостным валом, а второе - лишь заграждением (ил. 4). Более трети найденной в посадах керамики оказалось славянской, равно как отличалась характерными для славян формами и архитектура более трети жилых построек. Ещё более наглядную картину показали раскопки кладбища, расположенного на территории главной крепости. Из 110 мужских скелетов около 15 % принадлежало к соотносимому со славянами юго-восточному антропологическому типу и 21 % - к антропологическому типу, известному по германским могильникам. Остальные 64 % имели черты, характерные для обоих этих антропологических типов, то есть указывали на смешение славян и германцев¹².

Не менее показательным примером является и небольшое тюрингское поселение Гроссбрембах. Само название его происходит от немецкого «разделительный или приграничный водоём», что отражает долгую историю деления его на «немецкую» и «славянскую» части,

Ил. 5. Славянская и немецкая части поселения Гроссбрембах и барельеф на городской ратуше.

находившиеся по разные стороны реки. Впервые упоминаемое в IX в. поселение до XV в. состояло из двух расположенных по разные стороны реки деревень – Гроссбрембах (нем. «большой разделительный водоём») и Виндишбрембах (нем. «славянский разделительный водоём»), пока не было наконец объединено в одно поселение – просто Гроссбрембах. Мирный характер этого объединения был запечатлён на восходящем к началу XV в. барельефе местной ратуши, изображающем обнявшихся славянина и немца «под одной шляпой» и пьющих из одного рога (ил. 5).

Разумеется, подробное рассмотрение всех многочисленных археологических, письменных, антропологических, лингвистических, этнографических и прочих следов славянского населения в Центральной Германии невозможно в рамках одной статьи. Несмотря на то что оценка численности славянского населения в Центральной Германии во многом затруднена значительной их интеграцией и восприятием немецкой культуры, едва ли можно недооценивать роль этих славян в средневековой истории региона и этногенеза местного немецкого населения. В округе Халле, к востоку от Гарцких гор, славянская топонимика составляет около 50-60 %. На юге Центральной Тюрингии, в округах Рудольштадт, Арнштадт и Ильменау, её процент значительно ниже, но все равно ещё довольно высок - в пределах 6-22 %. Учитывая упоминания славянского населения почти в 60 различных населённых пунктах Тюрингии в письменных источниках, а также нередкое проживание тюрингских славян в деревнях с немецкими названиями, можно прийти к выводу о том, что Центральная Германия заслуживает самого пристального внимания славистов - как историков, так и этнографов и лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулов В. Ройсс, или «Русская земля» // Родина. 2013. № 1. С. 106-109.
2. Dušek S. Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen. Weimar 1983. S. 24.
3. Herrmann J., Donat P. Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik. 1. Lieferung, Textband. Akademie-Verlag, Berlin, 1973. S. 342.
4. Ibid.
5. Ibid. S. 331-332.
6. Ibid. S. 322.
7. Perschmann T. Nordhusana. Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen. Halle, 1867. S. 281-288.

8. *Kahlo G.* Sagen des Harzes, Die Venediger auf dem Brocken. Leipzig-Gohlis, 1923. S. 24
9. Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernstandes im Mittelalter, Deutscher Verlag der Wissenschaften. Berlin, 1967. S. 186.
10. *Dušek S., Bach H.* Slawen in Thüringen, Hermann Böhlau Nachfolger. Weimar 1971. S. 73.
11. *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen. Weimar, 1983.
12. *Herrmann J.* Die Slawen in Deutschland. Akademie-Verlag, Berlin, 1985. S. 353-354.

References

1. *Merkulov V.* Royss, ili «Russkaya zemlya» // Rodina, 2013, № 16, pp. 106-109 [in Russian].
2. *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen, Weimar 1983, p. 24 [in German].
3. *Herrmann J., Donat P.* Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik, 1. Lieferung, Textband, Akademie-Verlag, Berlin, 1973, p. 342 [in German].
4. *Ibid.*, pp. 331-332.
5. *Ibid.*, pp. 331-332.
6. *Ibid.*, p. 322.
7. *Perschmann T.* Nordhusana. Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen, Halle, 1867, pp. 281-288 [in German].
8. *Kahlo G.* Sagen des Harzes, Die Venediger auf dem Brocken, Leipzig-Gohlis, 1923, p. 24 [in German].
9. Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernstandes im Mittelalter, Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin, 1967, p. 186 [in German].
10. *Dušek S., Bach H.* Slawen in Thüringen, Hermann Böhlau Nachfolger, Weimar 1971, p. 73 [in German].
11. *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen, Weimar, 1983 [in German].
12. *Herrmann J.* Die Slawen in Deutschland, Akademie-Verlag, Berlin, 1985, pp. 353-354 [in German].

Пауль Андрей - независимый историк (Росток, Германия), постоянный участник археологических исследований славянских памятников в Северной Германии, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар».
e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Paul Andrey - the independent historian (Rostock, Germany), the constant participant of archaeological researches of Slavic monuments in northern Germany, the coordinator of the public and scientific project «Russian-German Historical Seminar».
e-mail: journalrusyn@rambler.ru

УДК 94(47).03

DOI: 10.17223/18572685/35/3

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ, МИХАИЛ ЧЕРНИГОВСКИЙ И ТАТАРЫ: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг.

М. Димник

Папский институт медиевистики, университет Торонто, Канада
e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Авторское резюме

Борьба за Галич между черниговскими Ольговичами и владимири-волынскими Романовичами началась в первое десятилетие XIII в. В 1235 г. князь Михаил Всеволодович решил, что настало удобное время захватить Галич. После победы при Торческе он сумел занять и Киев и Галич. Ольговичи одержали и военную, и дипломатическую победу над Романовичами. Однако решающим фактором, из-за которого Михаил не сумел удержать контроль над Юго-Западной Русью, вероятнее всего, было татарское нашествие. Михаил не смог организовать защиту русских земель против татар, так как другие князья отказались присоединиться к нему. Тем временем Даниил заключил с татарами договор и укрепил свои позиции. В 1245 г. он отправился в Сарай к Батюю и получил там ярлык на галицкое княжение. Это лишило Михаила последней надежды вернуть Галич.

Ключевые слова: Галицкая Русь, Даниил Романович, Михаил Всеволодович, летопись, татарское нашествие.

Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: The Struggle for Galicia in 1239 - 1245 years

M. Dimnik

Pontifical Institute of Mediaeval Studies, University of Toronto, Canada
e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Abstract

The rivalry for Galich between the Ol'govichi of Chernigov and the Romanovichi of Vladimir in Volyn' began during the first decade of the thirteenth century. In 1235 prince Mikhail Vsevolodovich judged that the time was propitious for him to occupy

Galich. After his victory near Torchesk, therefore, Mikhail occupied Kiev and Galich. The Ol'govichi also achieved diplomatic in addition to military victories over the Romanovichi. The Tatar invasion of Ryazan' in the winter of 1237/8 was probably the most important reason why Mikhail failed to maintain his hold over southwestern Rus'. Mikhail was unable to organize a consolidated defense against the expected Tatar attack because the other princes refused to join him. Meanwhile, Daniil, having concluded peace with the Tatars, strengthened his position. In 1245 Daniil visited Saray and Khan Baty gave him the yarlyk to rule Galich. His action quashed any hope Mikhail may have had of repossessing the town.

Keywords: Galicia, Daniil Romanovich, Mikhail Vsevolodovich, chronicle, Tatar invasion.

В 1238 г., после нескольких лет борьбы с Ольговичами, Даниилу Романовичу вновь удалось занять Галич. По-видимому, неслучайно это произошло после того, как зимой 1237–1238 гг. Рязанское и Ростовско-Суздальское княжества были разорены татарами. Лишившись Галича, Ольговичи не предприняли никаких попыток восстановить над ним свой контроль. Вместо этого Ростислав Михайлович, потеряв Галич, отказался от дальнейшей борьбы и бежал в Венгрию. В свете неизбежного нападения татар на Чернигов и Киев Ростислав понимал, что отец Михаил Всеволодович, глава клана Ольговичей, просто не сможет предоставить ему войска, необходимые для защиты Южной Руси. Следовательно, если он хотел получить какую-то помощь в борьбе с Даниилом, более многообещающим было обратиться за ней к венгерскому королю Беле IV.

После бегства Ростислава в Венгрию борьба за Галич, по крайней мере, с точки зрения Ольговичей, на какое-то время приостановилась. Нападение на Русь татар заставило Михаила защищать собственные наследственные владения. Ольговичи продолжали как-то сопротивляться вплоть до октября 1239 г., когда пал Чернигов¹. Мы знаем, что, после того как татары разграбили город, они заключили мир с тремя русскими князьями - Владимиром Рюриковичем Смоленским, Даниилом Романовичем Волынским и двоюродным братом Михаила - Мстиславом Глебовичем Черниговским. При этом летописи детально рассказывают нам о том, что добиться соглашения с Михаилом в Киеве Батюю так и не удалось. Он единственный из всех старших князей отверг условия хана. Как следствие, перед лицом татарской угрозы, не сумев найти среди русских князей союзника для сопротивления захватчикам, зимой 1239 – 1240 гг. Михаил, так же как и его сын, был вынужден бежать в Венгрию².

Там он попытался склонить короля Бела IV к заключению брака между его дочерью и Ростиславом. Однако, учитывая плачевное положение, в котором находился Михаил, Бела IV не увидел в этом союзе

слишком больших выгод для себя и отказался. Этот отказ означал окончательное уничтожение надежд Михаила на восстановление хотя бы части той военной силы, которую он потерял после капитуляции Чернигова и отпадения Галича. К несправедливости добавилось и оскорбление: король вынудил Михаила и Ростислава покинуть Венгрию. Они отправились к Конраду Мазовецкому, дяде Михаила³.

Не преуспев в заключении союза с венграми, Михаил, не имея другого выбора, попытался примириться с Даниилом. Потеря им Галича, разрушение Чернигова, бегство из Киева и последовавшая за этим оккупация города Даниилом, который оставил там своего воеводу Дмитрия для защиты Киева от врагов⁴, изменили политические отношения, которые с 1235 г. существовали между ним и Даниилом. Тогда победа Михаила заставила Даниила бежать за помощью в Венгрию. Татарское нашествие поменяло их ролям: теперь беглецом, ищущим поддержки, стал Михаил.

Следовательно, в 1240 г. с позиций силы мог говорить уже Даниил. Он не только контролировал Киев и Галич (тем самым успешно оспорив контроль Михаила над Южной и Юго-Западной Русью), но и «берег» жену Михаила. В 1239 г. Ярослав Всеволодович Владимирский, напав на Каменец, взял в плен находившуюся там жену Михаила. Позднее Даниил уговорил его передать княгиню ему, так как он приходился ей родным братом⁵. Михаил оказался в весьма сложном положении. Из Польши отправил к шурина послы с предложением мира. Он признавал, что не раз вел себя несправедливо и нарушал обещания, данные Даниилу. Объясняя свои поступки, Михаил утверждал, что всякий раз, когда он хотел примириться с Даниилом, «неверные галичане» не позволяли ему этого сделать. Тем не менее теперь Михаил готов был поклясться, что впредь не станет злоумышлять против него. Даниил принял это предложение, вернул Михаилу его жену, согласился передать ему Киев и дал Ростиславу город Луцк в Волынском княжестве⁶.

Летописец не объясняет, почему Даниил так быстро вернул Михаилу Киев. Однако можно предположить, что он сделал это, понимая, что тот не станет в будущем претендовать на престол в Галиче. Такой вывод можно сделать и на основании того, что Даниил компенсировал Ростиславу утрату Галича передачей ему важного города Луцка, расположенного в его собственном Волынском княжестве. У Михаила не было другого выхода, кроме как принять без оговорок все предложенные ему условия. Он не вернулся в Киев, а остался жить в качестве гостя во владениях Даниила⁷. Очевидно, что Даниил сумел наиболее выгодно воспользоваться сложившимся моментом и извлечь максимальную выгоду из того, что татары еще не разорили его земли.

Щедрость Даниила по отношению к Михаилу показывает, что он не только наслаждался триумфом над поверженным соперником, но и верил в то, что его землям не грозит татарское нашествие. Именно страх перед татарами не позволил Михаилу в 1240 г. вернуться в Киев. Даниил, однако, не проявлял ни малейших следов подобных опасений. Он даже не стал укреплять свои владения от возможного нападения⁸. В то время, когда новая татарская атака казалась Михаилу неизбежной (после падения Чернигова и в свете постоянного продвижения татар на запад), Даниил оставил свое княжество и отправился в Венгрию. Судя по летописной информации, его визит, в отличие от визита Михаила, не имел никаких признаков срочности. Несомненно, прекрасно зная о том, что Михаилу не удалось получить помощь от короля и создать здесь брачный союз, Даниил сам решил испытать удачу и предложил выдать дочь Белы за своего сына Льва. У Даниила были все основания рассчитывать на успех, так как, в отличие от Михаила, он в данном случае выступал с позиции силы. Подобный союз с королем Белой IV был бы чрезвычайно важной победой в борьбе Даниила с Михаилом.

Татары захватили Киев 6 декабря 1240 г., когда Даниил находился в Венгрии. Хотя они и взяли в плен раненого в бою воеводу Даниила Дмитрия, летописец объясняет, что татары сохранили ему жизнь «ради его храбрости». Из Киева хан направился дальше на запад, через земли Галиции и Волыни. По пути он захватил города Колодыжен и Каменец, но не смог занять Кременец и Данилов. Владимир был взят после штурма, и, как сообщает летопись, разрушены Галич и «множество других городов»⁹. Наконец Дмитрий посоветовал Батю выступить на Венгрию. Он предупреждал хана, что, если татары останутся в Русской земле, они не смогут вернуться домой, так как земля эта была сильной и способной восстать против них. Летописец объясняет, что Дмитрий советовал все это Батю, потому что видел гибель Русской земли под ударами татар, и далее уточняет, что хан внял этому предостережению.

Новости о катастрофе, однако, не достигли находившегося в Венгрии Даниила. После того как король отверг его матримониальный проект, князь отбыл на Волынь. Только встретившись с беженцами, спасавшимися от продвигавшегося вперед противника, он узнал о несчастье, свалившемся на его княжество. Рассудив, что с небольшой дружиной ему не удастся безопасно миновать надвигающееся татарское войско, Даниил вернулся в Венгрию¹⁰.

То, как летопись описывает отношения Дмитрия с Батыем, вызывает определенные вопросы. Кажется, что летописец пытается обелить воеводу и сгладить сложности его отношений с врагом. Так, например, он утверждает, что после взятия Киева татары не казнили Дмитрия

«ради его храбрости». Это объяснение не выглядит убедительным, так как, судя по полному умолчанию летописей, ни один другой военачальник или князь, противостоявший татарам, не был помилован из-за проявленной им храбрости. Например, все рязанские и ростово-суздальские князья, яростно защищавшие свои города от татар, были казнены¹¹. Еще более важным может быть то, как татары обошлись с князем Василько Константиновичем Ростовским. Взяв его в плен, они попытались убедить князя «быти в их воли, и воевати с ними». Когда же тот отказался, его убили¹².

Этот пример показывает, что татары сохраняли жизнь русским военачальникам и князьям не тогда, когда те проявляли особую храбрость или отвагу, а тогда, когда они принимали предъявляемые им условия и становились союзниками татар. Доказательством может служить летописное известие под 1239 г. Как мы уже видели, тогда договор с татарами заключили три князя: Владимир Рюрикович, Даниил Романович и Мстислав Глебович. Показательно, что татары не убили их, вероятно, именно потому, что князья приняли их условия. Следовательно, когда летописец пишет, что Дмитрий не был казнен «ради его храбрости», более верным кажется предположение, что, в отличие от Василько, он капитулировал перед требованиями татар и согласился сотрудничать с ними. Или же, что выглядит еще более убедительным, он действовал в соответствии с тем соглашением, которое годом ранее было заключено между татарами и Даниилом.

Более того, информация о том, что Дмитрий сопровождал татар в Галицию и на Волынь, предполагает, что он находился у них на службе. Так как он был воеводой Даниила, остается мало сомнений в том, что татары использовали его военные познания для опустошения Южной и Юго-Западной Руси. Согласно имеющимся у нас данным, татары по пути к Волыни разграбили Колодыжен и Каменец. Когда, однако, они подошли к Кременцу и Данилову, которые были городами Даниила в Волынском княжестве, Батый, по словам летописца, «увидел», что не сможет их взять. На самом деле, судя по всему, он даже не пытался их атаковать. Трудно поверить, что укрепления двух маленьких городков помешали хану начать атаку. Особенно если мы вспомним о том, что в его распоряжении тогда находились весьма внушительные военные силы. Вероятно, настоящей причиной такого решения был договор, заключенный им с Даниилом. Это подтверждает и то, что Батый взял Колодыжен, принадлежавший Киевскому княжеству, и то, что он разорил Каменец, где, как мы помним, правил союзник Михаила Изяслав Владимирович. Разрушение Батыем городов во время этого похода на запад, как представляется, было выборочным. Например, он пощадил земли болоховских князей, так как хотел, чтобы те снабдили татар пшеницей и просом.

Удивительно, что летописец называет только два города, захваченных татарам в землях Даниила, – Галич и Владимир¹³. При этом завершает он свой рассказ – достаточно внезапно! – словами о том, что разрушено врагом было «множество других городов»¹⁴. Это заявление также не выглядит убедительным. Трудно поверить, что летописец, вполне возможно, являвшийся уроженцем Южной Руси, не смог назвать хотя бы еще несколько городов, если бы они на самом деле были разрушены. Мало сомнений в том, что татары грабили Волынское и Галицкое княжества для того, чтобы добыть себе провизию. Однако, кажется, что у нас нет доказательств, которые могли бы навести на мысль о разрушении ими там «множества других городов». Более того, если доверять свидетельству летописца и учитывать тот факт, что воевода Дмитрий мог давать некие советы Батыю, следует предположить, что эти советы давались во благо Даниила. Попытки летописца выгородить Дмитрия будут лишь подтверждать такое наблюдение. Так как Дмитрий не осуждается за сговор с врагом, можно предположить, что он помогал татарам, имея в виду интересы своего князя. Он, несомненно, давал Батыю советы, которые бы способствовали ослаблению остававшихся на Руси врагов Даниила. Более того, он пытался, причем с очевидным успехом, уберечь волынские земли от той судьбы, которая постигла Чернигов и Киев.

Едва ли Даниил поступил бы столь опрометчиво и оставил свои земли без укреплений и верховной власти, если бы на самом деле ожидал татарского нашествия. При этом нельзя сомневаться в том, что его небрежность и отстраненность от тех процессов, которые происходили на Руси в условиях постоянной татарской угрозы, были намеренными. Только лишь по одной причине он мог вести себя столь уверенно и чувствовать себя в безопасности – если сам он был гарантирован от нападения. Должно быть, в 1239 г., при заключении договора, Даниил получил от татар некие гарантии такого иммунитета¹⁵.

Даниил, в отличие от Михаила, просчитался, когда поверил обещаниям татар. Киев пал, вскоре после этого татары разорили и его Волынское княжество. В таких условиях уже не только Михаилу и его сыну Ростиславу пришлось бросить Волынь и во второй раз бежать к Конраду Мазовецкому¹⁶, но и сам Даниил был вынужден искать убежище. Он вновь отправился в Венгрию, где оставил в руках галицких бояр своего сына. Летописец объясняет, что «он знал их неверность и потому не взял его (Льва. – М.Д.) с собою». Затем Даниил отправился в Мазовию, где получил от Болеслава, сына Конрада, Вышегород. Там он и оставался до тех пор, пока татары не покинули русские земли¹⁷. Таким образом, татары не только дали Даниилу временное превосходство над Михаилом, разорив осенью 1239 г. Чернигов, но

и сами же потом это превосходство уничтожили, напав на Волынь и вынудив Даниила спасаться бегством. Исход военной и дипломатической борьбы за Галич между Михаилом и Даниилом, оказавшимися в роли беглецов и нашедшими временное спасение в польских землях, вновь оказался под вопросом.

Согласно сведениям источников, прежде чем отправиться в Польшу, Даниил предпринял определенные меры предосторожности для обеспечения лояльности части галицких бояр, бежавших в Венгрию от татарской угрозы. Зная их «неверность», в качестве своеобразного залога он оставил на их попечение своего сына Льва. Этот тактический ход был направлен на то, чтобы после ухода из Волыни татар Лев вернулся из Венгрии к отцу вместе с галицкими боярами¹⁸. Любопытно также отметить, что из Венгрии Даниил бежал именно к Болеславу, а не к Конраду в Мазовию, где уже находился Михаил. Как мы отмечали выше, Даниил подговорил литовцев под началом князя Миндовга напасть на земли Конрада. В 1241 г., очевидно, Даниил и Конрад находились в состоянии вражды. Михаил же сумел сохранить союз, который заключил с Конрадом в 1236 г. Это следует, по крайней мере, из того, что правитель Мазовии предоставил беглому князю убежище в своих землях. Тем не менее польское убежище Михаил с семьей вскоре были вынуждены покинуть. Когда татары приблизились к Мазовии, они попытались укрыться в Силезии, а обратно смогли вернуться только после того, как 9 апреля 1241 г. татары сошлись в битве при Лигнице с Генрихом II Набожным, герцогом Силезии¹⁹.

Таким образом, на Русь Михаил с семьей вернулся не раньше апреля 1241 г. Он прошел через Владимир-Волынский, хотя Даниила там и не было, а затем через Пинск проследовал к Киеву²⁰. Хотя Михаил и прошел через Пинск, не следует искать здесь каких-то политических мотивов или предполагать, что Ростислав Владимирович, князь Пинска, был его союзником. Скорее всего, выбрав путь через Пинск и реку Припять, Михаил следовал обычным маршрутом из Польши в Киев. Даниил, однако, выражал опасения относительно этого визита и возможной дружбы между Михаилом и Ростиславом. У него были основания с подозрением относиться к этим двум князьям, так как по большей части именно из-за подстрекательств Ростислава Михаил и Владимир Рюрикович напали на него в Каменце в 1228 г.²¹ Летописец с облегчением констатировал, что Ростислав сам решил посетить Даниила в Холме, где тот находился, дабы показать, что никаких заговоров против него он не плетет. Михаил же, по мнению летописца, проявил неуважение по отношению к Даниилу, не встретившись с ним лично. Финалом этой длительной одиссеи стало возвращение Михаила в Киев и принятие власти над Черниговом его сыном Ростиславом²².

Известие о том, что Ростислав вернулся в Чернигов, а не в Луцк, который был обещан ему его дядей Даниилом в 1240 г., указывает на то, что Михаил больше не чувствовал себя связанным клятвой, которую некогда дал Даниилу. Отвергнув Луцк, Ольговичи фактически заявили о своем намерении возобновить борьбу за Галич. Однако, вернувшись в Киев, Михаил не принимал больше активного участия в галицких делах. Теперь главным участником борьбы за Галич со стороны Ольговичей стал его сын Ростислав. Михаил же оказывал ему в этой борьбе всяческую поддержку.

На время татарского нашествия черниговские и волынские князья были вынуждены приостановить борьбу за галицкую землю, а вот противоборствовавшие боярские группировки продолжали действовать весьма активно. Оказавшись без князя на то время, что Даниил провел в качестве беженца за границей, они присвоили его роль себе. Верх в этом «самостоятельном правлении» одержали сторонники Ольговичей. Их положение оказалось более выгодным, поскольку, как мы уже отмечали выше, многие сторонники Даниила бежали в Венгрию и оберегали там его сына Льва.

В итоге княжеская власть оказалась в руках Доброслава Судьича. На правах князя он распределял землю между боярами, бежавшими из Чернигова, тем самым упрочивая в Юго-Западной Руси позиции сторонников Ольговичей. Кроме того, он конфисковал город Бакоту на Днестре и окружавшее его Понизье, составлявшие южную периферию Галицкого княжества²³. Благодаря этому он установил контроль над Коломаем на реке Прут, доходы от богатых соляных запасов которого были важным источником финансирования княжеского войска²⁴. Даниил проклинал Доброслава за то, что тот урезал доставлявшееся князю количество соли. Следовательно, значительное количество ее должно было отправляться куда-то еще, возможно, в Чернигов²⁵.

Еще одним боярином, интриговавшим против Даниила, был Григорий Васильевич, бывший галицкий дворский князя Ростислава Михайловича. Он попытался захватить ту часть Перемышля, что находилась на левом берегу Сана и, вероятнее всего, принадлежала сторонникам Даниила²⁶.

Так в 1240-1241 гг. контроль Даниила над галицкой землей был подорван из-за анархии, установившейся вследствие интриг Доброслава и Григория. Летописец отмечает очень сильные антикняжеские настроения обоих. Он пишет, что даже тогда, когда они спорили друг с другом, в одном всегда сходились: они не желали подчиняться Даниилу и хотели «землю его передать другому князю»²⁷. Хотя этого «другого князя» летописец и не называет, нет сомнений в том, что им мог быть только кто-то из Ольговичей. Даниил отплатил боярам тем,

что бросил обоих в тюрьму. При этом, однако, его поступок не только не разрешил уже имевшейся проблемы, но и привел к новым неприятностям. Ольговичи использовали его как предлог для очередного вторжения в политическую жизнь Юго-Западной Руси.

Татары нанесли огромный урон русским князьям, но даже это не смогло остановить их от продолжения междоусобной борьбы. После того как Даниил, заключив под стражу Доброслава, восстановил контроль над Бакотой в Понизье, Ростислав Михайлович попытался вернуть ее Ольговичам. Его силы были отбиты Кириллом, печатником Даниила, и Ростиславу пришлось вернуться в Чернигов²⁸. Показательно, что Ростислав попытался захватить именно Бакоту, а не Галич. Вполне возможно, что Ольговичи в период правления Доброслава извлекали из Бакоты немалую прибыль. Особенно если учитывать соляные ресурсы Коломая.

Ростислава в походе сопровождали «остававшиеся галичане» и «князя Болохова». «Остававшиеся» - возможно, те галицкие бояре, которые выступали против Даниила и, избежав репрессий, развернувшихся после возвращения князя из польского изгнания, бежали за содействием к Ольговичам. Наказывая Доброслава, Григория и других непокорных бояр, Даниил, судя по всему, не предпринимал никаких карательных действий против «князей Болхова». Однако, узнав, что они помогли Ростиславу напасть на печатника Кирилла в Бакоте, он принял экстренные меры - вторгся в их земли, захватил богатую добычу, сжег их города и разрушил городские стены. В то же самое время Кирилл с воинами конными и пешими занял один из их городов и оттуда ушел разорять земли Болохова²⁹.

Летописец объясняет, что татары не разорили эти земли, потому что хотели, чтобы «князей Болхова» снабжали их войска пшеницей и просом. Следовательно, Даниил мог относиться к ним негативно уже из-за того, что они слишком надеялись на захватчиков. Кроме того, его гнев могло вызвать и то, что во время нашествия, когда князьям Болхова пришлось бежать из своих земель, он спас их от Болеслава Мазовецкого. Тот не хотел давать им убежище в своей земле, объясняет летописец, потому что они были самостоятельными князьями, а не вассалами Даниила. Они, однако, убеждали Болеслава, что станут его подданными, и в то же самое время просили о помощи Романовичей. Даниил и Василько даже собирались воевать с Болеславом из-за своих соотечественников, но это не понадобилось. Василько преподнес Болеславу множество даров и убедил его освободить князей. И, как заключает летописец, «они же не помнили благодетелей Романовичей, и Бог отомстил им, так что ничего не осталось от их городов и все их было уничтожено»³⁰.

Известия о карательных действиях Даниила против князей Болхова дают нам самое подробное описание их политического статуса, какое только можно найти в источниках. Они были самостоятельными князьями, в политическом отношении независимыми от Даниила. Хотя, исходя из информации о том, что в 1234 г. они осадили Каменец³¹, князя Болхова, хотя и были традиционно враждебны к Даниилу, оказавшись в трудном положении среди поляков, они обратились к нему за помощью. Судя по тому, что он согласился им помочь, Даниил хотел заручиться их дружеским расположением. Они же, судя по всему, не рассматривали эту свою просьбу о помощи в Мазовии как залог обязательной верности Даниилу. Как только позволили обстоятельства (т. е. после того как князья в безопасности вернулись к себе домой), они возобновили свои связи с Ольговичами и вновь заняли враждебную по отношению к Даниилу позицию. Тот отплатил им, вторгнувшись в их земли и попытавшись ограничить их власть и подорвать независимость. Эти карательные меры на время обезопасили его от набегов со стороны болховских князей³², хотя так и не смогли остановить Ростислава Михайловича от возобновления его претензий на контроль над Галичем.

Летописец сообщает, что, не сумев взять Бакоту, Ростислав вместе с боярином Володиславом Юрьевичем напали на Галич и взяли город. Тысяцким Ростислав назначил Володислава³³. Весной 1242 г., после того как Даниил и Василько узнали о взятии Галича, они выступили против Ростислава. Не имея возможности противостоять их атаке, последний вместе с епископом Артемием и другими горожанами бежал из Галича. Романовичи, преследуя беглецов, узнали о том, что татары покинули Венгрию и направляются на восток через галицкие земли. Эта новость, объясняет летописец, спасла Ростислава от Романовичей, и он смог убежать в Венгрию³⁴.

Изгнав Ростислава из Галича, Даниил попытался восстановить в княжестве порядок. Судя по всему, он постарался избавиться от всех сторонников Ольговичей. Внимание его было приковано к Понизью, в первую очередь к городам Бакота и Калиус³⁵. Следовательно, можно предположить, что вновь на повестке дня встал вопрос о соляных ресурсах. Кроме того, летописец считал важным отметить, что особые карательные мероприятия были предприняты Даниилом в отношении города Перемышля, где местную оппозицию возглавляли епископ и некий князь Константин Рязанский, союзник Ольговичей³⁶.

Известие о том, что епископы Галича и Перемышля, бывшие единственными епископами в Галицком княжестве, поддерживали Ольговичей, предполагает, что они из-за чего-то явно были настроены против Даниила. Как ни странно, основные их страхи никак не были

связаны со его стремлением установить тесные связи с Венгрией, хотя это и означало бы рост влияния в Галицкой Руси римско-католической церкви. Как мы уже видели, они поддерживали Ольговичей, которые заключили союз с Белой IV и призвали венгров защищать Галич. Хотя летописец и не объясняет причин такой враждебности епископов по отношению к Даниилу, возможно, что он или конфисковал церковные земли, или же каким-то другим способом ограничил их церковную власть, пытаясь восстановить собственный контроль над Галичем. Есть все основания предполагать, что князь был заинтересован в том, чтобы влиять на руководство церкви. Это следует уже из того, что, когда после разграбления татарами Киева 6 декабря 1240 г. он был в Холме, его сопровождал митрополит Кирилл. Его, судя по всему, именно Даниил мог назначить на этот пост³⁷. Следовательно, оба епископа, желая защитить свою независимость и укрепить связи с митрополитом, обратились за поддержкой к Михаилу, чья политика по отношению к церкви была гораздо более мирной. Даниил, однако, сумел подавить их сопротивление и к 1242 г. восстановил свою власть над галицкой землей.

Татары попытались выступить против Даниила вскоре после того, как тот подавил внутреннюю оппозицию в Юго-Западной Руси. Когда князь находился в Холме, один из его шпионов, половец, сообщил ему, что Батый возвращается из Венгрии и выслал перед собой двух военачальников со специальными отрядами, чтобы разыскать Даниила. Князь укрепил Холм и отправился к своему брату Василько³⁸. Эта информация весьма показательна. Из нее следует не только то, что Батый в общем имел представление о местонахождении Даниила, но и то, что хан, послав за ним двух своих военачальников, проявлял к нему особый интерес. Это последнее обстоятельство особенно важно. Судя по тому, что они не напали ни на один волынский город, главной целью их миссии было обнаружить Даниила. К сожалению, летописец не объясняет, зачем Батый хотел разыскать его.

В 1239 г., как уже отмечалось выше, Даниил был одним из трех князей, которые заключили договор с татарами. Условия, которые они приняли, вероятно, предполагали, что они не просто должны капитулировать перед ханом и принести ему клятву верности, но и, вполне возможно, снабжать его вспомогательными войсками или провизией. Так как в 1239 г. татарские войска так и не дошли до Волыни, Даниилу тогда, очевидно, не пришлось выполнять своих обязательств. Двумя годами позже, когда татары напали на Волынь, он находился в Венгрии. Следовательно, когда Батый возвращался из Венгрии, он вполне мог отправить войска на Волынь, чтобы напомнить Даниилу о его обязательствах. Даниил, однако, снова попытался избежать встречи с врагом, спрятавшись от него вместе со своим братом.

Тем временем в 1242 г., после того как Ростислав прибыл ко двору Бела, к его предложению король выказал большее расположение и согласился отдать ему в жены свою дочь³⁹. Мы не знаем, почему именно король решил все же согласиться на это предложение, отвергнутое им двумя годами раньше, во время первого визита русского князя. Однако, несомненно, на его позицию повлияло жестокое поражение, которое венгры потерпели от татар в битве при Мохи 11 апреля 1241 г.⁴⁰ В 1240 г., когда идею брачного союза озвучивал Михаил, Черниговское княжество уже было разорено татарами, а Венгрия все еще оставалась нетронутой. К 1241 г. татары разорили уже и Венгрию, и то тяжелое положение, в котором оказался Бела, напоминало положение Ольговичей. Более того, сын Михаила, ставший главным соперником Даниила в борьбе за галицкий престол, мог оказаться прекрасным проводником венгерских интересов. Благодаря этому браку Бела IV, очевидно, пытался заполучить союзника, который в итоге мог бы контролировать буферную зону между Венгрией и татарами⁴¹.

Михаил отправился в Венгрию после того, как узнал о браке сына. Король и Ростислав, однако, «не встретили его с должными почестями». Разозлившись из-за поведения сына, Михаил вернулся в Чернигов⁴². Никаких объяснений такой позиции Ростислава источники нам не дают. Михаил, со своей стороны, посчитал такое поведение сына равнозначным измене. Отношения между ними испортились настолько, что, как сообщают источники, больше они никогда не встречались. Нет никаких летописных свидетельств и о том, что Ростислав возвращался в Чернигов. До самой смерти он жил в Венгрии, где король, его тесть, пожаловал ему различные титулы.

Покинув Венгрию, Михаил оставил не только своего сына при дворе венгерского короля, но и последнюю надежду вернуть контроль над Галицкой Русью. Ростислав, стоявший во главе политики, проводившейся в этом регионе Ольговичами с 1236 г., перестал представлять там их интересы, женившись на венгерской принцессе. Став зятем короля, он установил с Белой не только семейные, но и политические отношения. Он стал агентом венгерской экспансии в Юго-Западной Руси. Хотя король и считал себя официальным правителем Галицкой Руси, именно Ростислава он планировал сделать своим представителем в этом регионе⁴³. Следовательно, эта измена Ростислава означала завершение вмешательства Ольговичей в дела Юго-Западной Руси.

Контроль Михаила над Галицкой Русью был подрван из-за вмешательства с нескольких сторон. В 1239 г. татары нанесли неопишуемый урон его силам, разорив его вотчину - Чернигов. Заключив союз с тремя могущественными князьями, правившими в Южной и Юго-Западной Руси, они к тому же добились изоляции Михаила, лишив

его возможной поддержки других князей. Наконец, в следующем году татары разорили Киев, лишив князя ресурсов и этого города. Даниил также сыграл свою роль в ослаблении власти Михаила над Галицкой Русью. Он не только изгнал из Галича Ростислава в конце 1230-х гг., но и сумел навсегда прогнать его из галицких земель в 1242 г. Более того, заставив Ростислава бежать в Венгрию, он, пусть и косвенно, добился того, что тот предал интересы Ольговичей. После второго бегства Ростислава Даниил избавился и от мятежных бояр, поддерживавших Ольговичей, тем самым обезопасив свою власть над Юго-Западной Русью. Окончательно устранило претензии Михаила на Галицкую Русь неожиданное решение Ростислава перейти на сторону Венгрии. Его предательство стало тройным ударом для Михаила: во-первых, он лишился своего наиболее опытного агента влияния в Юго-Западной Руси; во-вторых, потерял надежду на столь нужный союз с Белой IV; в-третьих, это предательство стимулировало возрождение претензий венгерского короля на Галицкую Русь.

Даниил избавился от противостояния с Михаилом, но его права на Галич, пусть и в роли венгерского агента, все еще оспаривал Ростислав. Опираясь на силы королевского войска, тот предпринял две безуспешные попытки захватить галицкие земли. Первая неудачная атака состоялась вскоре после того, как его отец вернулся в Чернигов⁴⁴. В 1245 г. он предпринял второй поход против Романовичей, в котором его сопровождали венгерские и польские отряды. Он осадил город Ярославль на реке Сан к северу от Перемышля, однако его армия была разбита объединенными войсками Романовичей и половцев. Множество венгров и поляков было взято в плен, Даниил приказал казнить значительное число венгров. Собственноручно он расправился с неким венгерским военачальником. Галицкий боярин Володислав Юрьевич, переходивший то на сторону Даниила, то на сторону Ростислава, также попал в плен и был казнен. Ростислав, однако, сумел бежать в Венгрию. Летописец сообщает, что Даниил одержал свою славную победу 17 августа 1245 г.⁴⁵

Поражение Ростислава под Ярославлем завершило между ним и Даниилом вражду из-за Галича. Резкие и драматические действия, связанные с казнью такого количества пленных врагов, давали понять и галицким боярам, и венграм, что Даниил полон решимости любой ценой сохранить контроль над Галичем. И его меры дали желаемый результат. Казнь боярина Володислава означала уничтожение последнего эффективного источника оппозиции в самом Галиче, а ликвидация венгерских пленников предостерегала Белу IV от новых проявлений враждебности. Судя по всему, после разорения Венгрии татарами основной задачей короля стало восстановление порядка

внутри собственных владений. Нашествие, за которым последовали эпидемия и голод, стоило Венгрии примерно половины ее населения⁴⁶. Очевидно, дальнейшие потери, вроде тех, что венгры уже понесли после поражения при Ярославле, в то время были для короля слишком высокой ценой за установление контроля над Галичем. Вместо продолжения конфликта король заключил с Даниилом мир и, по-видимому, попытался составить военно-политический союз, скрепленный династическим браком⁴⁷. Таким образом, после поражения Ростислава ни венгры, ни Ольговичи не могли вернуть себе власть над княжеством. Казалось, что Даниил стал неоспоримым претендентом на галицкий престол.

Однако даже эта победа не гарантировала сохранения его власти над Галицкой Русью. Летописец сообщает, что татарский военачальник по имени Могучей потребовал, чтобы Даниил передал власть над Галичем ему⁴⁸. Даниил же не хотел отдавать «половину своей вотчины». Он решил отправиться к хану Батыею за ярлыком на Галич. В путь он тронулся 26 октября 1245 г., в праздник св. Дмитрия⁴⁹. По пути в Сарай, столицу хана, он посетил Киев, а затем прошествовал к волжскому лагерю Батыя. В гостях у хана он провел 25 дней. Визит, казалось, прошел успешно: Батый пообещал ему ярлык на правление в волынской и галицкой землях⁵⁰. После того как Даниил получил ханский ярлык на правление галицкой землей, всякие устремления Михаила вернуть себе контроль над Юго-Западной Русью могли быть забыты раз и навсегда.

Перевод с английского В.Г.Ананьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипатьевская летопись ошибочно сообщает под 1234 г. о нападении татар на Чернигов, имевшем место в 1239 г. См.: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2 (далее – Ил). Стб. 772. См. также: *Dimnik M.* The Siege of Chernigov in 1235 // *Mediaeval Studies*. Toronto, 1979. Vol. 41. P. 387-403.

2. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. Toronto, 1981. P. 85-87; *Майоров А. В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. LX. С. 311-326.

3. Ил. Стб. 783. Летопись помещает это известие под 1238 г. Однако, как отмечалось выше, Михаил бежал в Венгрию зимой 1239–1240 гг. Отказ Белы IV удовлетворить просьбу Михаила отнюдь не означает, что венгерский король в это время был настроен более дружелюбно по отношению к Даниилу. До падения Киева сам Даниил ездил в Венгрию и просил короля выдать его дочь за своего сына Льва. Бела отверг и это предложение. См.:

там же. Стб. 787. См. также: Стб. 809 под 1250 г.

4. Ил. Стб. 782. Подробнее об этих событиях см.: *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 33-94. См. также: *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 43-113.

5. Ил. Стб. 782-783; Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1 (далее – Лл). Стб. 469.

6. Ил. Стб. 783.

7. Так как Михаил не мог вернуться в Киев, Даниил позволил ему и Ростиславу поселиться где-то в волынских землях. См.: там же. Стб. 783. Летописных свидетельств о том, что местом их пребывания стал Луцк, у нас нет.

8. Пять лет спустя, в 1245 г., галичане будут высказывать сожаление из-за того, что Даниил не укрепил свои земли. См.: там же. Стб. 805-806.

9. Подробнее см.: *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 4. С. 56-72. См. также: *Майоров А.В.* Последний рубеж западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 2. С. 6-12.

10. Ил. Стб. 784-787.

11. Лл. Стб. 460-467.

12. Там же. Стб. 465-466.

13. Судя по всему, к 1241 г. Даниил уже не считал Владимир своей столицей. Как мы отмечали, его резиденция располагалась в Холме, к северо-западу от Владимира. По крайней мере, так было в 1238 и 1239 гг., когда галичане сообщили ему, что Ростислав выступил в поход против литовцев. См.: Ил. Стб. 777. Когда в 1241 г. Даниил вернулся на Волынь, он вновь отправился в Холм, который «Бог упас от безбожных татар». См.: там же. Стб. 788-789.

14. Там же. Стб. 786.

15. Новую интересную гипотезу, объясняющую развитие отношений Даниила Галицкого с татарами накануне и во время нашествия Батыя на Южную и Юго-Западную Русь, см.: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 1. С. 53-77.

16. Ил. Стб. 783-784. Летопись сообщает об этом под 1238 г. Однако Киев был захвачен 6 декабря 1240 г. Михаил с сыном, следовательно, должны были отправиться на Волынь в конце 1240 – начале 1241 г.

17. Там же. Стб. 787-788.

18. Там же. Стб. 789.

19. Там же. Стб. 784.

20. Там же. Стб. 788-789. Летописец ошибочно датирует возвращение Михаила на Русь 1240 г. Так как после битвы при Лигнице он был все еще вместе с поляками, то и вернуться домой должен был только после апреля 1241 г.

21. Об этом конфликте см.: *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov... P. 60-61.

22. Согласно летописи, Даниил во время татарского нашествия на Волынь пытался найти убежище у сына Конрада Мазовецкого Болеслава. Он вер-

нулся после ухода татар. Более того, он вернулся раньше Михаила, так как был оскорблен, что тот не нанес ему визит во время своего возвращения из изгнания. См.: Ил. Стб. 787-789.

23. Южный район княжества, или Понизье, состоял из нескольких городов: Калиуса, Ушицы, Бакоты, Онута, Васильева, Коломая. Они представляли собой заслон от нападений степных кочевников. Хотя эти города и входили в состав Галицкого княжества, тесной связи между ними и центральной властью не существовало. В XII в. этот район называли Галицкая Украина, а в XIII в. он был известен уже как Понизье. См.: *Раннопопм П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1967. № 140. С. 177.

24. Ил. Стб. 790. Судя по данным XI в., Галицкое княжество было главным источником соли для большей части Руси. В то время если галицкие князья «запрещали купцам выходить из Галича, а лодкам плыть из Перемышля, не было соли нигде в русской земле». См.: *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. [Киев, 1930.] С. 151-152. Размах галицкой торговли солью виден и по масштабам местных торговых караванов. Так, например, под 1164 г. летописец сообщает о том, что, когда Днестр вышел из берегов, этот потоп угрожал жизням более чем 300 человек, везших соль из города Удеха, вероятно, расположенного в Понизье. См.: Ил. Стб. 524.

25. Там же. Стб. 789. Летопись ошибочно помещает это известие под 1240 г. Однако галицкие бояре, вероятнее всего, смогли установить контроль над территорией княжества лишь после бегства Даниила к полякам в начале 1241 г.

26. Там же. Стб. 789.

27. Там же. Стб. 790-791.

28. Там же. Стб. 791. В литературе высказывалось мнение, что печатник Кирилл был тем самым человеком, который в начале 1240-х гг. возглавил Киевскую митрополию. Но аргументы в пользу такой гипотезы неубедительны. См., напр.: *Fuhrmann J. T.* Metropolitan Cyril II (1242 – 1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Wiesbaden, 1976. Band 24. S. 161-163.

29. Ип. Стб. 791. К числу болховских городов принадлежали Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Бужский. Они располагались в юго-западной части Киевского княжества и граничили с волынской и галицкой землями. Эти города находились на севере и востоке от Межибожья, которое располагалось в верховьях Южного Буга. Южную границу болховских земель, вероятно, как раз и составляла эта река. К северу от них лежали города Колодяжен и Каменец. См.: *Раннопопм П. А.* Города Болоховской земли // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1955. Т. 57. С. 52-59.

30. Ил. Стб. 791-793.

31. Там же. Стб. 774-775.

32. Судя по всему, карательные меры Даниила против «князей Болохова» не предотвратили их дальнейших враждебных действий против него. По крайней мере, под 1257 г. в летописи содержится информация о том, что

Даниил вновь приказал разорить болоховские земли. После этого все «болоховцы» перешли к нему, вероятно, признав его своим князем. Это последний случай упоминания болоховских земель в летописи. См.: там же. Стб. 838.

33. Согласно летописи, Володислав колебался между Даниилом и Ростиславом. В 1229 г. он воевал на стороне Даниила (См.: там же. Стб. 759). В 1231 г. в одном случае он называется предателем Даниила (См.: там же. Стб. 764), а в другом получает от князя назначение командовать его войсками (См.: там же. Стб. 766). В 1241 г., однако, он помогает Ростиславу установить контроль над Галичем (См.: там же. Стб. 793), а в решающей битве 1245 г. он вновь рядом с Ростиславом. Одержав победу, Даниил велел казнить боярина. См.: там же. Стб. 804-805.

34. Там же. Стб. 793. Хан Угедей умер 11 декабря 1241 г. См.: *Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223-1502* [Wiesbaden, 1965]. S. 24. Батый узнал об этом в Европе ближе к концу марта 1242 г. и решил возвращаться на восток. Следовательно, бегство Ростислава из Галича должно было произойти не раньше марта 1242 г. Ипатьевская летопись ошибочно помещает сообщение о нем под 1243 г. См.: Ил. Стб. 794.

35. Там же. Стб. 793.

36. Там же. Стб. 793-794. Это единственное упоминание в летописи о князе Константине.

37. Там же. Стб. 794. О митрополите Кирилле см.: *Голубинский Е. История русской церкви*. М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 50-89.

38. Ил. Стб. 794.

39. Там же. Стб. 794. Как мы уже отмечали, Ростислав бежал в Венгрию, вероятно, после марта 1242 г. Однако точная дата заключения этого брака неизвестна. Так как король, судя по всему, не возражал против этого союза, скорее всего, он был заключен вскоре после прибытия Ростислава к венгерскому двору.

40. Там же. Стб. 786-787. О походе Батыя на запад см.: *Vernadsky G. The Mongols and Russia*. New Haven, 1953. P. 52-58.

41. К.Э. Маккартни отмечает, что после разорения Венгрии татарами король организовал совершенно новую систему обороны, основанную на линии крепостей. Более того, «с юга и востока Венгрию окружало кольцо «банатов» или зависимых от нее государств, к числу которых принадлежали Босния и север Сербии, Северин, Кумания (позднее – Валахия) и Галиция». См.: *Macartney C.A. Hungary, A Short History*. Edinburgh, 1962. P. 33-34.

42. Ил. Стб. 795. Хотя летописец помещает это известие под 1245 г., едва ли Михаилу понадобилось два года, чтобы узнать о браке собственного сына. Вероятнее всего, он получил известие о случившемся вскоре после того, как союз был заключен, и сразу же отправился в Венгрию. В летописи написано, что Михаил «бежал в Венгрию», но не уточняется – бежал ли он из Киева или из Чернигова. Однако известие о том, что из Венгрии он вернулся в Чернигов, позволяет предположить, что Киев к тому времени уже находился в руках Ярослава Всеволодовича, который получил от Батыя ярлык на киевское княжение. Ярослав отправился в Сарай зимой 1242 – 1243 гг. и, судя по всему, вернулся на Русь в начале 1243 г. Следовательно, после этого

Михаил должен был вернуться в Чернигов. О датировке визита Ярослава см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 271.

43. Согласно венгерскому источнику, Бела называл себя «королем Венгрии, Далмации, Хорватии, Боснии (Рамы), Сербии, Галиции, Владимира (Лодомерии) и Кумании». См.: *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, ed. G. Fejér, Budaë, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 577. Во фрагменте 1245 г., в котором король Бела IV восхваляет подвиги некоего мастера Лоуренса, он говорит о «нашем возлюблено зяте Ростиславе (Ратислао), князе Галиции». См.: *Ibid.* P. 396.

44. Ил. Стб. 797.

45. Там же. Стб. 804-805.

46. *Macartney C.A.* Hungary, A Short History. P. 33.

47. Ил. Стб. 809. Интересную реконструкцию событий 1245 – 1246 гг. см.: *Майоров А. В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 3. С. 54-77.

48. Там же. Стб. 805-806.

49. Вероятнее всего, это был праздник св. Дмитрия Солунского, отмечаемый 26 октября. Такую дату подтверждает и рассказ монаха Джованни ПIANO Карпини, который посетил Батюя после Даниила. Монах отправился из Лиона 16 апреля 1245 г. По пути он посетил Германию, Богемию и Польшу. В Польше он встретился с Василько Романовичем и узнал от того, что его брат Даниил как раз в это время отбыл к хану. Пробыв некоторое время у Василька на Волыни, монах прошел через город Данилов, где его, почти умирающего, на повозке везли по чрезвычайно холодному и глубокому снегу. См.: *Plano Carpini de J.* The Journey of Friar John of Pian de Carpini to the Court of Kuyuk Khan 1245-47 as narrated by himself, ed. and trans. W.W. Rockhill. London, 1900. P. 1-4. Если он был в Данилове зимой 1245 – 1246 гг., следовательно, Даниил должен был отправиться в путь через некоторое время после своей победы при Ярославле 17 августа и до начала зимы. Дата 26 октября 1245 г., таким образом, выглядит весьма правдоподобной.

50. Ил. Стб. 805-808.

References

Berezhkov N.G. Hronologija russkogo letopisanija [Chronology of Russian chronicles], M., 1963.

Dimnik M. The Siege of Chernigov in 1235, Mediaeval Studies, Toronto, 1979, vol. 41, pp. 387-403.

Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246, Toronto, 1981, pp. 85-87.

Fuhrmann J.T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1976, Band 24.

Golubinskij E. Istorija russkoj cerkvi [History of the Russian Church], M., 1900, t. 2, ch. 1.

Macartney C.A. Hungary, A Short History, Edinburgh, 1962.

Maïorov A.V. Letopisnye izvestija ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentarija k Galicko-Volynskoj letopisi) [Chronicles about the defense of Chernigov from the Mongol-Tatars in 1239 (from the commentary to the Galicia-Volyn chronicle)], Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN, SPb., 2009, t. LX, pp. 311-326.

Maïorov A.V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' pervaja [Tale of the invasion of Batu in Hypation chronicles. Part One], Rossica antiqua, 2012, № (5), pp. 33-94.

Maïorov A.V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' vtoraja [Tale of the invasion of Batu in Hypation chronicles. Part Two], Rossica antiqua, 2012, № 2(6), pp. 43-113.

Maïorov A.V. «Korol' Rusi» v bitve na Lejte [«The king of Russia» in the battle of leitha], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 3 (29), pp. 54-77.

Maïorov A.V. Mongolo-tatary v Galicko-Volynskoj Rusi [Mongol-tatars in the Galicia-Volyn Rus], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 4 (30), pp. 56-72.

Maïorov A.V. Daniil Galickij i «princ Tartar» nakanune nashestvija Batyja na Juzhnuju Rus' [Daniel of Galicia and the «prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 1 (31), pp. 53-77.

Maïorov A.V. Poslednij rubezh Zapadnogo pohoda Batyja i Karpato-Dunajskie zemli [Last frontier western batu's campaign and the carpathian-danube earth], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 2 (32), pp. 6-18.

Plano Carpini de J. The Journey of Friar John of Pian de Carpini to the Court of Kuyuk Khan 1245-47 as narrated by himself, ed. and trans. W. W. Rockhill. London, 1900.

Rappoport P.A. Goroda Bolohovskoj zemli [The City of the Bolokhovskaya land], Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah instituta istorii material'noj kul'tury, M., 1955, t. 57, pp. 52-59.

Rappoport P.A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel' X-XIV vv. [Military architecture western Russian lands 10-14 centuries], L., 1967 (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 140).

Vernadsky G. The Mongols and Russia, New Haven, 1953.

Димник Мартин – Ph. D., профессор, Канада, Папский институт медиевистики, Университет Торонто.

e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

Dimnik Martin – Ph. D., Professor, Canada, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, University of Toronto.

e-mail: martin.dimnik@utoronto.ca

УДК 94(47).03

DOI: 10.17223/18572685/35/4

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И ТАМПЛИЕРЫ

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

ResearcherID A-5985-2013

Scopus Author ID 55092108400

SPIN-код: 4584-2571

Авторское резюме

В статье рассматривается уникальный в истории Древней Руси случай – прямые контакты галицко-волинского князя Даниила Романовича с рыцарями Ордена тамплиеров. Автор реконструирует историю отвоевания князем Даниилом города Дрогичина. Устанавливается, что изначально единый рассказ об этом событии в Галицко-Волинской летописи оказался разделенным на части и помещен в разные места. Это произошло в результате перемещения листов при переписывании кодекса. При восстановлении текста единого рассказа выясняется, что город был отбит у рыцарей-тамплиеров.

Ключевые слова: князь Даниил Романович, Галицко-Волинская летопись, город Дрогичин, рыцари-тамплиеры.

Daniil Galitsky and Templars

A.V. Maiorov

St. Petersburg State University
University Embankment, 7/9 St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Abstract

The article discusses the unique in the history of ancient Russia case – direct contact Galician-Volyn Prince Daniel Romanovich with the Knights of the Order of the Knights Templar. The author reconstructs the story of the reconquest of the city Droghichin by Prince Daniel. It is established that the original single story about the event in the Galicia-Volyn chronicle was divided into pieces and placed in different places. This occurred as a result of moving the sheets when rewriting the code. When restoring a

single text story it appears that the city was recaptured from the Knights Templar.

Keywords: Prince Daniel Romanovich, Galicia-Volyn chronicle, the city Drohichin, the Knights Templar.

Под 6743 (1235) г. в Галицко-Волынской летописи читаем: «Весне же бывши, поидоста на Ятвезе, и приидоста Берестью, рекамъ наводнившимся, и не возмогоста ити на Ятвязе. Данилови рекъшоу: "Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Темпличемъ, рекомымъ Соломоничемъ". И поидоста на не в силе тяжьце. Приаста град месяца марта, стареишиноу ихъ Броуна яша, и во[и] изоимаша, и възвратися [в] Володимеръ»¹.

Это известие вызывает некоторое недоумение ввиду своей неполноты: в сообщении не говорится даже о том, какой город был отбит Даниилом у «крижевников». Суть сообщения становится понятной только при соединении отрывка с известием о взятии Даниилом Дрогичина, помещенным в Галицко-Волынской летописи под 6748 (1240) г.: «И приде ко граду Дорогычиноу, и восхоте внити во град, и вестно бысть емоу, яко не внидеши во град. Ономоу рекшоу, яко се былъ град нашъ и отецъ наших, вы же не изволисте внити вонъ. И отъиде, мысля си, иже Богъ послеже отъмъстье створи держателю града того. Въдасть и в роуце Данилоу, и обьновивы и, созда церковь прекрасноу святое Богородици, и рече: "Се градъ мои, преже бо прияхъ и копьемъ"»².

История отвоевания Даниилом Дрогичина у рыцарей-крестоносцев имеет значительную литературу³. Большинство современных исследователей склоняются к выводу, что князь дважды брал Дрогичин, поскольку об этом дважды упоминает летопись: в первый раз город был отбит у крестоносцев, а во второй раз – у кого-то из волынских бояр, отказавшихся признавать власть Романовичей⁴.

Исходя из этого представления, первое взятие Даниилом Дрогичина связывают с фактом передачи города рыцарям Добжиньского (Добринского) ордена, засвидетельствованным жалованной грамотой князя Конрада Мазовецкого от 3 марта 1237 г.⁵, и относят к 1237 или 1238 гг.⁶

Добжиньский орден, известный также как «Братство рыцарей Христа в Пруссии» (*Fratres Milites Christi de Prussia*), был создан прусским епископом Христианом между 1216 и 1228 гг. и получил покровительство со стороны мазовецкого князя Конрада, предоставившего рыцарям город Добжинь-на-Висле. Изначально орден был связан с цистерцианцами и тамплиерами, чьи правила послужили образцом для его устава. Наряду с привлечением местной шляхты для вступления в орден были приглашены около двух десятков не-

мецких рыцарей, в основном из Мекленбурга. Во главе с магистром Бруно эти рыцари прибыли в Добжинь в 1228 г.⁷

Большинство новейших авторов считают, что именно у рыцарей Добжиньского ордена Даниилом был отбит Дрогичин, и именно об этом событии повествует Галицко-Волынская летопись под 6743 г.⁸

Однако из летописного сообщения ясно видно, что русский князь воевал тогда не с добжиньскими рыцарями, а с тамплиерами. У нас нет оснований думать, будто Даниил или его летописец могли перепутать один орден с другим и принять провинциальную добжиньскую корпорацию за один из самых древних и могущественных рыцарских орденов. Слишком уверенно русский книжник сообщает, что князь имел дело именно с тамплиерами – «Темпличамии, рекомими Соломоничами». Такое определение является буквальным переводом латинского названия Ордена: нищенствующих рыцарей Христа и Храма Соломона, или Орден рыцарей Соломонова храма (*Pauperes Commilitones Christi Templique Solomonici*, или *Milites Templi Salomonis*). Кроме того, летописец указывает, что Даниил воевал за Дрогичин с крестоносцами («крижевниками»). Как известно, белые плащи с красным крестом носили тамплиеры, тогда как знаками добжиньских рыцарей были меч и звезда.

Более того, к моменту завоевания Дрогичина Даниилом Добжиньский орден как отдельная корпорация, скорее всего, уже вообще не существовал. Этот слабый и малочисленный орден еще за несколько лет до описываемых событий был упразднен папой Григорием IX, о чем свидетельствует булла от 19 апреля 1235 г. о включении (инкорпорации) добжиньцев в более сильный Немецкий (Тевтонский) орден.⁹

Конрад Мазовецкий, по-видимому, был против инкорпорации. Между ним и тевтонцами произошел конфликт, когда последние захватили Добжиньскую землю, сочтя ее частью наследства упраздненного Добжиньского ордена. Конрад обратился к Григорию IX с протестом. Для расследования инцидента папа назначил специальную комиссию во главе со своим легатом Вильгельмом, епископом Моденским. Согласно решению комиссии, Добжиньская земли должна была вернуться под власть Конрада, а тот в свою очередь обязывался уплатить рыцарям компенсацию в размере 150 марок серебром¹⁰.

Как полагает А.Н. Масан, после описанного инцидента Конрад и добжиньские рыцари сочли решение папы об инкорпорации утратившим силу. Этим, по мнению историка, объясняется обращение тевтонского магистра Германа фон Зальца к Григорию IX в январе 1236 г. с просьбой подтвердить решение годичной давности¹¹. Однако данных о подтверждении инкорпорации в источниках нет. Передача добжиньцам Дрогичина в марте 1237 г. означала попытку Конрада

усилить их позиции в противостоянии с тевтонцами, хотя это прямо противоречило булле об инкорпорации, – заключает Масан¹²

Едва ли такой вывод можно считать вполне справедливым. Против него свидетельствует формулировка жалованной грамоты Конрада от 3 марта 1237 г., согласно которой князь предоставляет Дрогичинский замок с округой «магистру Б[руно] и братьям его из Ордена рыцарей Христовых, некогда дома Добжиньского» (*magistro B. et fratribus suis, ordinis militum Christi domus quondam Dobrinensis*)¹³.

Наречие *quondam*, употребленное здесь применительно к названию ордена, означает «когда-то, некогда», что указывает на прошедшее, не существующее в настоящее время состояние. Следовательно, к моменту издания грамоты прежнего Добжиньского ордена уже не существовало, его коренные земли (Добжиньская земля) вернулись под власть мазовецкого князя, а магистру Бруно и другим рыцарям, сохранившим верность Конраду, были пожалованы новые земли (Дрогичин с округой). Возможно, в планы мазовецкого князя входило тогда создание нового Ордена рыцарей Христовых дома Дрогичинского.

* * *

Для решения вопроса о времени отвоевания Дрогичина Даниилом Галицким следует сначала выяснить, когда этот город мог перейти от добжиньцев к тамплиерам.

После решения папы об инкорпорации Добжиньского ордена в Тевтонский часть бывших добжиньских рыцарей покинула Польшу. Однако они по-прежнему именовали себя в официальных документах «рыцарями Христа из Пруссии» (*Milites Christi Prucie*). Десять таких рыцарей упоминаются в качестве свидетелей в акте герцога Иоанна I Мекленбургского (1227–1264) от 28 июня 1240 г., подтверждающем приобретение цистецианским монастырем Зонненкампф деревни Зелин (*Selin*)¹⁴.

Грамота Иоанна Мекленбургского подтверждает, что решение об инкорпорации имело реальную силу, и к 1240 г. от бывшего Добжиньского ордена осталось одно только название, поскольку большая часть его верхушки, состоявшей из немецких рыцарей, вернулась на родину. Монастырь Зонненкампф располагался неподалеку от города Висмар в Мекленбурге.

Однако среди имен рыцарей, вернувшихся в Мекленбург, нет имен магистра Бруно и еще нескольких братьев, известных по источникам конца 1220 – начала 1230-х гг.¹⁵ Можно согласиться с Э. Буржинским, предположившим, что после вступления в силу решения об инкорпорации, часть рыцарей Добжиньского ордена отказалась от данной ими клятвы борьбы с прусскими язычниками и вернулась на родину в Мекленбург; другая часть во главе с магистром Бруно перешла в

Дрогичин и, не желая объединяться с тевтонцами, вступила в Орден тамплиеров¹⁶.

Объединению остатков добжиньцев с тамплиерами, по-видимому, способствовали мазовецкие князья. 1 октября 1239 г. сын Конрада Болеслав издал в Вышеграде акт о пожаловании Ордену тамплиеров трех деревень – Орехово, Скушево и Днисово (Данишево?), располагавшихся по течению Западного Буга и Нарева¹⁷. Это первое известное в источниках свидетельство о появлении тамплиеров в Мазовии. М. Старнавская полагает, что на пожалованных Болеславом землях даже была образована особая командория ордена с центром в Орехове¹⁸.

О передаче тамплиерам Дрогичина в документе Болеслава не говорится. Тем не менее, такое пожалование, несомненно, также имело место.

А. Юсупович предположил, что тамплиеры были приглашены в Мазовию сразу после папского решения об инкорпорации добжиньских рыцарей в Немецкий орден, и жалованная грамота Конрада от 3 марта 1237 г. имела в виду передачу Дрогичина тамплиерам, а упомянутый в документе магистр Бруно становился начальником новой тамплиерской командории¹⁹.

Источники, однако, противоречат такому предположению. Совершенно очевидно, что пожалования 1237 и 1239 гг. адресованы разным рыцарским корпорациям. Если в грамоте 3 марта 1237 г. говорится о передаче Дрогичина братьям «Ордена рыцарей Христовых, некогда дома Добжиньского» (*ordinis militum Christi domus quondam Dobrinensis*), то в документе от 1 октября 1239 г. речь идет о пожаловании деревень «Святой земли Иерусалимской рыцарям Храма» (*terre sancte Ierosolimitane fratribusque domus militie Templi*)²⁰.

Трудно допустить, чтобы в документах, вышедших из одной канцелярии с интервалом в полтора года, одна и та же рыцарская корпорация могла выступать под совершенно разными названиями. Еще труднее предположить, что в 1237 г. мазовецкие князья могли воспринимать «рыцарей дома Храма», т. е. тамплиеров, в качестве членов упраздненного папой Добжиньского ордена. Следовательно, пожалование Дрогичина тамплиерам должно было произойти позднее.

Такое пожалование, по всей видимости, также было совершено Конрадом Мазовецким. И хотя акт передачи Дрогичина тамплиерам не сохранился, факт пожалования подтверждается буллой папы Иннокентия IV, сохранившейся в виде регеста: «В 1250 году Иннокентий IV подтверждает дарение тамплиерам замков на реке Бух, которые Конрад, князь Ленчицкий, [пожаловал] тамплиерам во искупление грехов»²¹.

Исследователи единодушны в том, что папа санкционировал передачу тамплиерам наряду с другими поселениями на Буге также и Дрогичинского замка, которую ленчицкий и мазовецкий князь Конрад совершил несколькими годами ранее, перед своей смертью в 1247 г.²² Таким образом, Даниил Галицкий не мог отбить Дрогичин у тамплиеров ни в 1237, ни в 1238 гг. Едва ли это могло произойти в 1239 или 1240 гг., поскольку в конце 1240 – начале 1241 г. Даниил, спасаясь бегством от татар и не найдя приюта в Венгрии, получил убежище у мазовецкого князя Болеслава Конрадовича. Одновременно в Польшу бежали жена Даниила с детьми, а также его брат Василько. Болеслав не только принял беглецов, но и предоставил Даниилу свой город Вышгород («и вдасть емоу князь Болеславъ град Вышегородъ»), в котором Романович находился до тех пор, пока не получил известие об уходе татар из Русской земли («дондеже вѣсть прія, яко сошли соуть и земле Руское безбожнии») ²³.

Приведенное известие Галицко-Волынской летописи показывает, что на рубеже 1230–1240-х гг. Даниил Романович и Болеслав Конрадович были союзниками. Данное обстоятельство, на наш взгляд, исключает возможность ведения Даниилом в это же время войны за Дрогичин с опекаемыми мазовецкими князьями добжиньцами или тамплиерами, тем более, что сам Дрогичин Конрад и Болеслав, несомненно, считали тогда своим владением ²⁴.

* * *

Сообщение о захвате Даниилом Дрогичина производит впечатление позднейшей вставки. «Отсутствие конкретных деталей битвы, – замечает В. И. Матузова, – наводит на мысль, что это повествование было позднейшей интерполяцией в “Летописец” в той его части, где речь шла о возвращении Даниилу галицкого стола. Вероятно, эта запись относится к концу XIII или началу XIV в., когда детали события были уже забыты, а каким-либо письменным источником о нем редактор не располагал» ²⁵.

О недостаточно тщательной обработке текста позднейшим редактором свидетельствует непоследовательность в употреблении грамматических форм двойственного и множественного числа глаголов. Чтобы связать сообщение о победе над тамплиерами с известием о неудачном походе на ятвягов Даниила и Василька, редактор продолжает использовать двойственное число: князья «*поидоста* на не в силе тяжьце» и «*приаста* град месяца марта», а затем переходит на множественное число (как, вероятно, было в первоначальном тексте, где речь шла об одном только Данииле и его воинах): «старейшиноу ихъ Броуна *яша*, и во[и] *изоимаша*, и *возьвратися* [в] Володимерь».

Что же касается второй части рассказа о взятии Дрогичина, датированной в Ипатьевском списке 6748 г., то помещение ее вслед

за сообщением о возвращении Даниила из Мазовии на Русь после ухода татар представляется более уместным.

Можно согласиться с А. Юсуповичем, что в 1241 г., возвращаясь домой, Даниил прибыл к Дрогичину, где встретил весьма грубый прием со стороны гарнизона, руководимого рыцарями во главе с магистром Бруно. Памятуя об этом оскорблении и считая город своим владением, через некоторое время Даниил изгнал рыцарей из Дрогичина под предлогом того, что «не подобает держать нашу отчину крестоносцам-тамплиерам, называемым Соломонитами»²⁶. Из летописного рассказа видно, что Даниил не имел возможности сразу взять Дрогичин и поначалу должен был стерпеть оскорбление, нанесенное ему рыцарями: князь ушел ни с чем, затаив мысль, что с божьей помощью когда-нибудь сможет отомстить держателю города («и отъиде, мысля си, иже Богъ послезе отъмъстье створи держателю града того»). И только спустя время, как говорит летописец, «въдасть [Богъ] и (т. е. Дрогичин. – А. М.) в роуце Данилоу». По мнению Юсуповича, выбить тамплиеров из Дрогичина и захватить в плен магистра и часть рыцарей Даниил смог в 1243 г.²⁷ Предложенные исследователем аргументы, на наш взгляд, заслуживают внимания. Нельзя, однако, исключать, что отвоевание Дрогичина могло произойти и несколькими годами позже.

Если соединить обе части летописного рассказа об отвоевании Даниилом Дрогичина у тамплиеров, то станут ясными некоторые подробности взятия города. Русский князь предъявил тамплиерам ультиматум, потребовав уйти из города, а затем собрал значительные военные силы («поидоста на не в силе тяжьце»); город был взят в марте месяце, при этом в плен попали многие рыцари во главе с магистром («старейшиной») Бруно. Очевидно, дело не обошлось без штурма, во время которого город пострадал. Поэтому после взятия Дрогичина Даниил должен был его восстанавливать («и обьновивы и»).

Во второй части летописного рассказа есть еще одно важное свидетельство, указывающее, что Дрогичин был отбит Даниилом именно у крестоносцев. Вернув город под свою власть, русский князь одновременно возвращает его под юрисдикцию православной церкви и с этой целью отстраивает в Дрогичине православный храм («созда церковь прекрасноу святое Богородици»). Подобная мера была излишней, если бы город был возвращен из-под власти мятежных волынских бояр, но она становится вполне закономерной, если речь идет о борьбе русского князя против экспансии католических рыцарей.

О том, что борьба за Дрогичин имела конфессиональную подоплеку, с очевидностью свидетельствуют условия передачи города добжинь-

ским рыцарям, зафиксированные в жалованной грамоте Конрада Мазовецкого от 3 марта 1237 г. Согласно документу, рыцари должны были владеть замком, «не нарушая права церкви мазовецкой» (*salvo iure ecclesie Mazouiensis*)²⁸. Следовательно, город к моменту передачи его рыцарям находился под церковной юрисдикцией Плоцкого епископства.

Еще более показательно другое условие пожалования: за право владения Дрогичином рыцари должны были защищать Мазовию от «еретиков и прусов, или любых врагов веры христианской» (*hereticis et Pruthenis seu cuius (!) libet christiane fidei inimicis*)²⁸. Нет сомнений, что под еретиками, отнесенными к врагам христианской веры, в данном случае имелись в виду православные князья и все жители соседних русских земель, прежде всего Волыни.

Во второй части рассказа о взятии Дрогичина есть указание о том, что Даниил завоевывал город неоднократно. Предъявляя свои права, князь говорит: «Се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемъ». Первое завоевание Дрогичина могло произойти, как представляется, во время войны Даниила и Василька с краковским князем Лешком Белым за Волынскую Украину, отнятую поляками в период малолетства Романовичей. Под 6721 (в действительности это событие относится, вероятно, к зиме 1217/18 г.) волынским князьям удалось отбить пограничные города, расположенные по течению Западного Буга: «прия Берестии, и Оугровескъ, и Верещинь, и Столпъ, Комовъ, и всю Оукраиноу»²⁹. Весьма вероятно, что вместе с Берестьем, Угровском и другими западноволынскими городами был взят и расположенный в этом же районе Дрогичин. Во всяком случае, это следует из слов летописи о возвращении Романовичами «всей Украины», т. е. всех земель Западной Волыни.

* * *

Итак, первоначально единый рассказ об отвоевании Даниилом Дрогичина у тамплиеров оказался затем разделенным на части и использован дважды. Помимо указанного случая, мы имеем по меньшей мере еще один пример подобного обращения с первоначальным текстом летописи, произошедшего на этапе составления общего протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков. Это – рассказ о взятии Чернигова татарами и примирении с ними русских князей осенью 1239 г. Он оказался разделенным на несколько фрагментов, одна часть которых попала в статью 6742 г. (осада Чернигова русскими князьями в 1235 г.), а другая – в статью 6745 г. (взятие Чернигова татарами в 1239 г.)³¹.

В обоих случаях следует констатировать двукратное использование одного и того же текста при описании схожих по важнейшим деталям

событий (имена действующих лиц, названия географических объектов), но относящихся к разному времени и между собой не связанных.

Историки давно обратили внимание на значительную путаницу летописного текста в конце Хлебниковского списка Ипатьевской летописи (начиная с 379 листа). Как отмечал еще А.А. Шахматов, эта путаница объясняется тем, что в протографе Хлебниковского списка, с которым имел дело переписчик, были частично утрачены и перепутаны листы; утратой части листов оригинала объясняется и то, что непосредственно за текстом летописи помещены два отрывка из другого произведения – фрагменты текстов из книги Есфирь (II.1-20; IX.2-17)³².

Исследователи также обратили внимание на важное для нас обстоятельство. Из перемещенных в Хлебниковском списке фрагментов летописного текста три полностью соответствуют значительным пропускам текста в Ипатьевском списке³³. По мнению А.Н. Насонова, «путаница в тексте в конце Хлебниковского списка и отсутствие нескольких значительных фрагментов в Ипатьевском могли произойти, прежде всего, или при переплетении, или по ветхости оригинала»³⁴. К такому же мнению приходит А.П. Толочко: Ипатьевский и Хлебниковский списки «были скопированы с одного и при том неисправного оригинала (или, выражаясь осторожнее, в конечном итоге восходят к одному протографу), с той только разницей, что *Хлебн.* (или его протограф), по всей вероятности, был изготовлен позже, когда последние листы оригинала были перемешаны значительно больше»³⁵.

Фрагменты текста, которые отсутствуют в Ипатьевском списке и попали не на свои места в Хлебниковском списке, должны соответствовать по объему тексту, способному уместиться на одном листе общего для обоих списков протографа или быть кратными ему. По подсчетам Насонова, лист общего протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков мог вмещать текст, примерно равный по объему 14 строкам одного столбца печатного издания Ипатьевской летописи 1908 г.³⁶

Помимо рассмотренных А.Н. Насоновым фрагментов текста, пропущенных в Ипатьевском списке и соответствующих им случаев перемещения текста в Хлебниковском списке, А.П. Толочко указал на еще восемь случаев перемещения текста в Хлебниковском списке, объем которых в целом укладывается в отмеченную закономерность, т. е. соответствует примерно 14 строкам текста печатного издания летописи³⁷.

Следовательно, оригинал Ипатьевского и Хлебниковского списков Галицко-Волынской летописи представлял собой рукопись очень малого формата – вероятно, в восьмую долю листа (*in octavo*) - или был написан очень крупным и размашистым почерком. Возможно,

впрочем, и другое объяснение: малый объем текста на листах протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков проистекал от того, что последний представлял собой иллюстрированную рукопись, подобную Радзивилловской летописи³⁸.

Текст рассказа о взятии татарами Чернигова и заключении мира с русскими князьями при соединении фрагментов статей 6742 и 6745 гг. соответствует 13–14 строкам одного столбца печатного издания 1908/1998 г. Примерно равен ему по объему сводный текст рассказа об отвоевании Даниилом Дрогичина у тамплиеров. Оба рассказа, таким образом, соответствуют тексту, который мог уместиться на одном листе предполагаемого общего оригинала Ипатьевского и Хлебниковского списков Галицко-Волынской летописи.

В случае возникновения путаницы листов в обветшавшем оригинале Галицко-Волынской летописи, при отсутствии в нем погодной сетки переписчику рукописи пришлось бы самому восстанавливать последовательность изложения событий и отыскивать в летописи места, куда можно было бы вписать текст, содержащийся на выпавших из книги листах. Ориентирами при этом должны были служить, по-видимому, имена действующих лиц и географические названия.

Как в случае с отвоеванием Даниилом Дрогичина, так и в случае с завоеванием Чернигова татарами, переписчик, похоже, колебался, в какое место летописи следует включить эти тексты. Рассказ об отвоевании Дрогичина хорошо вязался с известиями, в которых упоминались соседняя Мазовия и мазовецкие князья, а также пограничный русский город Берестье. Но таких мест в летописи нашлось несколько. Как представляется, переписчик выбрал из них два наиболее подходящих, что и способствовало в итоге разделению первоначально единого рассказа.

Одна его часть была помещена вслед за сообщением об остановленном в Берестье весенней распутицей походе Даниила и Василька на ятвягов и перед известием о войне Даниила и его союзников с Конрадом Мазовецким: «По том же лете Даниль же возведе на Кондрата Литвоу Миньдога, Ростислава Новгородьского»³⁹. Присоединению отрывка дрогичинской истории к сообщению о неудачном походе на ятвягов, должно быть, способствовало и то обстоятельство, что оба события происходили в одно и то же время года: ятвяжский поход сорвала ранняя весенняя оттепель, и Дрогичин был взят в марте.

Другая часть рассказа о Дрогичине также связана с известиями, в которых упоминаются Берестье и мазовецкие князья. Даниил приходит к Дрогичину, возвращаясь из Мазовии, где он прятался от татар у князя Болеслава Конрадовича. А сразу после взятия города у тамплиеров волынский князь вместе со своим братом идет к Берестью: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью...»⁴⁰.

Приведем параллельно оба летописных рассказа (о Чернигове и Дрогичине), разделенных на фрагменты при переписывании оригинала Галицко-Волынской летописи:

под 6745 (1237) г.:

В то же время посла на Черниговъ. Обстоупиша град в силе тяжце. Слышавъ же Мьстиславъ Глебовичъ нападение на град иноплемьныхъ, приде на ны со всеми вои. Бившимся имъ...

под 6742 (1234) г.

...люто бо бе бои оу Чернигова, оже и тарань на нь поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрела; а камень, якоже можаху 4 моужа силнии подъяти...

под 6745 (1237) г.

...побежень бысть Мьстиславъ, и множество от вои его избъенымъ бысть, и градъ взяша, и запалиша огньмъ. Епископа оставиша жива и ведоша и во Глоуховъ.

под 6742 (1234) г.

Створиша же миръ со Володимеромъ и Даниломъ Мьстиславъ.

под 6748 (1240) г.

И приде ко градуу Дорогычиноу, и восхоте внити во град, и вестно бысть емоу, яко: «Не внидеси во град!». Оному рекшоу, яко: «Се былъ град нашъ и отецъ нашихъ. Вы же не изволисте внити вонъ». И отъиде, мысля си, иже Богъ послече отъмьстье створи держателю града того...

под 6743 (1235) г.

Данилови рекъшоу: «Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Темпличемъ, рекомымъ Соломоничемъ». И поидоста на не в силе тяжце.

под 6748 (1240) г.

Вьдасть [Богъ] и в роуце Данилоу, и обьновивы и, созда церковь прекрасную святое Богородици, и рече: «Се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемъ».

под 6743 (1235) г.

Приаста град месяца марта, стареишиноу ихъ Броуна яша, и во[и] изоимаша, и возъвратиса [в] Володимерь.

Как видим, в обоих случаях первоначально единый текст использован дважды. Но такое двойное использование не приводит к повторению одного и того же текста. В обоих случаях первоначально единый текст разделен на части, из которых скомбинированы два новых рассказа, описывающих как бы два разных события, разделенных между собой во времени.

Использованные дважды тексты не только примерно равны по объему, но также примерно одинаково разделены переписчиком на чередующиеся фрагменты. Можно предполагать, что перемещение и редактирование текстов в обоих случаях выполнено одной и той же рукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1998. Т. 2. Стб. 776.

2. Там же. Стб. 788.

3. Наиболее подробный обзор литературы вопроса см.: *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 211-213.

4. См.: *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волинская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 240-243, 258; *Головко О.Б.* Корона Данила Галицкого. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 311, 321; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 214-215.

5. *Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis* (Zbiór ogólny przywilejów i spominków Mazowieckich) / Ed. J.C. Kochanowski. Warszawa, 1919. Nr. 366. S. 421. Русский перевод см.: *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 354-355.

6. См.: *Polkowska-Markowska W.* Dzieje Zakonu Dobrzyńskiego. Przyczynek do kwestji krzyżackiej // *Roczniki Historyczne*, R. 2: 1926. Zosz. 2. S. 145-210; *Масан О.М.* Добжинський орден (до історії дорогичинського інциденту 1237 року) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. Чернівці, 1996. Вип. 2. С. 53-55; *Starnawska M.* Między Jerozolimą a Łukowem. Zakony krzyżowe na ziemiach polskich w średniowieczu. Warszawa, 1999. S. 62-63; *Котляр Н.Ф.* Комментарий. С. 240-241; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 158.

7. См.: *Nowak Z.H.* Milites Christi de Prussia. Der Orden zu Dobrin und seine Stellung in der preußischen Mission // *Die geistlichen Ritterorden Europas* / Hrsg. von J. Fleckenstein und M. Hellmann. Sigmaringen, 1980. S. 339-352; *Marecki J.* Zakony w Polsce. Kraków, 2000; *Starnawska M.* A Survey of Research on the History of the Military Orders in Poland in the Middle Ages // *The Military Orders. Vol. 3: History and Heritage* / Ed. V. Mallia-Milanes. Aldershot, 2008. S. 13-22.

8. См.: *Масан О.М.* Добжинський орден (до історії дорогичинського інциденту 1237 року) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. Чернівці, 1996. Вип. 1. С. 41-52; *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь... С. 352; *Головко О.Б.* Корона Данила Галицкого... С. 308-

- 313; *Samsonowicz H.* Konrad Mazowiecki (1187/88 – 31 VIII 1247). Kraków, 2008. S. 67; *Войтович Л.В.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 254-255.
9. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 355. P. 401-402.
10. Ibid. Nr. 358. P. 404.
11. Ibid. Nr. 359. P. 405.
12. *Масан О.М.* Добжинський орден (1). С. 47.
13. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 366. P. 421.
14. Preußisches Urkundenbuch. Politische Abteilung. Bd. I: Die Bildung des Ordensstaates (1140–1309) / Hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1882. Bd. I: Nr. 135. S. 102. – См. также: *Polkowska-Markowska W.* Dzieje Zakonu Dobrzyńskiego... S. 197; *Nowak Z.H.* Milites Christi de Prussia... S. 351.
15. Cp.: Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 279. P. 305; Nr. 282. P. 309-310.
16. См.: *Burzyński E.* Zakon rycerski templariuszy na ziemiach Polski piastowskiej i na Pomorzy Zachodnim. Wodzisław Śląski, 2010. S. 183
17. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 392. P. 454. О локализации упомянутых в грамоте населенных пунктов см.: *Burzyński E.* Zakon rycerski templariuszy... S. 184.
18. *Starnawska M.* Notizie sulla composizione e sulla struttura dell'Ordine del Tempio in Polonia // I templari: mito e storia / Ed. G. Minnucci, F. Sardi. Sienna, 1989. P. 148.
19. *Jusupović A.* «Domus quondam Dobrinensis». Przyczynek do dziejów templariuszy na ziemiach Konrada Mazowieckiego // Zapiski Historyczne / Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Wydział Nauk Historycznych. Toruń, 2006. T. 71. Zesz. 1. S. 14-17.
20. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 366. P. 421.
21. «Anno 1250 confirmat Innocentius IV Templariis donationem super castris apud fluvium Buch sitis, qui Conradus dux Lancyscie Templariis pro quorum peccatorum remedio donavit». Urkunden und Regesten zur Geschichte des Templerordens im Bereich des Bistums Cammin und der Kirchenprovinz Gnesen / Nach Vorlage von H. Lüpke neu bearbeitet von W. Irgang. Köln; Wien, 1987. Nr. 37. S. 38.
22. *Goliński M.* Uposażenie i organizacja zakonu templariuszy w Polsce do 1241 roku // Kwartalnik Historyczny. 1991. Nr. 1. S. 16; *Starnawska M.* Templariusze nad Bugiem i w Łukowie // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Rolniczo-Pedagogicznej w Siedlcach. 1996. Nr. 45. Zesz. 2. S. 8; *Burzyński E.* Zakon rycerski templariuszy... S. 180-181.
23. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788. Подробнее о нашествии татар на земли Галицко-Волинской Руси см.: *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волинской Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 4; *Майоров А.В.* Последний рубеж западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 2.

24. Вероятнее всего, Дрогичин был захвачен Конрадом Мазовецким в 1235 или 1236 г. в период военных неудач Романовичей в борьбе за Галич с Михаилом Всеволодовичем, чьим союзником был тогда Конрад. (*Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. 2. С. 371-372, прим. 4); *Włodarski B.* Polska i Ruś, 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 113; *Масан О. М.* Добжинський орден. (1). С. 48-49.

25. *Матузова В. И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь... С. 373.

26. *Jusupović A.* «Domus quondam Dobrinensis».... С. 12.

27. Ibid. С. 12-13.

28. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis... Nr. 366. P. 421.

29. Ibid. P. 421-422.

30. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732.

31. См.: *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. 60. С. 311-326.

32. *Шахматов А.А.* Предисловие [к изданию Ипатьевской летописи 1908 г.] // ПСРЛ. Т. 2. С. IX-X.

33. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969. С. 228-230.

34. Там же. С. 229.

35. *Толочко А.П.* Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? // *Rossica antiqua. Исследования и материалы.* 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 175.

36. *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 230.

37. *Толочко А.П.* Как выглядел оригинал... С. 176.

38. *Толочко А.П.* История русского летописания... С. 180.

39. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.

40. Там же. Стб. 788.

References

Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264, Lublin, 2005 [in Polish].

Burzyński E. Zakon rycerski templariuszy na ziemiach Polski piastowskiej i na Pomorzu Zachodnim, Wodzisław Śląski, 2010. [in Polish].

Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis (Zbiór ogólny przywilejów i spominków Mazowieckich) / Ed. J. C. Kochanowski. Warszawa, 1919 [in Latin].

Goliński M. Uposażenie i organizacja zakonu templariuszy w Polsce do 1241 roku // Kwartalnik Historyczny, 1991, Nr. 1 [in Polish].

Golovko O. B. Korona Daniła Galic'kogo. Volin' i Galichina v derzhavno-politichnomu rozvitku Central'no-Shidnoï Evropi rann'ogo ta klasichnogo seredn'ovichchja [Crown Daniel Galician. Volhynia and Galicia in public and

political development of Central and Eastern Europe of the early medieval and classical], Kiev, 2006 [in Ukrainian].

Grushevs'kij M. . Istorija Ukraïni – Rusi [History of Ukraina - Rus], Kiev, 1992, t. 2 [in Ukrainian].

Jusupović A. "Domus quondam Dobrinensis". Przyczynek do dziejów templariuszy na ziemiach Konrada Mazowieckiego, Zapiski Historyczne, Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Wydział Nauk Historycznych, Toruń, 2006, t. 71, zesz. 1. [in Polish].

Kotljar N.F. Kommentarij, Galicko-Volynskaja letopis': Tekst. Kommentarij. Issledovanie.[Comment, Galicia-Volyn chronicle: Text. Comment. research], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Maïorov A.V. Letopisnye izvestija ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentarija k Galicko-Volynskoj letopisi) [Chronicles news about the Defense Chernigov from the Mongol-Tatars in 1239 (from the commentary to the Galicia-Volyn chronicle), Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN. [Proceedings of the Department of Old Russian literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. St. Petersburg, 2009, t. 60 [in Russian].

Maïorov A.V. Mongolo-tatary v Galicko-Volynskoj Rusi [Mongol-tatars in the Galicia-Volyn Rus], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, No. 4 [in Russian].

Maïorov A.V. Poslednij rubezh zapadnogo pohoda Batyja i Karpato-Dunajskie zemli [Last frontier Western Batu's campaign and the Carpathian-Danube earth], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, No. 2 [in Russian].

Marecki J. Zakony w Polsce, Kraków, 2000 [in Polish].

Masan O.M. Dobzhins'kij orden (do istorii dorogichins'kogo incidentu 1237 roku) [Dobzhinsky order (the history of the incident by Dorogichin 1237)], Pitannja starodavn'oi ta sered'ovichnoi istorii, arheologii i etnografii [Problems of ancient and medieval history, archeology and ethnography], Chernivtsi, 1996, issue 1 [in Ukrainian].

Masan O.M. Dobzhins'kij orden (do istorii dorogichins'kogo incidentu 1237 roku) [Dobzhinsky order (the history of the incident by Dorogichin 1237)], Pitannja starodavn'oi ta sered'ovichnoi istorii, arheologii i etnografii [Problems of ancient and medieval history, archeology and ethnography], Chernivtsi, 1996, issue 2 [in Ukrainian].

Matuzova V.I., Nazarova E.L. Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. – 1270 g.: teksty, perevod, kommentarii [Crusaders and Russia. The end of the twelfth century - 1270: text, translation, commentary], Moscow, 2002 [in Russian].

Nagirnij W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264, Kraków, 2011 [in Polish].

Nasonov A. N. Istorija russkogo letopisanija XI – nachala XVIII v. [History of Russian chronicles XI - beginning XVIII century], Moscow, 1969 [in Russian].

Nowak Z.H. Milites Christi de Prussia. Der Orden zu Dobrin und seine Stellung in der preußischen Mission, Die geistlichen Ritterorden Europas, Hrsg. von J. Fleckenstein end M. Hellmann. Sigmaringen, 1980 [in German].

Polkowska-Markowska W. Dzieje Zakonu Dobrzyńskiego. Przyczynek do kwestji krzyżackiej, Roczniki Historyczne, t. 2, 1926, zosz. 2 [in Polish].

Polnoe sobranie russkih letopisej (PSRL), t. 2, Ipat'evskaja letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles], Moscow, 1998, t. 2 [in Russian].

Preußisches Urkundenbuch. Politische Abteilung., bd. I: Die Bildung des Ordensstaates (1140–1309), Hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1882, bd. I [in Latin, in German].

Samsonowicz H. Konrad Mazowiecki (1187/88 – 31 VIII 1247), Kraków, 2008 [in Polish].

Shahmatov A.A. Predislovie [k izdaniyu Ipat'evskoj letopisi 1908 g.]. [Foreword [to the publication of the Ipatiev Chronicle 1908]], Polnoe sobranie russkih letopisej, t. 2, Ipat'evskaja letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles], Moscow, 1998, t. 2 [in Russian].

Starnawska M. Notizie sulla composizione e sulla struttura dell'Ordine del Tempio in Polonia, I templari: mito e storia, ed. G. Minnucci, F. Sardi, Sienna, 1989 [in Italian].

Starnawska M. Templariusze nad Bugiem i w Łukowie, Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Rolniczo-Pedagogicznej w Siedlcach, 1996, Nr. 45, zesz. 2 [in Polish].

Starnawska M. Między Jerozolimą a Łukowem. Zakony krzyżowe na ziemiach polskich w średniowieczu, Warszawa, 1999 [in Polish].

Starnawska M. A Survey of Research on the History of the Military Orders in Poland in the Middle Ages, The Military Orders, vol. 3: History and Heritage, ed. V. Mallia-Milanes. Aldershot, 2008 [in English].

Tolochko A.P. Kak vygljadel original Galicko-Volynskoj letopisi? [It looked like the original Galicia-Volyn chronicle? Rossica antiqua. Issledovanija i materialy, 2006, otv. red. A.Ju. Dvornichenko, A.V. Majorov. [Rossica antiqua. Research and Materials. 2006, ed. A.Y. Dvornichenko, A.V. Maiorov], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Urkunden und Regesten zur Geschichte des Templerordens im Bereich des Bistums Cammin und der Kirchenprovinz Gnesen, Nach Vorlage von H. Lüpke neu bearbeitet von W. Irgang, Köln; Wien, 1987 [in Latin, in German].

Vojtovich L.V. Galic'ko-Volins'ki etjudi [Galicia-Volynski Etudes], Bila Cerkva, 2011 [in Ukrainian].

Włodarski B. Polska i Ruś, 1194–1340, Warszawa, 1966 [in Polish].

Майоров Александр Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Maiorov Alexander - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

УДК 94(47).03

DOI: 10.17223/18572685/35/5

**О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ
ИЗУЧЕНИЯ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ
ВРЕМЕН РОМАНА МСТИСЛАВИЧА И ДАНИИЛА
РОМАНОВИЧА
(заметки о новейшей историографии)**

Л.В. Войтович

Львовский национальный университет им. Ивана Франко
Украина, 79000, Львов, ул. Университетская, 1

e-mail: lev67420@ukr.net

Scopus Author ID: 55103127900

Авторское резюме

В статье оценивается состояние современных исследований в области изучения истории Галицко-Волынской Руси, выявляются и анализируются наиболее спорные и дискуссионные вопросы. Представлены научные взгляды некоторых новейших исследователей, в частности профессора Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Майорова.

Ключевые слова: Галицко-Волынская Русь, Роман Мстиславич, Даниил Романович, новейшая историография, дискуссия.

**Some disputed issues study Galicia-Volyn
Russia while Roman Mstislavovich
and Daniel Romanovich
(Notes on modern historiography)**

L.V. Vojtowicz

Ivan Franko National University of Lviv,
1, Universytetska St., Lviv, 79000, Ukraine

e-mail: lev67420@ukr.net

Abstract

The article assesses the state of current research in the field of history of Galicia-Volyn Rus, identifies and analyzes the most controversial and debatable issues. We study some of the latest scientific views of researchers, in particular, a professor of St. Petersburg State University, A.V. Maiorov.

Keywords: Galicia-Volyn Rus, Roman Mstislavich, Daniel Romanovich, recent historiography, discussion.

В последнее время внимание историков привлекают наиболее спорные проблемы истории галицких и волыньских земель. Одна из них стала предметом недавней дискуссии о подлинности проекта «добраго порядка», предложенного первым галицко-волыньским князем Романом Мстиславичем в начале XIII в. Этот вопрос связан с давним научным спором о достоверности оригинальных известий В.Н. Татищева и их возможных источников, новый импульс которому дала вышедшая в 2005 г. монография А.П. Толочко, вызвавшая немало противоречивых откликов.

Наиболее взвешенными мы считаем доводы петербургского исследователя А.В. Майорова, побудившие многих историков вновь задуматься над проблемой и заново оценить некоторые нигилистические утверждения, выглядевшие как почти доказанные. Теперь чаша весов, можно сказать, склоняется в сторону признания того факта, что проект галицко-волыньского князя действительно имел место и не может быть причислен к историографическим мифам, порожденным фантазией Татищева¹. Среди аргументов в пользу аутентичности проекта, на мой взгляд, наиболее убедительными являются параллель с проектом Вельфов 1198 г., изложенным в общих чертах в посланиях папы Иннокентия III, с которым Роман мог ознакомиться, будучи в Эрфурте², а также обоснование новгородского происхождения татищевских известий о проекте³.

Не менее дискуссионными остаются другие моменты биографии первого галицко-волыньского князя: союз и военная помощь Византии⁴, пребывание в Галиче изгнанного византийского императора Алексея III Ангела⁵ и, наконец, причины и обстоятельства внезапной гибели князя Романа⁶. Найдя ряд источников, на которые ранее исследователи не обратили внимания, и по-новому в комплексе проанализировав известные факты, Майоров убедительно обосновал собственные выводы. На мой взгляд, отдельные возражения и замечания оппонентов⁷ эти позиции в целом не поколебали.

В последнее время стали известны письменные источники, указывающие на возможное происхождение второй жены Романа и матери Даниила от первого брака византийского императора Исаа-

ка II Ангела, позволяющие выяснить ее имя – Евфросиния. Благодаря им также можно установить родственные связи «великой княгини Романовой» и ее потомков с западноевропейскими монархами – германским королем Филиппом Швабским и австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом⁸.

Впервые в отечественной и мировой научной литературе предложены объяснения происхождения нетипичных для Рюриковичей княжеских имен среди потомков Романа Мстиславича. Так, в частности, объяснено происхождение имени Даниил ввиду его весьма вероятной связи с почитанием св. Даниила Столпника, что в свою очередь позволяет уточнить дату рождения князя Даниила Галицкого⁹. Сделаны интересные попытки объяснить происхождение и символику имен других галицко-волинских князей – Ираклия и Льва Даниловичей¹⁰. Приведены доказательства существования высокочтимых христианских реликвий и других артефактов, связанных с Евфросинией Галицкой, атрибутов и символов царской власти, использовавшихся князьями Галицко-Волинской Руси в XIII в.¹¹

Вместе с тем постановка новых исследовательских проблем и обращение к наиболее острым и нерешенным вопросам не могут положить конец дискуссиям, а, наоборот, только стимулируют их дальнейшее нарастание. Совершенно естественно, что представленные в работах Майорова и других современных авторов результаты вызывают неоднозначные отклики¹², полемика разворачивается на страницах новейших работ А.Б. Головки¹³, Д. Домбровского¹⁴, В.С. Александровича¹⁵ и Л.В. Войтовича¹⁶.

На данном этапе исследований я осторожно отношусь к гипотезе о коронации Даниила Романовича императором Фридрихом II Гогенштауфеном в 1237 г. в Вене, хотя и не исключаю такой возможности¹⁷. Не могу согласиться с другой версией, по которой австрийский герцог Фридрих II Бабенберг, родственник Даниила по матери, был убит последним в битве на реке Лейте 15 июня 1246 г.¹⁸, равно как и с предположениями о коронации Даниила Романовича в 1253 г., которые не учитывают одну из основных ее причин: организацию коалиции христианских государств против монголов¹⁹.

В то же время коронация Даниила, по-видимому, происходила на фоне более широких экуменических процессов в христианском мире, инициированных в середине XIII в. Римским папой и никейским императором²⁰. Но важнейшей причиной унии с Римом все же оставалась угроза монгольского завоевания, нависшая тогда над христианскими странами²¹. Впрочем, за этим событием могли стоять и более локальные интересы, например, стремление галицко-волинского князя к расширению своего влияния в Прибалтике²².

Некоторые пока еще малоизученные венгерские источники позволяют по-новому поставить вопрос о возможных контактах Даниила Романовича и других русских князей с татарами накануне нашествия Батыя на Южную Русь²³. Эта проблема, разумеется, требует большой осторожности и предполагает учет всех известных фактов, связанных с начавшимся в конце 1240 г. завоеванием татарами южнорусских земель, в частности Галичины и Волыни, а также поведением князя Даниила во время вражеского нашествия²⁴. Изучение именно этих вопросов весьма затруднено ввиду состояния нашего главного источника – Галицко-Волынской летописи: в работах новейших исследователей обращено внимание на ряд характерных текстологических особенностей, встречающихся в известиях, связанных с монголо-татарским нашествием²⁵.

Дискуссия только разворачивается, поэтому остановлюсь только на одном эпизоде: участии Даниила Романовича в битве на Лейте. Не вызывает никаких сомнений, что князь Даниил выехал в ставку Батыя с обозом и охраной. Это, несомненно, подтверждает свидетельство папского посла Джованни дель Плано Карпини: когда они встретились с Даниилом Романовичем вблизи ставки эмира Картана, князь был «со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним»²⁶. Охрана должна была двигаться верхом и в доспехах, часто сменяя друг друга и отдыхая, что задерживало движение и увеличивало время путешествия. Папское посольство, выехав из Киева 4 февраля, меняя коней по 3-4 раза в день (чего не мог себе позволить княжеский поезд с породистыми боевыми и выючными лошадьми, которых нельзя было заменить на монгольских ямах-станциях), двигаясь даже ночью, добралось до ставки Батыя лишь 4 апреля, т.е. через два месяца²⁷. Среднее время поездки в Орду князей из Северо-Восточной Руси, путь которых был короче, составляло полгода²⁸.

Еще В. Борзакровский обратил внимание, что, выезжая в Орду из Киева 4 февраля 1246 г., папский посол не застал князя в Киеве, поскольку последний находился у Батыя²⁹. Учитывая время и место встречи князя с Плано Карпини на полпути между ставками Коренци (Курумыши) и Батыя, можно утверждать, что до Киева он мог добраться не ранее конца апреля 1246 г.

Ю. Уминский указывал, что в течение 1245-1247 гг. Романовичи выслали целый ряд посольств к папе, но Иннокентий IV не смог ничего сделать для нормализации отношений Даниила Романовича с венгерским королем³⁰.

Начало действительных переговоров между сторонами можно отнести лишь к лету 1246 г., когда кандидат в митрополиты печатник Кирилл через Венгрию выехал к патриарху в Никею и был принят

королем Белой IV³¹, т. е. инициатором выступил сам венгерский король. На обратном пути он вновь принял митрополита и предложил союз, скрепленный браком Льва Даниловича с дочерью Белы IV Констанцией: «...пришедъ же митропѣть и рѣ емоу хотение твое оу тебе есть поими дщерь его сѣоу си женѣ»³². 2 июня 1247 г. Бела IV предоставил Ростиславу Михайловичу Славонию³³, демонстрируя отказ от претензий на Галицкую землю и готовность к переговорам с Даниилом Романовичем. Пока Даниил не получил твердых гарантий отказа венгров от поддержки претензий Ростислава на Галич, о нормализации отношений не могло быть речи. Но события в соседней Австрии, а также встреча Даниила с ханом Батыем и признание за ним галицко-волынских земель подтолкнули венгерского короля к изменению позиции.

После этого в замке Зволен (ныне на территории Словакии) в присутствии Белы IV и Даниила Романовича митрополит Кирилл сочетал Льва Даниловича и Констанцию браком, который скрепил возобновление союза между Венгерским королевством и Галицко-Волинским княжеством³⁴. Брак можно уверенно датировать летом 1247 г., он был заключен вскоре после июня.

Итак, даже если бы Даниил Романович до июня 1246 г. успел вернуться из ставки Батыя на Волге и собрать войско, он едва ли бы бросился на помощь Беле IV, не имея твердой уверенности, что тот более не станет поддерживать претензии своего зятя на галицкий стол и признает Даниила равноправным союзником. Атакую позицию венгерский король продекларировал только 2 июня 1247 г. До этого Даниилу как раз выгоднее была конфронтация Венгрии с Австрией, которая мешала Беле поддерживать попытки Ростислава овладеть Галичем.

Теперь о самой битве на Лейте 15 июня 1246 г. Маршал Штирии, рыцарь-миннезингер Ульрих фон Лихтенштейн (1200–1275), описавший подробности гибели австрийского герцога в поэтическом романе «Служение дамам» (1255)³⁵ и отдельных стихах³⁶, получая информацию от своего родственника Генриха фон Лихтенштейна, чьи хоругви стояли напротив русских, не назвал имени русского короля. Анналы монастыря Св. Пантелеймона в Кельне в редакции 1249 г., в которых зафиксирована смерть герцога от раны, нанесенной ему королем Руси, – тоже³⁷. Поздние чешские и венгерские источники передают сведения о гибели герцога, который в ходе битвы очутился в гуще воинов дружины Ростислава Михайловича³⁸. К ним примыкает информация грамоты Белы IV от 20 ноября 1255 г., согласно которой герцог погиб от руки рыцаря Андреаса (Андрея?), что засвидетельствовал галицкий князь Ростислав, любимый зять короля³⁹. Поэтому в

участии Ростислава в битве на Лейте большинство исследователей не сомневаются⁴⁰. Сведений же об участии в ней Даниила, на которые можно было бы опереться, нет.

Что же касается титула «король Руси», то западные источники вообще часто наделяли им русских князей, но это скорее свидетельствовало о том, что они воспринимались как суверенные властители⁴¹. Все германские хронисты пользовались единым критерием: был ли тот или иной правитель зависим от германского императора⁴². Князь Ростислав Михайлович так и не отказался от титула князя галицкого; даже получив в 1247 г. княжество Мачву⁴³, а затем овладев частью Болгарии, он титуловался «*dux Galiciae et imperator Bulgarorum*»⁴⁴.

Проблемы, которые поднимает в своих исследованиях профессор А. В. Майоров, чрезвычайно сложны и интересны, они надолго останутся в центре дискуссий, без которых прогресс исторической науки невозможен. Труды российского историка, чей большой вклад в изучение галицких и волынских земель очевиден, еще долго будут побуждать рыцарей Клио к благородным поединкам на страницах научных изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майоров О.В.* Галицко-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. 1.

2. *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 78-96.

3. *Майоров О.В.* Пам'ять про Романа Мстиславича в новгородських джерелах та іконописі // Король Данило Галицький у пам'ятках історії і культури: краєзнавчий історико-культурологічний навчальний посібник / Авт.-упор. Б. Гаврилів, І. Миронюк. Івано-Франківськ, 2009. С. 32-35.

4. *Майоров А.В.* Малоизвестное поэтическое свидетельство по истории русско-византийских отношений начала XIII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 67-68. См. также: *Майоров А. В.* Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века // Русские древности. К 75-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 164-181.

5. *Его же.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. СПб., 2011.

6. *Его же.* Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или Польшу? // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 36-48.

7. См.: *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 82, 94-87, 103-108, 115-117,

121, 125-128, 130-138, 142; *Горovenko A.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 149–151, 185, 334–340, 343, 356–357.

8. *Майоров А.В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76-106. Более развернутую аргументацию см.: *Майоров О.В.* Ёфросинія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня і черниця. Біла Церква, 2013 (Славетні постаті середньовіччя. Вип. 2). 224 с.

9. *Его же.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 32-51.

10. *Майоров А.В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 110-121.

11. *Его же.* Галицько-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. 2.

12. *Александрович В.* Не зовсім звичайна монографія «незвичайного князя»; *Майоров О.* Галицько-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. У 2 т. Біла Церква, 2011 // Княжа доба: історія і культура. Вип. 7. Львів, 2013. С. 295–313.

13. См.: *Головко О.Б.* Останній похід князя Романа Мстиславича в джерелах та історичній думці // Український історичний журнал. 2009. № 4. С. 28–48; *Его же.* Константинополь и Галич в конце XII – начале XIII в.: проблема оценки политических взаимоотношений // Кондаковские чтения. Вип. 3. Белгород, 2010. С. 280-290.

14. См.: *Dądrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 s.

15. См.: *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович / Славетні постаті середньовіччя. Вип. 3. Біла Церква, 2013. С. 81–94, 163–201.

16. См.: *Войтович Л.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012 // Славетні постаті середньовіччя. Вип. 1. 181 с.; *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. С. 28–37, 103–112, 124–162.

17. *Майоров А.В.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2010.

18. *Его же.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственый: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32-52. См. также: *Майоров А.В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 3 (29). С. 54-77.

19. См.: *Майоров А.В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2011. № 3 (25). С. 42-49. См. также: *Его же.* Первая уния Руси с Римом // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 33-52.

20. См.: *Его же.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2011. № 1 (3). С. 60-99.

21. *Его же.* Монгольская угроза и христианский мир в середине XIII века // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 34-50.

22. *Его же*. Даниил Галицкий и крестовый поход в Пруссию // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2011. № 4 (26). С. 26-43.
23. *Его же*. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 1. С. 53-77.
24. *Его же*. Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. 2012. № 4 (30). С. 56-72. См. также: *Майоров А. В.* Последний рубеж Западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 2. С. 6-12.
25. См.: *его же*. «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // Русская литература. 2013. № 3. С. 87-99.
26. *Джиованни дель Плано Карпини*. История Монгалов // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Малеина. М., 1957. С. 81-82.
27. Там же. С. 70.
28. *Селезнев Ю.В.* О времени, затрачиваемом русскими князьями на поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 31-35.
29. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 242-243.
30. *Umiński J.* Niebezpieczeństwo tatarskie w połowie XIII wieku a papież Innocenty IV. Lwów, 1922. S. 91.
31. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 809; *Homza M.* Sytuacja polityczna Spisza do początków XIV w. // Historia Scepisii. Bratislava; Kraków, 2009. Vol. 1. S. 152.
32. Ипатьевская летопись. Стб. 802.
33. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* / Ed. G. Fejer. Budaë, 1829. T. 4. V. 1. P. 447, 454.
34. *Wertner M.* Az Árpádok czaládi története. Nagybecskerek, 1892. 485-488 old; *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* / Ed. G. Fejer. Buda, 1832. T. 7. P. 216.
35. См.: *Peters U.* Frauendienst. Untersuchungen zu Ulrich von Lichtenstein und zum Wirklichkeitsgehalt der Minnedichtung. Göppingen, 1971; *Piwowarczyk D.* Słynni rycerze Europy. Rycerze w służbie dam i dworu. Warszawa, 2009.
36. *Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst* / Hrsg. Von R. Bechstein. Bd. 7. Leipzig, 1888. S. 255-262.
37. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. 22. Hannoverae, 1872. P. 541.
38. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae* / Ed. R. Marcina. Bratislava, 1987. T. 2. S. 445; *Legendy a kroniky koruny uherské* / Příprava vydání Richard Pražák, překlad Dagmar Bartoňková, Jana Nechutová. Praha, 1988. S. 164.
39. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Ed. G. Fejer. T. 4. Vol. 2. Budaë, 1829. P. 314.
40. *Palacký F.* O Ruském knížetě Rostislawowi, otci královně české Kunhuty, a rodu geho rozbor kritický // Časopis českého Museum. R. 16. Praha, 1842. Sw. 1. S. 34; *Zeisberg H. von.* Friedrich II der Streibar // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1877. Bd. 7. S. 580-585; *Wenzel G.* Rostizlaw galicziai herczeg, IV Béla

Magyar királynak veje // *Értetések a történelmi Tudományok köréből*. Budapest, 1887. K. 13, Sz. 8. 7 old; *Lhotsky A.* Friedrich II // *Neue Deutsche Biographie*. Berlin, 1961. Bd. 5. S. 524; *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 253 old; *Jacques T.* Dictionary of Battles and Sieges. Westport; London, 2007. P. 579; *Preiser-Kapeller J.* Von Ostarrichi an den Bosphorus. Ein Überblick zu den Beziehungen im Mittelalter // *Pro Oriente Jahrbuch* 2010. Wien, 2011. S. 66-77.

41. *Шушарин В.П.* Древнерусское государство в западно- и восточно-европейских средневековых памятниках // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 425.

42. *Головко О.Б.* Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 384.

43. *Гарді Д.* Чи Ростислав Михайлович був баном Мачви? // *Actis testantibus*. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича. Львів, 2011. С. 200.

44. *Мандзюк В.* Ростислав Михайлович – «dux Galicie et imperator Bulgarorum» // *Княжа доба: історія і культура*. Вип. 5. Львів, 2011. С. 131-144.

References

Aleksandrovich V. Ne zovsim zvichajna boigrafija «nezvichajnogo knjazja» [Not an ordinary biography «unusual Prince»], *Knjazha доба: istorija i kul'tura*, Vip. 7, L'viv, 2013, pp. 295–313 [in Ukrainian].

Aleksandrovich V., Vojtovich L. Korol' Danilo Romanovich [King Daniel Romanovich]. *Slavetni postati seredn'ovichchja*, vip. 3, Bila Cerkva, 2013 [in Ukrainian].

Borzakovskij V.S. Istorija Tverskogo knjazhestva [The history of the principality of Tver], SPb., 1876 [in Russian].

Dądrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264), *Biografia polityczna*, Kraków, 2012, 538 p. [in Polish].

Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek, Szeged, 2005 [in Hungarian].

Gardi D. Chi Rostislav Mihajlovich був баном Мачви? [Was Rostislav Mikhailovich ban of Machva?], *Actis testantibus*. Juvilejnij zbirnik na poshanu Leontija Vojtovicha, L'viv, 2011. [in Ukrainian].

Golovko O. B. Korona Danila Galic'kogo. Volin' i Galichina v derzhavno-politichnomu rozvitku Central'no-Shidnoi Evropi rann'ogo ta klasichnogo seredn'ovichchja [Crown Daniel Galitsky. Volhynia and Galicia in public-political development of Central and Eastern Europe of the Early and Middle Ages], Київ, 2006 [in Ukrainian].

Golovko O. B. Ostannij pohid knjazja Romana Mstislavicha v dzherelah ta istorichnij dumci [Last campaign Prince Roman Mstislavovitch the sources and historical though] // *Ukrains'kij istorichnij zhurnal*, 2009, № 4, pp. 28–48 [in Ukrainian].

Gorovenko A. Mech Romana Galickogo. Knjaz' Roman Mstislavich v istorii, jepose i legendah [The Sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavovich in the stories, epics and legends], SPb., 2011 [in Russian].

Homza M. Sytuacja polityczna Spisza do początków XIV w., Historia Scepusii. Bratislava; Kraków, 2009, vol. 1 [in Polish]

Jacques T. Dictionary of Battles and Sieges, Westport; London, 2007.

Lhotsky A. Friedrich II, Neue Deutsche Biographie, Berlin, 1961, bd. 5 [in German].

Maïorov A.V. Iz istorii vneshnej politiki Galicko-Volynskoj Rusi vremen Romana Mstislavicha [From the history of the foreign policy of the Galicia-Volyn Rus of the times Roman Mstislavovich], Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki, 2008, № 4 (34), pp. 78-96 [in Russian].

Maïorov A. Maloizvestnoe poeticheskoe svidetel'stvo po istorii russko-vizantijskih otnoshenij nachala XIII v. [A little-known poetic testimony on the history of Russian-Byzantine relations of the early 13th century], Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki, 2009, № 3(37), pp. 67-68 [in Russian].

Maïorov A. Rasskaz Nikity Honiata o russko-vizantijskom voennom sojuze v nachale XIII veka [The story of Nikita Choniates of Russian-Byzantine military alliance in the early 13th century], Russkie drevnosti. K 75-letiju prof. IJa. Frojanova, otv. red. A.Ju. Dvornichenko, SPb., 2011, pp. 164-181 [in Russian].

Maïorov A. Rus', Vizantija i Zapadnaja Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskij i kul'turnij svijazej XII – XIII vv. [Russia, Byzantium and Western Europe. From the history of foreign policy and cultural relations 12-13 centuries], SPb., 2011 [in Russian].

Maïorov A. Pohod Romana Mstislavicha 1205 goda: v Saksoniju ili Pol'shu? [The Campaign of Roman Mstislavich, 1205: to Saxony or to Poland?], Voprosy Istorii, 2008, № 11, pp. 36-48 [in Russian].

Maïorov A. Doch' vizantijskogo imperatora Isaaka II v Galicko-Volynskoj Rusi: knjaginja i monahinja [The daughter of the Byzantine Emperor Isaac II in the Galicia-Volyn Rus: Princess and Nun], Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki, 2010, № 1(39), pp. 76-106 [in Russian].

Maïorov A. Daniil Galickij i nachalo formirovanija kul'ta sv. Daniila Stolpnika u Rjurikoviczej [Daniil Galitsky and the beginning of the formation of the cult of St. Daniel the Stylite from Rjurikoviches], Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki, 2011, № 4 (46), pp. 32-51 [in Russian].

Maïorov A. O proishozhdenii i simbolike imeni knjazja Iraklija Danilovicha [On the provenance and symbolism of the name of Prince Iraklii Danilovich], Voprosy Istorii, 2011, № 3, pp. 110-121 [in Russian].

Maïorov A. Neizvestnyj fakt biografii Daniila Galickogo [Unknown fact biography of Daniel Galitsky], Rossica antiqua, 2010 [in Russian].

Maïorov A. Daniil Galickij i Fridrih Voinstvennyj: russko-avstrijskie otnoshenija v seredine XIII v. [Russian-Austrian relations in the middle of the 13th century], Voprosy Istorii, 2011, № 7, pp. 32-52 [in Russian].

Maïorov A. «Korol' Rusi» v bitve na Lejte [«The king of Russia» in the battle of leitha], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 3 (29), pp. 54-77 [in Russian].

Maiorov A. Byl li Daniil Galickij koronovan papoj Innokentiem IV? [Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak 2011, № 3 (25), pp. 42-49 [in Russian].

Maiorov A. Pervaja unija Rusi s Rimom [The First Rus'-Rome Union], Voprosy Istorii, 2012, № 4, pp. 33-52 [in Russian].

Maiorov A. Apostol'skij prestol i Nikejskaja imperija vo vneshnej politike Daniila Galickogo [Apostolic See and the Empire of Nicaea in foreign policy Daniil Galitsky], Rossica antiqua, 2011, № 1(3), pp. 60-99 [in Russian].

Maiorov A. Mongol'skaja ugroza i hristianskij mir v seredine XIII veka [The Mongol menace and Christian world in mid-13th century], Voprosy Istorii, 2013, № 4, pp. 34-49 [in Russian].

Maiorov A. Daniil Galickij i krestovyy pohod v Prussiju [Daniil the Galician and the crusader campaign into Prussia], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2011, № 4 (26), pp. 26-43 [in Russian].

Maiorov A. Daniil Galickij i «princ Tartar» nakanune nashestvija Batyja na Juzhnuju Rus' [Daniel of Galicia and the «prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 1 (31), pp. 53-77 [in Russian].

Maiorov A. Mongolo-tatary v Galicko-Volynskoj Rusi [Mongol-tatars in the galicia-volyn rus], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2012, № 4 (30), pp. 56-72 [in Russian].

Maiorov A. Poslednij rubezh Zapadnogo pohoda Batyja i Karpato-Dunajskie zemli [Last frontier western batu's campaign and the carpathian-danube earth], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 2 (32), pp. 6-18 [in Russian].

Maiorov A. «Dvojnye» izvestija Galicko-Volynskoj letopisi [The «double» news of the Galicia-Volyn chronicle], Russkaja literatura, 2013, № 3, pp. 87-99 [in Russian].

Maiorov A. Galic'ko-volyn'skij knjaz' Roman Mstislavich: volodar, voïn, diplomat [Galicia-Volyn prince Roman Mstislavowich: ruler, warrior and diplomat], Bila Cerkva, 2011, t. 1 [in Ukrainian].

Maiorov A. Efrosiniya Galic'ka. Dochka vizantijs'kogo imperatora v Galic'ko-volyn'skij Rusi: knjaginja i chernicja [Evfrosiniya Galician. The daughter of the Byzantine emperor in the Galicia-Volyn Rus: Princess and Nun], Bila Cerkva, 2013 (Slavetni postati seredn'ovichchja, vip. 2) [in Ukrainian].

Maiorov A. Pam'jat' pro Romana Mstislavicha v novgorods'kih dzhherelah ta ikonopisi [The memory of the Roman Mstislavovitch in the Novgorod sources and iconography], Korol' Danilo Galic'kij u pam'jatkah istorii i kul'turi: kraeznavchij istoriko-kul'turologichnij navchal'nij posibnik / Avt.-upor. B. Gavriliv, I. Mironjuk, Ivano-Frankivs'k, 2009, pp. 32-35 [in Ukrainian].

Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199)– 1264, Kraków, 2011 [in Polish].

Peters U. Frauendienst. Untersuchungen zu Ulrich von Lichtenstein und zum Wirklichkeitsgehalt der Minnedichtung, Göppingen, 1971 [in German].

Piwowarczyk D. Słynni rycerze Europy. Rycerze w służbie dam i dworu, Warszawa, 2009 [in Polish].

Preiser-Kapeller J. Von Ostarrichi an den Bosphorus. Ein überlick zu den Beziehungen im Mittelalter, Pro Oriente Jahrbuch 2010, Wien, 2011 [in German].

Seleznev Ju. V. O vremeni, zatrachivaemom russkimi knjaz'jami na poezdki v Ordu [About an intrinsic spent by Russian princes on a trip to the Horde], Ural'skij istoricheskij vestnik, 2012, № 2(35), pp. 31-35 [in Russian].

Shusharin V.P. Drevnerusskoe gosudarstvo v zapadno- i vostochnoevropejskih srednevekovyh pamjatnikah [Old Russian state in the western and eastern European medieval monuments], *Novosel'cev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V., Shusharin V.P., Shhapov Ja. N.* Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international significance], M., 1965 [in Russian].

Umiński J. Niebezpieczeństwo tatarskie w połowie XIII wieku a papież Innocenty IV, Lwów, 1922 [in Polish].

Vojtovich L. Knjaz' Lev Danilovich [Prince Lev Danilowich], Slavetni postati seredn'ovichchja, vip. 1, L'viv, 2012 [in Ukrainian].

Войтович Леонтий Викторович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и византистики, Львовский национальный университет им. Ивана Франко.

e-mail: a.v.maierov@gmail.com

Vojtowicz Leonti - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Medieval and Byzantine, Ivan Franko National University of Lviv.

e-mail: lev67420@ukr.net

Подписка

На международный исторический журнал

РҮСНИ

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

УДК 94(47).03
DOI: 10.17223/18572685/35/6

РУСИНЫ В МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.Н. Стати¹, С.Г. Суляк²

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Молдова)
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

¹e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Scopus Author ID 55090129800

²e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

ResearcherID: D-6981-2014

Scopus Author ID: 55359315000

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

В статье на основании анализа средневековых источников и работ молдавских и румынских историков обосновывается факт проживания русинов - древнерусского населения в Карпато-Днестровском регионе до начала волошской колонизации. Он подтверждается данными топонимики и антропонимики. Причем часть из них содержит корень «рус». Подчеркивается вклад русинов в образование молдавского этноса и молдавской государственности.

Ключевые слова: Молдавия, Буковина, русины, молдаване, волохи, этногенез.

Rusins in Moldavian Historiography

V.N. Stati¹, S.G. Sulyak²

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova

¹e-mail: journalrusyn@rambler.ru

²e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Based on the analysis of Medieval Moldavian and Rumanian sources and works, the Old-Rus' population of the Carpatho-Dniestrovian region, the Rusins and the area of

their settlement before the beginning of Vlach colonization, is analyzed in the article. This is confirmed by given toponyms and anthroponyms. In fact, many of them derive from the root „rus”. The contribution of the Rusins to the formation of the Moldavian ethnos and statehood is underlined.

Keywords: Moldavia, Bukovina, rusins, moldavians, vlachs, ethnogenesis

Карпато-Днестровское пространство издревле было полиэтничным. Одним из определяющих компонентов этого гетерогенного по своему происхождению населения, по меньшей мере с X в., были волохи. Это название отмечено в разных источниках с некоторыми фонетическими вариациями. В зависимости от региона бытования определения **влахи/валахи/олахи/волохи** имели несущественные семантические оттенки. После работ пражского профессора И. Тунманна о восточнороманских народах (Лейпциг, 1774 г.) за этим термином, независимо от фонетической формы, утвердилось значение «ассимилированный римскими колонизаторами восточноевропейский туземец»¹.

Волохи из Марамуреша (неколонизированная римлянами северо-восточная область Внутрикarpатского плато) начали проникать в Восточное Прикарпатье с X–XI вв. По сообщению византийского хрониста Никиты Хониата, в 1164 г. принц Андроник Комнин, пытаясь убежать в Галицкую Русь, был схвачен волохами на границе Галича (северо-восток Карпато-Днестровского региона). Эта информация, наряду со сведениями «Повести временных лет» и «Деяний венгров», является одним из самых древних свидетельств существования предков молдаван на их исторической Карпато-Днестровской земле².

К XIII в. волохи к востоку от Карпат документируются уже как многочисленное, в определенной степени организованное сообщество. Согласно письму папы Григория IX от 14 ноября 1234 г. к принцу венгерской короны Беле, в Восточном Прикарпатье проживают «некие народы, которые называются валати» (*quidam populi qui valati vocantur*). Следует отметить, что, в отличие от многих румынских филологов и историков, которые преднамеренно искажают смысл этого сообщения, академики К.К. Джуреску (историк) и Ал. Росетти (языковед) адекватно переводят синтагму «*populi qui valati vocantur*» – «*poroare ce se numesc valahi*»³.

Примечательно, что разные источники (хроники, официальные акты, как, например, уже упомянутое письмо папы) отмечают не только многочисленность валахов/волохов в XII–XIII вв., но и тот факт, что вместе с ними проживали представители других племен. Но волохи были столь многочисленны, что вовлекали других (венгров, сасов-немцев и др.) в свою веру.

В цитируемом выше письме Григорий с озабоченностью сообщает: «Некоторые из королевства Венгрии, венгры и немцы (сасы) и другие верующие, что проживают среди них (волохов), переходят в их веру, уподобляясь этим валахам (волохам) в один народ» (выделено К.К. Джуреску).

«Письмо папы имеет исключительное значение: оно показывает, что *волохи* (Восточного Прикарпатья) были столь многочисленны (...), что *ассимилировали венгров и сасов*, поселившихся среди них...» (выделено К.К. Джуреску)⁴.

Хотя Юго-западная область будущей Молдавии за десятилетия до татаро-монгольского нашествия в принципе удовлетворительно отражена в источниках. Как пишет Дмитрий Ончул, «в Нижней Молдавии некоторое время существовало княжество Ивана Ростиславича, который в документах именуется себя господином Берлада. В русских хрониках отмечен как Берладник». В грамоте от 1134 г. Иван Ростиславич, среди прочего, «устанавливает, что Малый Галич (= Галац) – это единственное место таможни для местных и зарубежных (венгерских, чешских, русских) товаров»⁵. Полагая, что *Galiciul-Mic* (Малый Галич) – это современный город Галац, Д. Ончул пишет, что это «наталкивает прежде всего на мысль о галицком поселении на Дунае»⁶. А это предполагает «возникновение там многих других поселений малороссов (русинов или рутенов)»⁷.

По мере того, как политика становилась «не более как отрицание истории и не менее как ее искажение»⁸, политико-географические и этнические реалии юга Молдавии той поры подвергаются существенным метаморфозам или даже исключаются из сферы интересов историографии.

Касаясь причин «сближения между Византией и Галичем», румынский историк В. Спинея пишет, что во имя укрепления этих связей «руководящие круги Византии даже предоставили некоторым русским князьям некоторые земли вблизи Дуная». Далее он утверждает: «В течение XII в. в славянских областях, соседних с северо-востоком Молдавии, возникли новые формации»⁹ – Галицкое княжество, ставшее процветающим и влиятельным. Этот же автор не признает «мнения многих других историков, которые утверждают, что Галицкое государство расширило свое господство над Молдовой». К сожалению, он не приводит убедительных аргументов в пользу своей точки зрения, а довольствуется тем, что считает эту «теорию» (расширения господства) «тенденциозной»¹⁰.

Учитывая то, что по поводу «расширения господства Галицкого государства» ведутся давние споры, а также то, что достаточно убедительные доводы с обеих сторон отсутствуют, вероятно, корректней было бы отнести противоположные точки зрения к категории «гипотезы». Вернемся, однако, к нашей конкретной теме.

Русь, русины Пруто-Дунайского бассейна и Юго-Восточного Прикарпатья, наряду с волохами, отмечены уже в «Повести временных лет»: «варязи, свеи, урмане, готе, **русь, вольхва...**»¹¹.

Д. Ончул, изучая подробно историко-географическую и этническую ситуацию на севере Ардяля (Трансильвании) и особенно в Марамуреше (от mare + Mogoș, как он полагает), после того как проследил по документам бытование волохов в этом регионе, установил пребывание здесь сасов/саксов и венгров, отмеченных позже (1329 г.) как «гости»: «*hospitum nostrorum fidelium de Maramurusi, saxonum et hungarorum...*»¹². «Но еще до всего этого, до 1230, 1254 гг., **русины** удостоверяются в Верхней Венгрии уже в XIII в. (в 1230, 1254 гг.)»¹³.

Ончул отмечает, что до того, как в Молдавии установилось государственное устройство, «а оно начинается за два века до этого, до 1359 г., ворвалось монгольское нашествие (1241 г.). Оно удержало на некоторое время дальнейшее распространение волохов в Прикарпатье... Но этот вихрь в то же время оказался решающим для будущей судьбы Восточнокарпатского региона. Он решил, станет ли в дальнейшем восточнокарпатская страна волошской (= молдавской) или малоросской»¹⁴.

Это **существенный** для исследуемой темы вопрос (Правда, Ончул вместо «**волошской**» пишет «румынской», тем самым «удревняя» реалии его времени.)

До того как в общих чертах рассмотреть эволюцию взглядов румынских авторов относительно этнической ситуации на севере Карпато-Днестровского региона в XII-XIV вв., отметим, что один из базисных принципов румынской историографии - **анахронизм**, т. е. перенесение явлений, процессов, событий, идей XIX-XX вв. в древние эпохи. Например, научно доказано и документально удостоверено, что в валашском языке понятие румын (в современной транскрипции - *rumîni*) до XIX в. обозначало «холоп, крепостной»¹⁵.

С XIX в. данный термин начали всячески - книжным, пропагандистским путем - привязывать к слову *romanus* («римлянин»), навязывая ему этническое значение в форме «*romîni*». Таким путем многовековое существование, по меньшей мере с XIII в., слова *rumîni* («холопы, крепостные») со второй половины XIX в. было аннулировано. Румынь (*rumîni* - «холопы, крепостные») идеологически-административно были переделаны в ромынь (*romîni*) с этническим значением, что антиисторично и ненаучно. Тем не менее это стало догмой румынского обществоведения.

Общими политико-административными и идеологически-пропагандистскими усилиями в течение полутора веков (с 1862 г.) эта фальшивка навязывалась всему письменному наследию. Во имя всегдашнего и «вездешного» румынизма грубо «исправляются» -

румынизируются не только исторические тексты южнокарпатской страны - Басарабов/Угровлахии/Трансальпинии (у нее много названий было!), но и послания папской курии, официальные акты венгерской, польской королевских канцелярий... Если румынские политики и их обществоведы грубо, самоуправно фальсифицируют исторические тексты, стирают устоявшиеся, осознанные в течение многих веков такие этнические реалии, как влахи, валахи, волохи, молдаване, перелицовывая их в искусственных «румын», то мы должны следовать принципам объективности и историзма.

Молдавская официальная историография, после 1990 г. следующая в фарватере румынских националистических теорий, «на основе которых румыны смогли бы претендовать на пространство побольше», как констатировал немецкий исследователь современных политических мифов Вальтер Коларц¹⁶, замалчивает исследования конца XIX - начала XX в. об этнической ситуации в Карпато-Днестровских землях вообще и о *русунах* в частности. В редких случайных ремарках о славянских элементах населения севера Молдавии их называют *рутень* (*rutheni*).

Большинство румынских, некоторые российские и украинские исследователи полагают, что *русины* появились в этом регионе относительно недавно. Авторитетный в свое время русский географ В. Семёнов-Тян-Шанский писал, что *русины* «интенсивно обосновались в этой стороне (на севере Пруто-Днестровского междуречья) лишь после 1806 г.»¹⁷, т. е. лишь после того, как эта область была освобождена от турок. Украинский автор Ст. Рудницкий утверждал, что «украинское население усиленно колонизировало эту (правую) сторону Днестра лишь в течение прошлого (XIX в.)»¹⁸. Директор государственных архивов Бессарабии Л. Бога писал в 1926 г., что «в эпоху турецкого владычества в *Хотинской райе* (после 1715 г.), особенно во время русско-турецких войн, начинают поселяться более компактно массы *рутен...*»¹⁹.

В книге «*Basarabia. Populația. Istoria. Cultura*», изданной в 1941 г. с целью пропагандистской мотивации оккупации Молдавской ССР, румынский академик Шт. Чобану заявляет: «Исторические свидетельства, как и географическая номенклатура, сохраненная в Северной Буковине и Бессарабии, доказывают, что рутенский элемент является не слишком древним в нашей стране»²⁰.

Современный румынский историк В. Спинеи утверждает: «**В северной части Молдавии** (*выделено нами*), в зоне по соседству с Галицко-Волынским княжеством, волошское (молдавское) население относительно длительное время проживало совместно с *рутенами*»²¹.

Молдавские историки (особенно после 1990 г.), как, впрочем, и румынские, избегают упоминания исторических источников о руси-

нах. Если и говорят о них, то лишь как о соседнем приграничном племени. Наиболее известное и популярное сообщение о русинах в Карпато-Днестровском крае содержится в первой истории Молдавии на молдавском языке - «*Летописецул Цэрий Молдовей*» Григоре Уреке, завершенной к 1635 г. и охватывающей период с 1352/1359 гг. (от легендарного Драгоша-воеводы) до 1594 г.

Из предисловия узнаем, что, когда Драгош со своей дружиной перешел на восточную сторону Карпат, он был настолько очарован первозданной красотой открытой им земли, что пожелал выяснить, кто здесь живет, кто хозяин этого края. И встретил старика, ухаживавшего за своей пасекой. Уреке сообщает, что старик был *рус* и звали его Ецко (*Яцко*). Драгош вернулся в Марамуреш, откуда привел своих волохов, то есть неолатиноязычных соплеменников. Ецко пошел в Ляшескую землю, откуда привел много *русь*. И начали жить вместе неолатиноязычные волохи и славяно-/русиноязычные *русь/русины*...²²

Состояние изучения русинов Молдовы подтверждает давнее (1905 г.) наблюдение П.А. Несторовского о *бессарбских русинах*: «Все работы касательно их быта сделаны или как бы мимоходом, попутно, или эти работы затрагивают лишь некоторые его стороны»²³. Правда, в последнее время ситуация меняется. В 2004 г. вышла монография С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. - ISBN 9975-948-24-3. - 240 с.). Им же в 2007 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук была защищена кандидатская диссертация на тему: «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории», первая в мире на данную тему. Чуть раньше, в 2005 г., в Кишиневе стал выходить международный исторический журнал «Русин», заметно активизировавший изучение истории, этнографии и культуры русинов Карпато-Днестровских земель.

Наиболее авторитетный и наименее известный (парадокс!) исследователь заселения русинами севера Карпато-Днестровского края академик Д. Ончул затронул эту проблему в ряде своих значимых работ, прежде всего в «*Din istoria Bucovinei*» (1887), «*Istoria Bucovinei înainte de unirea cu Austria*» (1899)²⁴, «*Originile Principatului Moldovei*» (1899)²⁵ и др. Несмотря на некоторые повторы и определенные непоследовательности, эти и другие исследования ученого остаются актуальными, занимая особое место в ставшей откровенной прислужницей политических интересов румынской историографии.

Поскольку «русинские» суждения Д. Ончула большей частью неизвестны современной российской и украинской историографии, впрочем, как и молдавской, полагаем уместным воспроизвести некоторые его обобщения, не требующие, на наш взгляд, пространных

комментариев. В первом своем «буковинском» исследовании «*Din istoria Bucovinei*» Ончул утверждает: «Существование *малороссов-русинов* в Молдове в XII в. не может быть поставлено под сомнение... *Малорусские/русинские* колонисты являются здесь мигрантами недавнего времени, без связи с древними славянами в этом крае...»²⁶. В другой работе, также посвященной заселению севера Молдовы, он отмечает: «Во время овладения краем волохи из Марамуреша нашли здесь *волошское население*, оставшееся со времен монгольского нашествия, к которому присоединились. **Вместе с волохами находились здесь славяне, от которых переняли славянские названия населенных пунктов и рек.** Старое **славянское население, умноженное русской/русинской эмиграцией**, должно было сохраниться... Оно, наверное, увеличивалось постепенным переселением из соседней Галиции, тем более что торговый путь из Галича к Дунаю проходил через Молдову. С тех времен должна быть и часть «русских городов», среди которых *Сочава, Сирет и Черн* (вероятно, Черновцы), рядом с которым – *Хотин*, «на Днестре болгарский и волоский городок»²⁷.

В своей работе «*Originile Principatului Moldovei*» (1899) Д. Ончул вновь обращает внимание на континуитет славян в Молдове, подчеркивая совместное/одновременное или даже первоначальное проникновение русинов на север края. Он пишет: «В Молдове славяне, умноженные дополнительными миграциями (*admigrări*) из *русских/русинских* сторон, сохранились под владычеством других племен до прихода волохов, которым передали славянские названия многих населенных пунктов и рек. Для того чтобы передать (свои названия), они (славяне) должны были (здесь) существовать... **До основания государства волохами в Молдове отмечены, как более древние жители страны, славяне, названные *рутень* или *русняч*, или *мало-руși***»²⁸.

Заявляя, что монгольское нашествие (вторжение на русские земли на правом берегу Днепра в 1240 г.) определило, будет ли Карпато-Днестровский край «страной волохов или малороссов», Д. Ончул пишет: «Присутствие малороссов до полного овладения страной волохами показано и Длугошем» (*Historia Polonica*. Lipsiae, 1711. I, 1122): «*Valachi veteribus dominus et colonis Ruthenis primum subdole... illam (Moldauiam) occuparunt*»²⁹.

Все суждения Ончула о заселении с двух сторон – с северо-запада и северо-востока – Буковины в молдавский догосударственный период, формулируемые в разных исследованиях, в принципе, сводятся к заключению: «Колонизация Молдовы (будущей) волохами должна была начаться одновременно с нашествием малороссов... Так как малорусское заселение начиналось с севера, таким же образом волошское начиналось с северо-запада, из Венгрии, откуда по-

уже было основано княжество **Молдова**. Страна назвалась Молдова по ее одноименной реке на северо-западе, где первооткрыватели-волохи основали первое сообщество»³⁰. Существование в XII в. русинов на севере Карпато-Днестровского края удостоверено и другими источниками, комментируемыми Д. Ончулом.

Проникновение *русинов* с северо-востока, а *неолатиноязычных волохов* с северо-запада, из Венгрии, точнее – из Марамуреша и обоснование их в восточнокарпатских землях привело впоследствии к возникновению новой этнической общности – **молдовень** (молдаване).

В результате слияния неолатиноязычного населения – волохов со славянами-русинами на Карпато-Днестровских землях (после ухода венгров в 898 г.) начал образовываться *молдавский этнос*, который создал **Молдавское государство**³¹.

Славянская этническая и политико-географическая терминология, комментируемая Д. Ончулом, широко представлена названиями местностей, населенных пунктов, рек и даже ономастикой, которыми насыщены грамоты канцелярии Молдавского государства. Русинская топонимика Молдовы: ойконимы, оронимы, признаки местности, гидронимы и даже антропонимы письменно документируются в официальных актах Молдавского государства XIV – XVI вв. («*Documentele lui Ștefan cel Mare*», т. 1, 2, изданные И. Богданом³² в 1913 г., «*Documente înainte de Ștefan cel Mare (1384–1457)*», т. 1, 2³³, изданные М. Костэскеску в 1931, 1932 гг.), летописях, исследованиях молдавских историков и этнологов XVII–XVIII вв. на молдавском языке.

1. Русинские географические и этнические названия в официальных актах Молдавского государства

Руска, село (1453 г.);

Рускань, села (1411, 1426, 1428, 1433, 1448, 1453 гг.);

Руси, село: «Руси на Бырладе» (1452 г.);

Руси, село: «Руси, село, где был Стан Попович» (1429 г.);

Русчиорь, село: «Русчиорь, село на Бырладе» (1433 г.);

Русь, село: «села Русь и Ворона, купленные от Ивашко» (1433 г.);

(В документах Штефана III Великого неоднократно отмечены села «Русь на реке Бырладе», «Русь в цинуте Тутова», «Русь (ныне Добровэцул Русь) в цинуте Васлуй».)

Русень, село (1439, 1453 гг.);

Руси, село: «Руси, село, где был Стан Попович» (1452 г.);

Руси, село: «Руси от озера», «Руси на озере» (1452 г.).

2. Гидронимы

Русая, речка: «До обыршия (источника) Русая» (1410 г.);

Руски, брод: «Руски брод» (1452 г.);

Рускова, речка: «верх Рускова» (1502 г.).

3. Топонимы

Русулуй, курган, холм: «Дел Русулуй» (1455 г.);

Русу, курган, холм: «курган Русу» (1437 г.);

Русулу, курган: «могила Русулу» (1437 г.);

Русул, холм: «холм Русул» (1436 г.);

Руска, поляна: «Полена Руска» (1453 г.);

Рускова, поляна: «Полена Ручкова» (1453 г.).

1.4 Страна, Юго-Западная Русь

Руси, страна, Русь Юго-Западная: «до руси побегла» (1437 г.);

Руски, сторона, страна: «до Земле русских» (1434 г.);

Руски, господарь, князь : «господарь руски» (1388 г.);

Руски, наследник: «руски дедичь» (1388 г.);

Rusie, земля Юго-Западной Руси: «Terris Rusie» (1456 г.);

Rusie, страна: «herede Rusie» – господин Юго-Западной Руси (1387 г.);

Rusie, страна, Юго-Западная Русь: «inter terras Podolie, Rusie et Moldavie» (1459 г.).

5. Этнонимы

Руси, русины (1453 г.);

Русь, русины: «побег до русь» (1437 г.);

Рус, русин: «Тоадер Рус» (1415 г.);

Рус, русин: «Николай Рус» (1479 г.);

Петр Русин, Петре Русул - русины: «От села Петра Русина (между Сучавой и Сиретом), что ея теперь именует Рошкань, где был Петре Русул» (1452 г.),

Rutheni, русины: «Haliciensibus, omnes Rutheni» – галицийские – все русины (1502 г.).

6. Антропонимы

В документах господаря Молдовы Штефана III Великого (1457 – 1504 гг.) неоднократно отмечены антропонимы Рус, Rusca: сыновья, дочери, внуки.

Руска, имя сестры: «наш молдавский боярин Бончак и сестры его Анна и Руска» (1491 г. – в 2-х актах);

Руска, имя сестры: «нашему молдавскому боярину Гавриилу Динга и сестре его Руске» (1499 г.);

Руска, имя внуки: Штефан III Великий, господарь Земли Молдавской, подтверждает «нашему молдавскому боярину Пынтече их челяди и внучке Руске их владения» (1495 г.);

Русу, житель молдавского села Флочешть: «Русу из Флочешть» (1495 г.).

2. Руси/русины и русский/русинский язык в работах молдавских историков и этнологов XVII – начала XVIII в.

По мере упрочения национально-государственного самосозна-

ния молдаван на основе волошко-русинского симбиоза³⁴ в молдавской историографии XVII в. происходит постепенный переход от фазы хронографии XV–XVI вв. (13 молдавско-славянских летописей и исторических текстов, от «Поминальника монастыря Бистрица», 1407 г., до «Молдавско-славянской летописи Азария», 1574 г.)³⁵ к аналитическим методам исследования событий и явлений. Волохский/волошский и русинский этноконститутивные компоненты уступают место общенациональному сообществу – молдавскому.

Молдавский историк и этнолог Мирон Костин отнесся к молдавским русинам как к естественному автохтонному этническому явлению. Он не только подтверждает давнее бытование русин (русий) в Карпато-Днестровском крае, но и пытается установить исторические корни этих новых славян (в данном регионе) – русин. В своем основном историческом труде «Летописецул Цэрий Молдовеи...» («Летопись Страны Молдавской...»), завершенном в 1675 г. и отражающем историю Молдовы с 1595 по 1661 г., он первым из молдавских историков сообщил молдавскому обществу давнюю истину: «Кийовул есте скаунул Русией» (Киев – престол России)³⁶. Ему было известно, что «казаки по своему роду *русские (русь)*, потомки воинов *русских князей*» (*кнедзилор русешть*)³⁷.

В целом Мирон Костин придерживается исторических реалий, когда характеризует взаимоотношения ляхов/поляков и казаков после, как он пишет, «падения русских княжеств» (*кнедзилор русешть*)³⁸, т. е. после присоединения Юго-Западной Руси к Польше в 1349 г. Он до сих пор остается единственным молдавским историком, который кратко очертил историю Литовской земли. Упомянув о землях, «где ныне находится Литва», Мирон Костин сообщает в своей этнологической монографии «Де нямул молдовенилор...» («О племени молдаван...», 1686 г.): «Много лет были под владычеством русских, потом подавили русских, да так, что теперь русские той страны являются их соседями»³⁹. Свое историко-этнологическое исследование на польском языке «История польскими ритмами о Стране Молдавской и Стране Мунтянской» (1684 г.) историк посвятил «королю Польши и князю России» (Юго-Западной)⁴⁰.

В известной монографии «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии», 1716 г.) Д. Кантемир традиционно для молдавских историков и этнологов отмечает: «живут в Молдавии русь» (русины)⁴¹ и уточняет: в приграничной (северо-восточной) полосе «нет крестьян молдаван..., они происходят из русин»⁴².

И Мирон Костин, и Дмитрий Кантемир трактуют как естественное, изначально совместное сосуществование в пределах Молдавского государства и в молдавско-польских контактных зонах молдаван и русин, отмечая их некоторые детали быта, их родную речь – климба

русаскэ». Д. Кантемир сообщает (в «Описании Молдавии»): «Соседи с той стороны, поляки и русины (полоний ши русий) называли молдаван – *volochi...*»⁴³.

Мирон Костин пишет, что на свадьбе дочери молдавского господаря Василе Лупу Роксанды с Тимошей, сыном казацкого гетмана Богдана Хмельницкого, «рушчиле ку Ладол! Ладол!» (русские женщины пели: *Ладол! Ладол!*)⁴⁴. О *лимба русаскэ* Мирон Костин пишет в первых главах своей «Летописи...»⁴⁵.

Наиболее широко и предметно вопросы поселения и обоснования *русинов*, распространения *русинского языка (лимба русаскэ)* в Карпато-Днестровском крае отражены в первых исторических описаниях Молдовы на молдавском языке, созданных в первой половине XII в. Легенда о встрече воеводы Драгоша и его дружины *волохов* с *русином* Ецко в кодрах Восточного Прикарпатья коррелирует с историческими обстоятельствами. Легенда известна из первой истории Молдовы на молдавском языке «Летописецул Молдовенеск», написанный Еустратием Логофэтом в 1630–1631 гг. Она была включена в «Летописецул Цэрий Молдовой» Гр. Уреке. Поскольку этот сюжет – фактически вступление к «Летописи...» Гр. Уреке – в его более развернутом, этнически более конкретном виде малоизвестен, полагаем уместным привести его сокращенный вариант.

В Предисловии к молдавской летописи («Летописецул Молдовенеск») говорится, что **Молдова создана из двух языков (племен) - волохов и русских (рушь), о чем свидетельствует и то, что по сей день страна состоит наполовину из русских (рушь) и наполовину из волохов**⁴⁶.

«Пишется в «Молдавской летописи» («Летописецул Молдовенеск») в Предисловии, что, после того как те охотники (волохи Драгоша) добились тура, по возвращении увидели благодатные места, пошли по полям в сторону и попали в место, где ныне торг Сучава. Там, почувствовав запах дыма от костра, недалеко от реки со стороны дубравы, спустились по запаху дыма к месту, где ныне монастырь Ецкань. И там, на том месте, нашли пасеку с ульями и старого деда, который ухаживал за ульями; по роду своему был *русским (рус)*, и звали его Ецко. Когда охотники спросили, что он за человек и из какой страны, он сказал, что он *руссий (рус)* из Ляшеской земли. А также спросили его об этих местах, в чьем они владении. Ецко сказал, что земли эти безлюдные, без хозяина, господствуют здесь лишь звери и птицы, простираются эти земли вниз до Дуная, а вверх до Днестра, граничат с Ляшеской землей и очень хороши для проживания. Уразумев все сказанное, охотники поспешили в Марамуреш (северо-западная область Восточных Карпат) и привели своих людей на эту восточную сторону, и других заманили. И обосновались (ау дескэлектат)

вначале у подножия гор, растекаясь по берегам Молдовы-реки вниз.

А пасечник Ецко, увидев, как обосновались мараморошцы, немедленно пошел и он в Ляшескую землю, откуда привел много *русских* (*русь мулць*) и поселил вдоль реки Сучава вверх и по берегам Сирета-реки и к Ботошань (город). Так быстро расширились волохи вниз и *русские* (*русий*) вверх»⁴⁷.

Сведения из венгерских хроник (И. Кюкюлло и др.), марамурештских грамот (*Diplome maramureşene*), молдавские исторические легенды, обобщающие междисциплинарные исследования Д. Симонеску, К.К. Джуреску, Гр. Ботезату и др. об исторических данных и фольклорных традициях основания Молдовы, последующее этнодемографическое развитие Карпато-Днестровского пространства подтверждают реальные элементы сюжета об одновременном поселении в Восточном Прикарпатье, в зоне бассейнов рек Сучава – Молдова – Сирет, *волохов*, введомых воеводою Драгошем, и многих *русских* (*русь мулць*), которых привел в эти благодатные края *русин* Ецко.

Историческая новелла о Драгоше и Ецко, их деяниях по заселению *волохами* и *русинами* северной половины Карпато-Днестровских земель – один из убедительных примеров того, что «история и устная традиция идут рука об руку» (Dan Simonescu). Подтверждением тому является и фрагмент летописной статьи уже упомянутой хроники Григоре Уреке.

«В том же году, а именно 22 июня 1498 г., Штефан-воевода, желая возместить ущерб, нанесенный его стране поляками (во время нашествия на Молдову в 1497 г.)..., вступил в Подолию, к русским (ла Русь)... И много людей, мужчин, женщин, детей заплотил, более 100 000, так много, что многих из них поселил Штефан воевода в свою страну, так что и **по сей день живет русский язык (лимба русаскэ) в Молдове**, особенно там, где их поселил, **почти третья часть говорит по-русски (грэеску русеште)**»⁴⁸.

Обобщая, заключим, что ойконимы, гидронимы, вообще топонимы с основой **рус-**, от Русая «речка в цинуте Сучава» до сёл Русь, Русень, Рускань, Русешть, Русчиорь до Руски брод, Полена Рускова, до антропонимов Рус «из Флочешть», Руска «сестра», Руска «внучка» распространены на всей северной части Карпато-Днестровского пространства – региона возникновения воеводства Молдова и становления молдавского государства. По сведениям молдавского (ясского) историка А. Гонцы, в грамотах молдавской государственной канцелярии зафиксировано около 50 ойконимов и гидронимов с основой **рус-**. В его фундаментальном исследовании, посвященном молдавской исторической топонимике XIV–XVII вв., зафиксировано 12 сёл с названием Русь: 4 – в XIV–XV вв., 3 – в XVI в., 5 – в XVII в.⁴⁹

На остальной территории Молдавии, особенно на юге, где в силу исторических причин православные массово поселились позже, топонимика и гидронимика, как правило, другого происхождения.

Широта и плотность распространения топонимов, гидронимов, антропонимов с основой **рус-** (русин), их исторические корни и континуитет подтверждают вывод молдавского летописца Григоре Уреке⁵⁰.

Сегодня достаточно большое количество граждан Республики Молдова носят фамилии, связанные с русинским происхождением, в том числе: Guțu (Гуцу) - 11 489 чел, Guțul (Гуцул) - 1 403, Russu (Руссу) - 7 259, Rusu (Русу) - 23 162, Rusnac (Руснак) - 4 681 и т. д.⁵¹.

Русинская этническая, политико-географическая терминология, документируемая в разного рода молдавских письменных источниках и исследованиях, очерчивает «историко-этнографическую область», где произошел, как установил украинский академик В. Наулко, **«оригинальный симбиоз молдавских (волошских) и русинских (украинских) культурных элементов, в котором проявляются древние этногенетические и этнокультурные отношения обоих народов»**⁵².

В результате длительных тесных взаимоотношений, совместного проживания неолатиноязычного населения – *волохов с русинами*, в итоге их **симбиоза на этногенетическом уровне** в XI-XIII вв. на севере Карпато-Днестровского пространства начал образовываться молдавский этнос, который создал в XIV в. Молдавское государство.

Эту истину давно сформулировали и всесторонне обосновали авторитетные румынские историки и языковеды довоенного периода - О. Денсуияну, С. Пушкарю, К.К. Джуреску, И. Богдан и др. Румынский историк академик К.К. Джуреску неоднократно в своих работах подчеркивал: «Славяне повлияли на нас в отношении *расы, языка, общественной и государственной организации, в культурном и церковном отношении* (выделено К.К. Джуреску). Никакой другой народ не имел такого мощного влияния на нас. Поэтому самым слави́стом, академиком И. Богданом установлено, что речь о молдавском народе может идти лишь после смешения со славянами».

По общепризнанной концепции академика Иоана Богдана, славяне являются *этносоставляющим компонентом* неолатиноязычных народов, прежде всего **молдавского**.

Академик Богдан заключает: «Влияние славянского элемента на образование нашей национальности настолько очевидно, что можем сказать без преувеличения, что не может быть и речи о молдавском народе (И. Богдан пишет – без каких-либо оснований! – «румынском») до впитывания автохтонным неолатиноязычным населением славянских элементов в течение VI–X вв.»⁵³. И позже, в течение XI–XIII вв., - *русинских элементов*.

Румынский академик, профессор славистики Ясского университета Илие Бэрбулеску отмечал, что первоначально *молдаване* (*românii moldoveni*) жили в Валахии и Трансильвании вместе с мунтянами и с болгарскими славянами, затем некоторая их часть направилась в Молдавию, куда прибыла в XIII в., где с VI в. жили русины. От последних, вследствие ассимиляции, они унаследовали большую географическую номенклатуру и слова с конкретными *русинизмами* (*rutenisme*)⁵⁴.

Богатые и разнообразные этноисторические материалы (фиксируемая в молдавских актах, летописях, комментируемая в молдавской историографии русинская этническая и политико-географическая терминология) и данные ономастики, впервые выявленные и исследуемые в данной работе, – это дополнительное и решающее неоспоримое доказательство того, что русины являются этносоставляющим компонентом молдавского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раевский Н. Контакте романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988. П. 44, 117.
2. Onciul D. Dragoș și Bogdan fondatorii Principatului Moldovenesc // Studii istorice, I. București, 1968. P. 108; Rosetti Al. Istoria limbii române, II. București, 1964. P. 88–89; Cțamă B. Молдаване. Кишинев, 2009. С. 38; Stati V. Istoria Moldovei. Chișinău, 2002. P. 27.
3. Rosetti Al. Op. cit. P. 88; Stati V. De ce moldovenii nu sînt romîni. Odesa, 2013. P. 21–23.
4. Giurescu C.C. Țîrguri și cetăți în Moldova în secolele X–XVI. București, 1967. P. 58; Apud Rosetti Al. Op. cit. P. 88; Cțamă B. Молдаване – не румыны. Одесса, 2013. С. 20–21.
5. Шараневич И.И. История Галицкой и Владимирской Руси до 1453 г. Львів, 1863. С. 36. Apud Onciul D. Din istoria Bucovinei // Studii istorice, II. P. 292–293.
6. Onciul D. Op. cit. P. 293.
7. Ibid.
8. Ключевский В. Письма, мысли и афоризмы об истории. М., 1968. С. 323.
9. Spinei V. Moldova în secolele XI–XIV. Chișinău, 1992. P. 76, 79, 167.
10. Spinei V. Op. cit. P. 79; Левченко М. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 427–428; Francez E. Les relations russo-bizantines au XII siècle et la domination de Galicie au Bas Danube // Byzantinoslavica, XX, 1959, I. P. 50.
11. Корольюк В. Волохи и славяне русской летописи // Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 168–169.
12. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejer. T. 8. Vol. 3. Budaë, 1834. P. 353. Apud Onciul D. Dragoș și Bogdan fondatorii Principatului Moldovenesc // Studii istorice, I. București, 1968. P. 107.

13. Regestrum Varadiense (1230). Apud Onciul D. Op. cit. P. 108.
14. *Onciul D.* Op. cit. P. 302.
15. *Giurescu C.C.* Vechimea rumîniei (iobăgiei) în Țara Rumînească și legătura lui Mihai Viteazul. București, 1915.
16. *Kolarz W.* Mituri și realități în Europa de Est. Iași, 2003. P. 136.
17. *Семенов-Тянь-Шанский В.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910. С. 88.
18. *Rudnycky St.* Ukraina. Land und Volk. Wien, 1916. P. 132. Apud *Ciobanu St.* Basarabia. Populația. Istoria. Cultura. Chișinău, 1992. P. 32.
19. *Boga L.* Populația // Basarabia. Monografie. Chișinău, 1993. P. 53.
20. *Ciobanu St.* Op. cit. P. 32.
21. *Spinei V.* Op. cit. P. 242.
22. *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei. București, 1955. P. 64–65.
23. *Нестеровский П.* Бессарабские русины. Варшава, 1905. С. 2–3.
24. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei. Chișinău, 1992.
25. *Onciul D.* Studii istorice. Vol. II. București, 1968. P. 673–710.
26. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei. P. 25.
27. *Onciul D.* Istoria Bucovinei înainte de unirea cu Austria // Din istoria Bucovinei. P. 46.
28. *Onciul D.* Originile Principatului Moldova // Studii istorice, I. București, 1968. P. 682, 683.
29. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei. P. 25.
30. *Ibid.* P. 19–20.
31. *Стату В.* Молдаване – не румыны. С. 18; *Стату В.* История Молдовы. Кишинев, 2014. С. 17.
32. *Bogdan I.* Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. I, II. București, 1913.
33. *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Vol. I. Iași, 1931; Vol. II. Iași, 1932.
34. *Наулко В.* Исторический очерк формирования молдавского населения Украины. Киев, 1987. С. 38.
35. Primele istorii ale Moldovei. Ed. V. Stati. Chișinău, 2007.
36. *Costin Miron.* Opere. București, 1958. P. 123.
37. *Ibid.*
38. *Ibid.* P. 124.
39. *Ibid.* P. 259.
40. *Ibid.* P. 384.
41. *Cantemir D.* Descrierea Moldovei. București, 1973. P. 297.
42. *Ibid.* P. 299.
43. *Ibid.* P. 53.
44. *Costin Miron.* Op. cit. P. 135.
45. *Ibid.* P. 58.
46. Letopisețul Țării Moldovei. Chișinău, 1990. P. 28.
47. *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei. București, 1955. P. 64–65.
48. *Ibid.* P. 107.
49. *Gonța Al.* Documente privind istoria Romîniei (DIR). Moldova. Indicele numelor de locuri. București, 1990.
50. *Ureche Grigore.* Op. cit. P. 107.

51. Суляк С.Г. Полиэтническая Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 1 (31). С. 102.

52. Наулко В. Формування молдавського етносу і сучасні етнічні процеси в Україні // Молдавія України. Історична ретроспектива та сучасність. Одеса, 2000. С. 25–26.

53. Bogdan I. Istoriografia română și problemele ei actuale. București, 1905. P. 21; Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București, 1997. P. 116–117.

54. Bărbulescu I. Individualitatea limbii române și elementele slave. București, 1929. С. 80–81.

References

1. Raevskiy N. Kontakte romanichilor reseriten' ku slaviy, Pe baze de date lingvistice, Kishineu, 1988, pp. 44, 117 [in Moldavian].

2. Onciul D. Dragoș și Bogdan fondatorii Principatului Moldovenesc, Studii istorice, I. București, 1968, p. 108 [in Romanian]; Rosetti Al. Istoria limbii române, II, București, 1964, pp. 88–89 [in Romanian]; Stati V. Moldavane, Kishinev, 2009, p. 38 [in Russian]; Stati V. Istoria Moldovei, Chișinău, 2002, p. 27 [in Romanian].

3. Rosetti Al. Op. cit., p. 88 [in Romanian]; Stati V. De ce moldovenii nu sînt romîni, Odesa, 2013, pp. 21–23 [in Romanian].

4. Giurescu C.C. Țîrguri și cetăți în Moldova în secolele X–XVI, București, 1967, p. 58 [in Romanian]; Apud Rosetti Al. Op. cit., p. 88 [in Romanian]; Stati V. Moldavane – ne rumyny. Odesa, 2013, pp. 20–21 [in Russian].

5. Szaraniewicz I.I. Istoriya Galitskoy i Vladimirskey Rusi do 1453 g., L'viv, 1863, p. 36 [in Russian]. Apud Onciul D. Din istoria Bucovinei, Studii istorice, II, pp. 292–293 [in Romanian].

6. Onciul D. Op. cit., p. 293 [in Romanian].

7. Ibid.

8. Klyuchevskiy V. Pis'ma, mysli i aforizmy ob istorii, M., 1968, p. 323 [in Russian].

9. Spinei V. Moldova în secolele XI–XIV, Chișinău, 1992, pp. 76, 79, 167 [in Romanian].

10. Spinei V. Op. cit., p. 79 [in Romanian]; Levchenko M. Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy, M., 1956, p. 427–428 [in Russian]; Francez E. Les relations russo-bizantines au XII siecle et la domination de Galicie au Bas Danube, Byzantinoslavica, XX, 1959, I, p. 50 [in French].

11. Korolyuk V. Volokhi i slavyane russkoy letopisi, Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekov'ya, M., 1985, pp. 168–169 [in Russian].

12. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. G. Fejer, t. 8, vol. 3, Budae, 1834, p. 353 [in Latin]. Apud Onciul D. Dragoș și Bogdan fondatorii Principatului Moldovenesc, Studii istorice, I. București, 1968, p. 107 [in Romanian].

13. Regestrum Varadiense (1230) [In Latin]. Apud *Onciul D.* Op. cit., p. 108 [in Romanian].
14. *Onciul D.* Op. cit., p. 302 [in Romanian].
15. *Giurescu C.C.* Vechimea rumîniei (îobăgiei) în Țara Rumînească și legătura lui Mihai Viteazul, București, 1915 [in Romanian].
16. *Kolarz W.* Mituri și realități în Europa de Est, Iași, 2003, p. 136 [in Romanian].
17. *Semenov-Tjan-Shanskiy V.* Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva, t. XIV, Novorossiya i Krym, SPb., 1910, p. 88 [in Russian].
18. *Rudnytskyi St.* Ukraina. Land und Volk, Wien, 1916, p. 132 [in German]. Apud *Ciobanu St.* Basarabia. Populația. Istoria. Cultura, Chișinău, 1992, p. 32 [in Romanian].
19. *Boga L.* Populația // Basarabia. Monografie. Chișinău, 1993, p. 53 [in Romanian].
20. *Ciobanu St.* Basarabia. Populația. Istoria. Cultura. Chișinău, 1992, p. 32 [in Romanian].
21. *Spinei V.* Moldova în secolele XI–XIV. Chișinău, 1992, p. 242 [in Romanian].
22. *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei, București, 1955, pp. 64–65 [in Romanian].
23. *Nesterovskiy P.* Bessarabskie rusiny [Rusins Bessarabian], Warsaw, 1905, pp. 2–3 [in Russian].
24. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei, Chișinău, 1992 [in Romanian].
25. *Onciul D.* Studii istorice, vol. II, București, 1968, pp. 673–710 [in Romanian].
26. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei, p. 25 [in Romanian].
27. *Onciul D.* Istoria Bucovinei înainte de unirea cu Austria, Din istoria Bucovinei, p. 46 [in Romanian].
28. *Onciul D.* Originile Principatului Moldova, Studii istorice, I, București, 1968, pp. 682, 683 [in Romanian].
29. *Onciul D.* Din istoria Bucovinei, p. 25 [in Romanian].
30. *Ibid.*, pp. 19–20.
31. *Stati V.* Moldavane – ne rumyny, Odessa, 2013, p. 18 [in Russian]; *Stati V.* Istoriya Moldovy, Kishinev, 2014, p. 17 [in Russian].
32. *Bogdan I.* Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I, II, București, 1913 [in Romanian].
33. *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. I, Iași, 1931; vol. II, Iași, 1932 [in Romanian].
34. *Naulko V.* Istoricheskiy ocherk formirovaniya moldavskogo naseleniya Ukrainy, Kiev, 1987, p. 38 [in Russian].
35. Primele istorii ale Moldovei, ed. V. Stati, Chișinău, 2007 [in Romanian].
36. *Costin Miron.* Opere, București, 1958, p. 123. [in Romanian].
37. *Ibid.*
38. *ibidem*, p. 124.
39. *Ibid.*, p. 259.
40. *Ibid.*, p. 384.
41. *Cantemir D.* Descrierea Moldovei, București, 1973, p. 297 [in Romanian].
42. *Ibid.*, p. 299.

43. Ibid., p. 53.
44. *Costin Miron*. Op. cit., p. 135 [in Romanian].
45. Ibid., p. 58.
46. Letopisețul Țării Moldovei, Chișinău, 1990, p. 28 [in Romanian].
47. *Ureche Grigore*. Letopisețul Țării Moldovei, București, 1955, pp. 64–65 [in Romanian].
48. Ibid., p. 107.
49. *Gonța Al.* Documente privind istoria României (DIR). Moldova., Indicele numelor de locuri, București, 1990 [in Romanian].
50. *Ureche Grigore*. Op. cit., p. 107 [in Romanian].
51. *Sulyak S.G.* Polietnichnaya Moldaviya (po dannym toponimiki i antroponimiki) [Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information)], *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal*, otv. red. S.G. Sulyak, 2013, № 1 (31), p. 102 [in Russian].
52. *Naulko V.* Formuvannya moldavs'kogo etnosu i suchasni etnichni protsesi v Ukraïni, Moldavani Ukraïni. Istorichna retrospektiva ta suchasnist'. Odesa, 2000, pp. 25–26 [in Russian].
53. *Bogdan I.* Istoriografia romîână și problemele ei actuale, București, 1905, p. 21 [in Romanian]; *Boia L.* Istorie și mit în conștiința romînească, București, 1997, pp. 116–117 [in Romanian].
54. *Bărbulescu I.* Individualitatea limbii romîne și elementele slave. București, 1929, pp. 80–81 [in Romanian].

Стати Василий Николаевич - доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры молдавской филологии Приднестровского государственного университета им Т.Г. Шевченко.

e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Stati Vasili - Doctor of of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Moldavian Philology of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal «Rusin», President of the Association «Rus'» (Republic of Moldova).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 271.2 (477.85)
DOI: 10.17223/18572685/35/7

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768-1774 гг. И ЛИКВИДАЦИЯ ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ БУКОВИНЫ

Г.К. Кожолянюк

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
e-mail: g_kogolianko@ukr.net
Scopus Author ID: 55359016200

Авторское резюме

В статье исследованы начало и ход военных действий между турецкими и российскими войсками в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Рассматривается освобождение российскими войсками Буковины от турецкого господства.

Ключевые слова: война, турки, молдаване, конфедераты, Российское государство, «черноморская проблема», армия.

The Russo-Turkish War 1768-1774 and the end of turkish domination in Northern Bukovina

G.K. Kojolianko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskiy Str., Chernivtsi, Ukraine
e-mail: g_kogolianko@ukr.net

Abstract

The beginning and progress of military operations between Turkish and Russian forces during the Russo-Turkish War of 1768-1774 is researched. The liberation of Bukovina from Turkish domination by the Russian Military is studied.

Keywords: war, turks, moldavians, confederates, Russian State, «Black Sea problem», army.

Вопросы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. исследовали как российские историки (А. Петров, Е. Дружинина)¹, так и австрийские (Й. Гаккмер, Ф. Викенгаузер, Б. Пужела, Й. Шел)² и др. В то же время

украинские историки не разрабатывали проблему русско-турецкой войны, в ходе которой было ликвидировано турецко-молдавское господство в северной части Буковины.

В последнее время на Западе появились историки, которые охвачены фантастической идеей австрийских монархистов о реставрации Австро-Венгерской монархии в рамках 1914 г. с наследниками Франца-Иосифа (Габсбурга) на троне.

Некоторые западные историки основную заслугу в зарождении и развитии в конце XVIII – начале XIX в. прогрессивного на то время капитализма приписывают исключительно аннексии края Габсбургами. При этом они упускают из виду то, что тогда Австрия была одной из наиболее отсталых стран Европы (до 30-х гг. XIX в. ее промышленность еще не вышла из стадии мануфактурного производства). Независимо от того, к какой стране принадлежала Буковина в те годы, она развивалась в капиталистическом направлении (там существовала своя национальная буржуазия - купечество, промышленники, своя буржуазно-демократическая интеллигенция и пр.).

Историки, находившиеся на службе австрийского (с 1867 г. – австро-венгерского) правительства, восхваляли реформы Марии-Терезии и Иосифа II и значение «вхождения» (сами же австрийцы называли это словом «оккупация») Буковины в состав Габсбургской империи³. Основным событием, которое определило дальнейшее развитие северной части Буковины, стала русско-турецкая война 1768-1774 гг.

В сентябре 1768 г. султан Османский империи Мустафа III объявил России войну. В ответ на это в ноябре 1768 г. Екатерина II объявила войну Порте. Российская империя вступила в войну неподготовленной. В то же время она начала борьбу с конфедератами. Таким образом, Российское государство должно было решать одновременно две задачи: «польский вопрос» и «черноморскую проблему». Несмотря на это, командование российской армии решило с самого начала вести наступательную войну на два фронта.

Российским стратегическим планом во время первой кампании 1769 г. намечалось сосредоточить на юго-западе. 150-тысячную армию, главные силы которой были направлены против Хотинской крепости. Взятием Молдавии и Валахии необходимо было подготовить базу для форсирования Дуная. Это разорвало бы связи Порты с ее союзниками – крымскими татарами и барскими конфедератами. Кроме того, в стратегические планы входило занятие турецких опорных пунктов – крепостей Хотин, Бендеры, Аккерман, Измаил и др.

1-я армия под командованием генерал-аншефа А.М.Голицына (центр сбора - Константиновка) должна была занять Каменец-Подольский и наступать на Хотин, 2-я армия, которую возглавлял генерал-

аншеф П.А. Румянцев, - прикрывать от крымских татар южные границы от Днепра до Дона по украинской линии, 3-я армия – действовать возле Луцка против конфедератов. В Средиземном море должны были маневрировать две эскадры под командованием адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфинстона.

Военные действия начались в январе 1769 г. вторжением войск крымского хана Крым-Гирея с 70-80-тысячной армией на Украину.

2-я армия отбила нападение татар и заняла побережье Азовского моря, затем ее главные силы были переброшены на Южный Буг, поближе к театру будущих военных действий⁴,

Согласно стратегическому плану Турции, 1-я главная армия должна была весной 1768 г. из Хотина через Днестр вместе с конфедератами пойти на Варшаву и повернуть на Киев и Смоленск. Место сбора – Адрианополь. 1-я армия, состоявшая из русских войск и татарской орды, должна была наступать на юг, а 3-я армия – на Кавказ.

В начале 1768 г. Порты дала приказ пашам европейских провинций двинуться с армиями к Днестру, где уже было сконцентрировано 60-тысячное турецкое войско⁵.

Так, под Хотинном сосредоточился лагерь турок численностью в 30-35 тыс. чел.⁶ Тут же сосредоточились польские конфедераты во главе со старостами Потоцким, Кросинским и австрийским генералом Гадиком. Они совершали вылазки за Днестр, разоряя украинское Подолье. К Хотину прибыли и татарские отряды, которые вместе с турками также за Днестром опустошали все огнем и мечом⁷.

Екатерина II отдала приказ Голицыну и Румянцеву как можно скорее начинать наступление. Еще в январе-марте 1769 г. генерал Солтиков с 20-тысячным корпусом занял позицию вдоль Днестра (Залещики, Гусятин, Бучач, Толстое) для защиты от татар. Появилась возможность приблизиться главным силам Голицына под Константиновку⁸.

В марте 1769 г. малым корпусом авангарда во главе с полковником Чернышевым было взято турецкое укрепление Жванец. Затем генерал Измайлов занял его и соорудил редуты и другие укрепления на расстоянии пушечного выстрела от Хотина. Это был опорный пункт для наступления. Главный штаб 1-й армии был расположен в Каменец-Подольском⁹. На Подолье в составе армии сосредоточились 31 полк пехоты – 62 тыс. чел. (по 2 тыс. в каждом полку), 40 полков кавалерии – 32 тыс. чел. (по 800 чел. в каждом), 5 полков гусаров – 4 тыс. чел. (по 800 чел. в каждом) и 9 тыс. донских казаков¹⁰. Вместе их было более 108 тыс. чел. Армии было придано 100 пушек, 30 мортир и 4000 картечей. Такой была расстановка русских и турецких сил перед штурмом Хотинской крепости.

26 апреля 1769 г. подразделения авангарда генерала Прозоровского с корпусом гусаров перешли Днестр, заняли Черновцы, захватили турецкие склады, а также взяли в плен 250 турок¹¹. Генерал Измайлов с казаками и греческими волонтерами перешли Прут, и 30 апреля 1769 г. состоялся первый штурм турецких позиций под Хотинском. На следующий день снова был бой, во время которого турки были разбиты и отошли к крепости. Город и крепость Хотин подожгли ядрами из российских пушек¹². Однако саму крепость русским войскам взять не удалось, и они отступили.

После их отхода в Хотине остался гарнизон - 18 тыс. турок с артиллерией¹³. Повторная атака была отложена российским командованием из-за нехватки артиллерии и питьевой воды, и солдаты отступили на старые жванецкие позиции.

В это же время со стороны Бендер на помощь Хотину выступил турецкий корпус, разбитый впоследствии авангардом русских войск¹⁴. В мае 1769 г. защиту Хотина возглавил Карам-паша.

8 июля 1769 г. войска Голицына штурмовали укрепления форпостов и блокировали Хотин, а уже 29 июля их подразделения перешли Днестр, затем прошли Буковинский лес, миновали Черновцы и осадили крепость Хотин¹⁵. Однако корпус российских войск под командованием генерала Ренненкампа был отрезан турками, и осаду Хотина пришлось снова снять¹⁶.

В это время молдавские бояре прибыли в штаб-квартиры Голицына в Каменец-Подольском и Прозоровского в Жванце с просьбой взять их под защиту и как можно быстрее освободить страну от турецкого гнета. В частности, епископ Буковинский и Радовецкий Досифей и черновицкий староста пообещали князю Прозоровского поддержку¹⁷. Население северной части Буковины и Молдавии стало бежать за Днестр на Подолье - освобожденную российскими войсками территорию.

В сентябре 1769 г. 150-тысячная армия во главе с великим визирем Махмет Эмином и Али-пашой прибыла из Ясс под Хотин для решительной битвы. В это время российская армия тоже наращивала силы. Ее командование понимало значение взятия Хотина – ключа к Молдавии.

Турки, татары и конфедераты превратили территорию Хотинской райи и соседнюю территорию Черновицкого округа в пустыню. Началась массовая реквизиция у местных жителей коней, скота, продуктов питания и фуража. Население задействовалось на строительстве фортификационных сооружений. За неисполнение приказа хотинского паши угрожали смертной казнью. В 1769 г. бедствия войны дополнила чума¹⁸.

16 сентября 1769 г. начался третий штурм Хотина российскими войсками. Их прикрывала артиллерия из Жванца. Под давлением преобладавших сил турок русские войска отступили. Во время контратаки турки по мостам переправились на левый берег Днестра, но неожиданное наводнение, случившееся в ночь на 17 сентября, разрушило мосты, и корпус турецкого войска в количестве 12 тыс. чел. (8 тыс. янычаров и 4 тыс. спаги) неожиданно оказался отрезанным от основных сил и был разбит войсками Прозоровского¹⁹.

Во время контратаки русских войск турецкий лагерь снялся и двинулся по направлению к Дунаю. В пути их громил корпус российских войск генерал-лейтенанта Шувалова. Так, подразделение в 100 донских казаков во главе с лейтенантом Тотовичем разбило отряд турок под Атаками. Бои шли возле буковинских (Заставна, Задубровка, Рухотин, Новоселица, Пашковцы) и хотинских (Романковцы, Сербичаны) населенных пунктов.

19-20 сентября русские войска заняли всю Хотинскую райю. Город и крепость Хотин были взяты 21 сентября вместе с трофеями (171 турецкая пушка)²⁰.

При взятии Хотина рядом с регулярными войсками сражались и полегли в бою запорожские (3 тыс. чел.) и донские казаки (6 тыс. чел.), греческие добровольцы, а также местное украинское население, бежавшее за Днестр в отряды арнаутов и волонтеров²¹.

Для Порты Хотинская кампания 1769 г. стала первым крупным поражением. За сдачу крепости были обезглавлены великий визирь, хотинский паша и драгомань. По подозрению в шпионаже в пользу России Портой был казнен и молдавский господарь Григорий Калимах²².

После взятия Хотина русские войска начали освобождать северную часть Буковины и Молдавии от турок, татар и конфедератов. Север Буковины и Хотинщина окончательно были освобождены 22-30 сентября 1769 г. Голицын издал обращение к местному населению, в котором говорилось о гарантии дружественных намерений Екатерины II, и призвал помогать русской армии в войне с Турцией²³.

В конце сентября 1769 г. командование 1-й армией принял П.А. Румянцев, а 2-й – П.И. Панин. 9 ноября 1769 г. войска Румянцева заняли столицу Молдавии Яссы, а в середине ноября войска генерала Прозоровского – крепость Браила. В конце ноября были взяты Бухарест и Галац.

Благодаря взятию Дунайских княжеств был выполнен российский стратегический план по изоляции Турции от союзников и ликвидации материальной базы Порты в Молдавии и Валахии. Губернатором Молдавии был назначен Прозоровский.

7 декабря 1769 г. бояре Дунайских княжеств направили Екатерине II прошение о присоединении к России²⁴. Молдавские бояре присягнули царице, и в Петербург была послана делегация с просьбой о российском подданстве. Весной 1770 г. в столицу Российской империи снова прибыла делегация молдавских бояр с такой же просьбой. Но Дунайские княжества не могли быть приняты в состав России, поскольку это вызвало и обострило бы конфликт с другими государствами, в частности с союзниками. Поэтому Екатерина II, не отказываясь от намерения приобщить эти княжества к сфере российского влияния в будущем, высказалась за их автономию²⁵.

Господарем Молдавии был назначен Константин Маврокордат, а Валахии - Григорий Гика. В этих княжествах были сохранены прежние политико-административное управление, налоговая система и феодальные отношения.

9 февраля 1771 г. П.А. Румянцев обратился к населению Молдавии с призывом помогать российской армии в окончательном разгроме турецких янычаров²⁶.

Арнаутский и волонтерский отряды, в которые входили и буковинцы, особо отметились 12 сентября 1771 г. возле Журжи - при освобождении Болгарии. Там они сражались против турок в составе 20-тысячного российского корпуса под командованием Эссена²⁷.

После освобождения северной части Буковины и Хотинщины в Черновцах и Хотине были оставлены небольшие русские гарнизоны. Тут начала свою работу российская военная администрация. На территории края восстановили свою работу учреждения, улучшилась экономическая жизнь, оживилась торговля и пр. В это время офицеры российской топографической экспедиции провели съемку Буковины и Молдавии, а в 1770 г. Ф.С. де Байером была составлена карта последней²⁸. На окраине Черновцов осенью 1770 г. российским инженером Гартенбергом был основан монетный двор, просуществовавший до апреля 1774 г.²⁹

Успехи российских войск на суше и на море в кампании 1770-1771 гг. поставили Турцию перед угрозой полного разгрома. Летом 1770 г. 1-я армия под руководством П.А. Румянцева и 2-я армия под руководством П.И. Панина нанесли поражение турецко-татарским и турецким соединениям возле Рябой Могилы (28 июня), Ларги (18 июля) и Кагула (1 августа). Штурмом была взята крепость Бендеры, капитулировали Измаил, Килия, Аккерман и др.

Таким образом, русскими войсками от турецкого господства была освобождена большая часть Дунайских княжеств. Контратака турок на левом берегу Дуная закончилась поражением. Был взят Крым, а со стороны Средиземного моря российский флот блокировал Дарданеллы.

В боях особо отличились запорожские казаки, входившие в состав русской армии. Запорожская конница была частью Очаковского корпуса. Кроме того, запорожское «плавательное войско» осуществило ряд важных операций в низовьях Днестра, Дуная и на Черном море.

Таким образом, русско-турецкая война 1758-1774 г. началась в сложных для Российского государства условиях. Ему пришлось одновременно решать «польский вопрос» и «черноморскую проблему».

В первую кампанию русские войска после третьей атаки 21 сентября 1769 г. взяли Хотинскую крепость, и в течение 21-30 сентября территория Северной Буковины и Хотинщины была полностью освобождена от вражеских войск. Так было ликвидировано многолетнее господство Османской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. Т. 1. СПб., 1866; Дружинина Е.А. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.

2. Wickenhauser F.A. Die deutschen Siedelungen in der Bukowina. T. 2. Czernowitz, 1887;

Geschichte des Krieges zwischen Russland und der Pforte, von 1768-1774. Wien, 1788; Schauplatz des gegenwartigen Krieges. Hamburg, 1770; Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 4. Pesth, 1836; Poujelat B., Seihl J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Leipzig, 1853; Korn C. Geschichte des Krieges Rusland, Polen und der Pforte. Ulm, 1770-1774.

3. Лозинський М. Галичина в життю України. Відень, 1916; Гнатюк В. Національне відродження австро-угорських українців (1772-1880 рр.). Відень, 1916.

4. Петров А. Указ. соч. С. 112-114.

5. Geschichte des Krieges zwischen Russland und der Pforte, von 1768-1774. S. 16.

6. Ibid. S. 56-57.

7. Schauplatz des gegenwartigen Krieges. S. 62.

8. Geschichte des Krieges zwischen Russland und der Pforte, von 1768-1774. S. 65.

9. Ibid. S. 63.

10. Esseis de geographie de politique d'Histoire sur les possessions de l'Emperreus des Tursc en Europe. Paris, 1784. S. 160.

11. Geschichte des Krieges zwischen Russland und der Pforte. S. 68.

12. Schauplatz des gegenwartigen Krieges. S. 65.

13. Geschichte des gegenwartigen Krieges zwischen Russland, Polen und der Ottomanischen Pforte. Abth.V. Frankfurt und Leipzig, 1771. S. 11.

14. Schauplatz des gegenwartigen Krieges. S. 76.

15. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 4. S. 596.
16. Schauplatz des gegenwertigen Krieges. S. 106, 212-213.
17. *Петров А.* Указ. соч. С. 145.
18. *Wickenhauser F.A.* Die deutschen Siedelungen in der Bukowina. Czernowitz, 1887. S. 170.
19. Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, fon 1768-1774. S. 85.
20. Schauplatz des gegenwertigen Krieges. S. 117-118, 212-213.
21. *Петров А.* Указ. соч. С. 281.
22. *Poujelat B., Seihl J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. S. 224.
23. Schauplatz des gegenwertigen Krieges. S. 118.
24. Documente privind istoria României (colecția Eudoxiu de Hurmuzaki) (seria noua). Raporte consulare (1770-1790). București, 1962. Doc. 1. P. 87-89.
25. *Дружинина Е.А.* Указ. соч. С. 124, 137.
26. *Sturdza D.A., Colescu-Vartie C.* Acte și documente relative la istoria renascerei României. Vol. 1. Doc. 27. București, 1990. P. 120-121.
27. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 4. S. 621.
28. *Bawr de F.S.* Carte de la Moldavie. Sanct-Peterburg, 1770.
29. *Polek J.* Die ehemalige russische Munzstatte in Salagura. Czernowitz, 1894. S. 3-10.

References

1. *Petrov A.* Voyna Rossii s Turtsiey i pol'skimi konfederatami v 1769-1774 gg., t.1, SPb., 1866; *Druzhinina E.A.* Kyuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 g., M., 1955.
2. *Wickenhauser F.A.* Die deutschen Siedelungen in der Bukowina, t.2, Czernowitz, 1887; Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, fon 1768-1774, Wien, 1788; Schauplatz des gegenwertigen Krieges, Hamburg, 1770; *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches, bd. 4, Pesth, 1836; *Poujelat B., Seihl J.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Leipzig, 1853; *Korn C.* Geschichte des Kriges Rusland, Polen und der Pforte, Ulm, 1770-1774.
3. *Lozins'kiy M.* Galichina v zhittyu Ukraini. Viden', 1916; *Gnatyuk V.* Natsional'ne vidrodzhennya avstro-ugors'kikh ukraintsiv (1772-1880 rr.), Viden', 1916.
4. *Petrov A.* Op. cit., pp. 112-114.
5. Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, fon 1768-1774, p. 16.
6. Ibid., pp. 56-57.
7. Schauplatz des gegenwertigen Krieges, p. 62.
8. Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, fon 1768-1774, p. 65.
9. Ibid., p. 63.
10. Esseis de geographie de politique d'Histoire sur les possessions de l'Emperreus des Tursc en Europe, Paris, 1784, p. 160.
11. Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, p. 68.
12. Schauplatz des gegenwertigen Krieges, p. 65.

13. Geschichte des gegenwartigen Krieges zwischen Russland, Polen und der Ottomanischen Pforte, abth. V, Frankfurt und Leipzig, 1771, p. 11.
14. Schauplatz des gegenwartigen Krieges, p. 76.
15. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches., bd. 4, p. 596.
16. Schauplatz des gegenwartigen Krieges, pp. 106, 212-213.
17. *Petrov A.* Op. cit., s. 145.
18. *Wickenhauser F.A.* Die deutschen Siedelungen in der Bukowina. Czernowitz, 1887, p.170.
19. Geschichte des Kriges zwischen Russland und der Pforte, fon 1768-1774, p. 85.
20. Schauplatz des gegenwartigen Krieges, pp. 117-118, 212-213.
21. *Petrov A.P.* Op. cit., p. 281.
22. *Poujelat B., Seihl J.* Geschichte des Osmanischen Reiches, p. 224.
23. Schauplatz des gegenwartigen Krieges, p. 118.
24. Documente privind istoria României (colecția Eudoxiu de Hurmuzaki) (seria noua), Raporte consulare (1770-1790), București, 1962, doc. 1, pp. 87-89.
25. *Druzhinina E.A.* Op. cit., pp. 124, 137.
26. *Sturdza D.A., Colescu-Vartie C.* Acte și documente relative la istoria renascerei României, vol. 1, doc. 27, București, 1990, pp. 120-121.
27. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches, bd. 4, p. 621.
28. *Bawr de F.S.* Carte de la Moldavie, Sanct-Peterburg, 1770.
29. *Polek J.* Die ehemalige russische Munzstatte in Salagura, Czernowitz, 1894, pp. 3-10.

Кожолянко Георгий Константинович - доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

e-mail: g_kogolianko@ukr.net

Kozholianko Georgii - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of YuriyFedkovych Chernivtsi National University.

e-mail: g_kozholianko@ukr.net

УДК 94(477)»17-18»
DOI: 10.17223/18572685/35/8

УНИФИКАЦИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ БЕССАРАБИИ И МАЛОРОССИИ В ПЕРИОД ИХ ИНТЕГРАЦИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX вв.

С.И. Дегтярев

Сумский государственный университет
40007, Украина, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
e-mail: starsergo@bigmir.net

Авторское резюме

Рассмотрены некоторые аспекты, связанные с интеграцией чиновничества бывшей Гетманщины и Бессарабии в бюрократическую систему Российской империи во второй половине XVIII – первой трети XIX в. Эта интеграция сопровождалась предоставлением местным элитам широких социальных прав, созданием временных органов власти и управления, которые функционировали с учетом региональной специфики и т.д. Все эти уступки со стороны российского правительства имели целью лишь ускорить слияние администраций левобережной Украины и Бессарабии с бюрократической системой Российской империи. К концу первой трети XIX в. административно-управленческий аппарат на этих землях был полностью преобразован по имперскому образцу. Значительное внимание уделено переходу от местной традиции чинопроизводства к имперской табельной.

Ключевые слова: чиновник, чин, Гетманщина, Малороссия, Бессарабская область, Российская империя, бюрократия.

Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII - the first third of the XIX cent.

S.I. Degtyarev

Sumy State University

2, Rimskogo-Korsakova str., Sumy city, Sumy region, Ukraine, 40007
e-mail: starsergo@bigmir.net

Abstract

The article examines some aspects, concerning the infusion of officialdom of the former Hetmanshchina (Left-bank Ukraine) and Bessarabia into bureaucratic space of the Russian Empire in the second half of the XVIII – the first third of the XIX century.

This integration was accompanied by the provision of a broad social rights of the local elite, creation of temporary governing bodies that operated given the regional specifics, etc. All these concessions from the Russian government had only intended to accelerate the merging administrations of Left-bank Ukraine and Bessarabia with the bureaucratic system of the Russian Empire. At the end of the first third of the XIX century the administrative and managerial apparatus in these lands has been totally transformed by imperial sample. Special attention is attached to the transfer from local tradition of promotion in rank to the imperial standard system.

Keywords: official, rank, Hetmanshchina, Malorossia, Bessarabia region, Russian Empire, bureaucracy.

В современном мире очень актуально изучение исторических причин различных процессов, которые происходят во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Лишь опираясь на опыт прошлого, человечество может избежать многих ошибок или, наоборот, использовать положительный опыт в будущем. Опыт государственного строительства и формирования управленческого аппарата многих стран тесно переплетается с аналогичными процессами у их соседей. В частности, очень тесно взаимосвязаны они у Молдовы, Украины и России. Именно в период пребывания украинских (малороссийских) и молдавских (бессарабских) земель в составе Российской империи происходит, например, формирование чиновничества (бюрократии) в современном понимании этого явления. Для Малороссии и Бессарабии процесс такого формирования включал предварительный этап слияния их национальных систем управления с российской.

Вопросы, связанные с изучением истории бюрократии периода Российской империи, в своих работах затрагивали многие исследователи, начиная с XIX в. Особенно богатой в этом плане является современная российская историография. Но крайне мало научных работ, посвященных процессу интеграции бюрократических систем национальных территорий, присоединенных к Российской империи, в управленческий механизм последней. Некоторые из исследователей лишь поверхностно касаются очерченной проблематики¹⁻⁸.

В данном исследовании мы попытаемся разобраться в процессе унификации бюрократических систем Бессарабии и Малороссии

во время их интеграции в общественный простор Российской империи, определить общие и отличительные черты этого явления на изучаемых территориях.

После русско-турецкой войны 1806-1812 гг. вследствие Бухарестского мирного договора (16 мая 1812 г.) Бессарабия была включена в состав Российской империи. После этого имперское правительство сразу же начало обустройство всех сфер жизнедеятельности по общеимперскому (российскому) образцу.

В первые же годы началось активное переобустройство управленческого аппарата на новоприсоединенных землях. Создавались новые для Бессарабии государственные учреждения, которые заполнялись служащими (сначала в основном русскими по происхождению). Например, в 1815 г. чиновнический аппарат Бессарабской области еще был относительно невелик. Согласно данным адрес-календарей (месяцесловов) за тот год, в структуре областного управления служили 23 чиновника. В различных учреждениях низшего уровня (цинктовых, карантинных конторах и т.п.) насчитывалось всего 37 служащих. Таким образом, в сфере управления было задействовано лишь 60 человек. Но при этом следует учитывать, что во всех государственных учреждениях работали такие служащие, как канцеляристы, копиисты, писари, которые не имели чинов и привилегий с ними связанных, но при этом были полноценной составляющей бюрократического механизма в регионе. А их количество часто было довольно значительным. Для достижения более точных количественных результатов в этом исследовании мы будем опираться только на данные, содержащиеся в месяцесловах.

29 апреля 1818 г. был издан «Устав образования Бессарабской области»⁹. Считается, что после его принятия в Бессарабии начался период автономии. В этом документе царь Александр I писал: «Бессарабская область сохраняет свой народный состав и вследствие сего получает и особый образ управления»¹⁰. Фактически этот документ стал основной юридической базой формирования и деятельности административных учреждений в 1818-1828 гг. Инкорпорируя территорию Бессарабии, российское правительство, как и в случаях с другими национальными регионами (земли Украины, Прибалтики, Сибири и др.), не сразу создавало управленческий аппарат по так называемому великороссийскому образцу. Необходимо было сначала добиться расположения местной элиты. Именно с этой целью в том же 1818 г. был создан *Верховный совет Бессарабской области* в качестве высшего исполнительного, административного и судебного органа. Совет состоял из одиннадцати членов. Пятеро из них назначались, шесть членов выбирались местным дворянством сроком на три года, и их кандидатуры утверждались наместником.

Вскоре роль этого органа стала резко снижаться. Имперские власти не были намерены надолго оставлять реальные рычаги управления в Бессарабии в руках коллективного органа, который не соответствовал принципам монархической власти.

В течение 1815-1819 гг. количество чиновников, служивших в Бессарабской области, существенно не изменялось. Это видно из таблицы № 1¹¹⁻¹⁴.

Таблица № 1

Год	Чиновники областных учреждений	Чиновники учреждений низших инстанций	Чиновники из числа молдаван	Чиновники - молдаване, имевшие российские чины
1815	23	37	14	1
1816	24	35	8	1
1818	24	35	9	1
1819	24	35	9	1

Информация за 1818 и 1819 гг. по Бессарабской области соответствует данным за 1816 г. Возможно, в этот период списки чиновников не обновлялись, так как уже в данных за 1820 г. видны огромные отличия от предыдущих. За тот же год были указаны 47 чиновников учреждений областного уровня и 80 – низшего. Сколько представителей местного населения в этот период находилось на государственной службе, точно сказать невозможно, так как с 1820 г. в списках месяцесловов чиновников Бессарабской области уже не идентифицируют как представителей молдавского боярства и помещиков. Но можно с уверенностью утверждать, что их число стало значительно большим, чем в предыдущие годы. Примерное количество чиновников-молдаван в этот период мы оцениваем примерно в 40 человек.

С каждым годом государственных служащих в Бессарабии становилось все больше, здесь продолжали создаваться новые учреждения, которые уже давно действовали в других регионах империи. Уже в 1825 г. чиновников областного уровня здесь насчитывалось 78 человек, а уездного и городского – 180. Динамика изменения количества гражданских служащих в Бессарабской области хорошо видна из представленной таблицы №2¹⁵⁻¹⁸.

Таблица № 2

Год	Количество чиновников учреждений областного уровня	Количество чиновников низшего уровня	В с е г о чиновников	Количество чиновников, пользовавшихся старыми местными титулами
1820	47	80	127	9
1823	61	154	215	9
1825	78	180	258	7
1827	82	192	274	6
1828	94	196	290	6
1830	87	148	235	3
1835	73	162	235	3

Итак, на ключевые должности в области в основном назначались российские чиновники. Примечателен также тот факт, что на полицейских должностях в первые годы не было ни одного представителя местного чиновничества. Очевидно, правительство таким образом пыталось взять новоприсоединенный регион со своими национальными традициями под более полный контроль. В 1815 г. из 23 чиновников областного уровня служили 8 человек «из числа молдавских бояр и помещиков» (все занимали должности советников, четыре из которых позже вошли в состав созданного 4 июля 1816 г. Бессарабского областного временного комитета, который иерархически стал считаться выше областного правительства, и деятельность которого была направлена на разработку нового административного регламента в соответствии с местными традициями), а из 37 служащих учреждений низших инстанций таких было всего 6. Всего из 60 чиновников представителей местной служилой элиты было 14 человек, то есть менее 25%. При этом чиновники из местных жителей пользовались молдавско-османскими чинами/титулами: бан, пагорник, стольник, спатарь, сардарь, пыркэлаб, ключарь, слуджар, постельник, комис, пахарник, житничер, каминар и др. Лишь один из них имел титул спатаря и одновременно коллежского асессора по российской «Табели о рангах» – Иордакий Букшенескул¹⁹.

В некоторых случаях даже сами составители месяцесловов проводили аналогии между российскими названиями некоторых должностей и местными чинами, например «исправники: в цинуте или

поркалабы» или «исправники: в уезде, или так называемые сардары»²⁰.

В 1820 г. чиновников, которые продолжали пользоваться старыми местными титулами, было лишь 9 человек. Но к этому времени заметно выросло количество служащих, которые предпочитали табельную систему чинопроизводства. К 1825 г. старой титулатурой продолжали пользоваться всего 7 человек²¹⁻²³.

Таким образом, использовать старые местные названия титулов/чинов/должностей продолжали очень немногие чиновники. Причем в месяцесловах за разные годы речь, как правило, шла об одних и тех же людях. Например, среди таких лиц в 1820-х гг. встречаем двух сардарей - П.К. и Ф.К. Макареско и ключаря А.А. Бурду, которые долгое время не желали расставаться со своими старыми титулами.

Процесс инкорпорации Бессарабии в состав Российской империи протекал, по нашему мнению, довольно стремительно. Особенно четко это прослеживается на примере преобразований в административно-управленческой сфере. Унификация бюрократического аппарата Бессарабии проходила в несколько этапов:

I. Подготовительный – период с момента присоединения этой территории к Российской империи и до 1818 г. Считается, что система административного управления в Бессарабии, введенная в этот период, была создана с учетом местных реалий; имела особую форму подчинения бессарабской администрации центральным российским властям; носила временный характер; сохраняла некоторое сходство с молдавской административной системой и была продиктована особыми устремлениями русской экспансионистской политики, ближайшей целью которой было укрепление власти на Балканах²⁴. На самом деле в то время российские власти учредили в регионе лишь самые необходимые органы управления, на ключевые должности в которых назначались представители российского чиновничества. Именно тогда имперское правительство определяло место местной элиты в управленческих и властных структурах, обещало последней привилегии и перспективы, которыми пользовалось российское чиновничество (в т.ч. и уравнивание в правах с российским дворянством).

II. Период псевдоавтономии (1818-1828 гг.). Это время действия «Устава образования Бессарабской области», когда в регионе функционировал Верховный совет; доступ к государственной службе получили многие представители местного дворянства; чиновникам разрешалось использование старых местных титулов.

III. С 1828 г. происходит окончательная ликвидация всех региональных и национальных особенностей в управленческих практи-

ках Бессарабии. С этого времени весь бюрократический аппарат региона руководствуется в своей деятельности «Учреждением для управления Бессарабской областью». Происходит окончательная унификация бюрократического аппарата и принципов государственной службы по общероссийскому образцу.

По схожему сценарию происходила инкорпорация и украинского чиновничества (в данном случае мы имеем в виду земли так называемой Малороссии, т.е. левобережные украинские территории, которые имели свой опыт государственности - Гетманщину) в бюрократическую систему Российской империи. Это происходило несколько раньше – во второй половине XVIII – первые годы XIX в. Процесс этот был более длителен, чем в Бессарабии, но он значительно ускорился после прихода к власти Екатерины II. Уже в 1764 г. здесь был ликвидирован институт гетманства и создана Малороссийская коллегия – высший орган управления в этом регионе, в состав которого входило равное количество российских и украинских чиновников, а главой был П.А. Румянцев-Задунайский. 24 мая 1779 г. Екатерина II приказала Румянцеву начать подготовку к введению в бывшей Гетманщине административной системы, определенной «Учреждением о губерниях» (1775 г.). Для помощи в этом деле вторым губернатором Малороссии был назначен украинец А.С. Милорадович. Некоторые исследователи считают, что это стало примером имперского использования украинской новой шляхты для уничтожения украинских институций²⁵.

В своей деятельности П. Румянцев сразу же столкнулся с рядом серьезных проблем. По «Учреждению о губерниях» к выборам в государственные органы власти и управления допускались лишь представители шляхты (дворянства). Но согласно украинским традициям такое право было закреплено и за выходцами из рядового казачества, мещанства, духовенства. Кроме того, в связи со спецификой административной системы Гетманщины (полково-сотенное устройство) почти все шляхтичи занимали так называемые войсковые ранги (должности), а поэтому было тяжело найти не военных представителей элиты, чтобы заполнить все гражданские должности. Екатерина II разрешила военным занимать только гражданские должности, но все выборы должны были происходить по имперскому законодательству.

Представителей низшей казацкой старшины, канцеляристов очень привлекала возможность выслужить чины, не воюя, на гражданской службе. Высшая казацкая старшина тоже довольно легко переориентировалась на российскую общественную иерархию. Дело в том, что она изначально была сословием служилым, поэтому

и смогла легко влиться в имперскую систему государственной службы.

В первой половине 1780-х гг. все сферы общественной жизни в Малороссии были подчинены российскому законодательству. По единому образцу начинает перестраиваться и бюрократическая система. Унифицируя на украинских землях управленческий аппарат, имперское правительство позволяло местным чиновникам пользоваться старыми чинами. Более того, российское руководство даже само иногда награждало служащих такими чинами (эта практика существовала до конца 1784 г.). Популярность местных чинов была чрезвычайно высокой. Еще во времена Гетманщины, например, из числа бунчуковых товарищей (казацкий чин) назначались практически все высшие должностные лица – генеральные и полковые старшины, полковники. К тому же они подчинялись не местной администрации, а непосредственно гетману. Более многочисленные войсковые товарищи подпадали под юрисдикцию Генеральной войсковой канцелярии (центральный управленческий орган Гетманщины), и из их числа набирали сотников и старших канцелярских чиновников. Из значковых товарищей набирали низших полковых старшин и канцеляристов²⁶.

Ни один табельный чиновник Российской империи никогда столь широких прав не имел. Таким образом, те служащие, которые сразу перешли на еще недавно менее выгодную систему табельного чинопроизводства, к началу XIX в. в основном уже смогли выслужить достаточно высокие (на местном уровне) чины и получить права потомственных дворян. Те же, кто еще надеялся воспользоваться преимуществами старых местных чинов, в большинстве своем столкнулись в дальнейшем с проблемами, связанными с получением служебных преимуществ или социальных выгод (опять же получением дворянства). Тем не менее, часть чиновников, пользовавшихся старыми чинами на украинских землях в течение всех последних лет XVIII в., оставалась значительной.

22 декабря 1784 г. Екатерина II запретила награждать чиновников бывшими малороссийскими чинами²⁷. Уже в следующем году количество служащих с такими чинами резко сократилось: в Киевском наместничестве с 48,16% от общего числа чиновников в 1784 г. до 36,8% в 1785 г.; в Новгород-Северском – с 56,74% до 19,63%; в Черниговском – с 57,34% до 34,38%. Это происходило как за счет сокращения практики награждения такими чинами, так и по причине перевода многих чиновников-украинцев на табельную систему чинопроизводства²⁸⁻³¹.

В течение 80-90-х гг. XVIII в. бюрократический аппарат на землях бывшей Гетманщины был перестроен по российскому

образцу. Лишь в короткий период царствования Павла I была предпринята попытка вернуть некоторые элементы старой административной системы на этих землях, что на самом деле оказалось не более чем обычным возвращением некоторых названий бывших малороссийских учреждений (генеральный суд, поветовые земские суды) и должностей (подкоморий, подсудок, генеральный судья и т. п.).

По нашему мнению, процесс унификации бюрократического аппарата в Бессарабской области и на территории Малороссии (и их инкорпорация в состав империи в целом) имели общие и отличительные черты. На украинских землях это происходило в более ранний период и протекало дольше, чем в Бессарабии. Это объясняется более давними военно-политическими связями Украины и России. Формально сохраняя определенную долю автономии (в разное время ее уровень был не одинаков), украинские земли были довольно крепко территориально привязаны к России уже со второй половины XVII в.

В течение же всего XVIII в. Российская империя пребывала в состоянии многочисленных преобразований (частые реформы, войны и т. п.). Поэтому инкорпорация бывшей Гетманщины, также произошедшая в XVIII в., не могла состояться быстро. Присоединение же Бессарабии происходило, когда Российская империя стала одной из мощнейших (если не самой мощной) держав Европы, ее политика была четко определена (унитарность, абсолютизм), бюрократическая система сформирована. Это позволило быстро перестроить Бессарабию по имперскому образцу.

Подготовительная работа перед окончательным слиянием бюрократического аппарата Бессарабии и Малороссии с управленческой сферой Российской империи сопровождалась следующими шагами:

- предоставлением местным элитам достаточно широких социальных и служебных прав и возможностей, в частности привлечением их к управленческой деятельности, которое создавало иллюзию причастности к власти;

- созданием временных органов власти и управления, которые якобы учитывали региональную специфику: в Бессарабии – Верховный совет, в бывшей Гетманщине – Малороссийская коллегия;

- предоставлением на определенных этапах преобразований права использовать старые местные титулы, чины, должности и названия некоторых учреждений, что создавало иллюзию некоторой автономии и психологически делало различия между старыми системами управления (малороссийской и молдавской) и новой (имперской российской) более преодолимыми.

В целом же проблема унификации бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи остается актуальной и требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / Авторизированный перевод с французского Марии Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

2. Дегтярьов С.І. Використання давніх форм чиновництва у державних цивільних установах на українських землях в останній чверті XVIII ст. // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського: Збірник наукових праць. Вип. 3.33: Історичні науки. Миколаїв: МНУ, 2012. С. 74-82.

3. Дегтярьов С.І. Інкорпорація українського чиновництва до бюрократичної системи Російської імперії в другій половині XVIII ст. // Волинські історичні записки: Збірник наукових праць. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2012. Т. 9. С. 36-43.

4. Дегтярев С.И. Инкорпорация украинского чиновничества в бюрократическую систему Российской империи в период правления Екатерины II // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013, № 1. С. 16-25.

5. Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. К.: Основи, 1996. 317 с.

6. Когут З. Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К.: Критика, 2004. С. 46-79.

7. Токць С.М. Дзяржауны апарат царызму у Беларусі у 30-60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноуніцкі корпус) / аутарэф. дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.02. Мінск. 1997. 23 с.

8. Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century - First Half of the 19th Century) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 30 (4). С. 28-35.

9. Устав образования Бессарабской области // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27357. С. 222-281.

10. Молдавское княжество и Бессарабия в 1812-1828 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moldovenii.md/ru/section/700/content/7155> (дата обращения: 5.05.2014).

11. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1815. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 532+VIII+96 с.

12. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1816. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 538+VIII с.

13. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1818. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VIII+548 с.

14. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1819. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VIII+552 с.

15. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1827. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VII+519+3 с.

16. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1828. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 527+11+VII с.

17. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1830. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VII+411 с.

18. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1835. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 428+XII+VIII с.

19. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1815. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 532+VIII+96 с. С. 526-528.

20. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1816. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. 538+VIII с. С. 534.

21. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1820. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VIII+568+8 с.

22. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1823. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VII+448+137 с.

23. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1825. Часть вторая. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. VII+483 с.

24. Молдавское княжество и Бессарабия в 1812-1828 гг.

25. *Козут З.* Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство. С. 46-79.

26. Там само. С. 56.

27. О ненаграждении впродъ служивых малороссийских людей прежними войсковыми чинами // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXII. № 16117. С. 272-273.

28. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1784. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. XXI+489+X с.

29. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1785. СПб.: При Императорской академии наук. Б/г. XXI+443+IX с.

30. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее - ЦГИАУК). Ф. 193. Киевское наместническое правление. Оп. 1.

Д. 487. Дело о присвоении чинов старшине малороссийских полков (1784 г.). 96 л.

31. ЦГИАУК. Ф. 193. Киевское наместническое правление. Оп. 1. Д. 769. Указ Сената о присвоении чина коллежского асессора сотнику Переяславского полка Кондыбе (1786 г.). 14 л.

References

1. *Bovua D. Gordiev uzel Rossiyskoy imperii: vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793-1914)* [Gordian knot of the Russian Empire: Power, nobility and the people in Right Bank Ukraine (1793-1914)], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 1008 p. [in Russian].

2. *Degtyar'ov S.I. Viktoristannya davnikh form chinovirobnitstva u derzhavnikh tsivil'nikh ustanovakh na ukraïns'kikh zemlyakh v ostanniy chverti XVIII st.* [Using old ranks in state civil institutions in Ukraine in the last quarter of the XVIII cent.]. *Naukoviy visnik Mikolaïvs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.O. Sukhomlins'kogo: Zbirnik naukovikh prats'. Vipusk 3.33: Istorichni nauki. Mikolaïv: MNU, 2012, pp. 74-82* [in Ukrainian].

3. *Degtyar'ov S.I. Inkorporatsiya ukraïns'kogo chinovnitstva do byurokratichnoï sistemi Rosiys'koï imperii v drugi polovini XVIII st.* [Incorporation of ukrainian bureaucracy to a bureaucratic system of the Rissian Empire in the second half of the 18th century], *Volins'ki istorichni zapiski: Zbirnik naukovikh prats'. Zhitomir: Vid-vo ZhDU im. I. Franka, 2012, T. 9, pp. 36-43* [in Ukrainian].

4. *Degtyarev S.I. Inkorporatsiya ukrainskogo chinovnichestva v byurokraticheskuyu sistemu Rossiyskoy imperii v period pravlenniya Ekateriny II* [Incorporation of ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Rissian Empire during under the rule of Catherine II], *Bylye gody, 2013, № 1, pp. 16-25* [in Russian].

5. *Kogut Z. Rosiys'kiy tsentralizm i ukraïns'ka avtonomiya. Likvidatsiya Get'manshchini, 1760-1830* [Russian centralism and Ukrainian autonomy: Imperial absorption of the Hetmanate, 1760-1830], K.: Osnovi, 1996, 317 p. [in Ukrainian].

6. *Kogut Z. Ukraïns'ka elita u XVIII stolitti ta її integratsiya v rosiys'ke dvoryanstvo* [The Ukrainian elite of the eighteen century and its integration into the Russian nobility], *Kogut Z. Korinnya identichnosti. Studii z rann'omodernoï ta modernoï istorii Ukraïni, K.: Kritika, 2004, pp. 46-79* [in Ukrainian].

7. *Tokc" S.M. Dzjarzhauny aparat caryzmu u Belarusi u 30-60-h gg. XIX st. (struktura, funkcyi, chynounicki korpus)* [Tsarist state apparatus in Belarus in the 30-60s. XIX cent. (structure, function, officials)] / autaref. dys. ... kand. gistar. navuk: 07.00.02, Minsk, 1997, 23 p. [in Belarusian].

8. *Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century - First Half of the 19th Century)*, *Bylye gody, 2013, № 30 (4), pp. 28-35* [in Russian].

9. *Ustav obrazovaniya Bessarabskoy oblasti* [Statutes formation of Bessarabian Region], *PSZ, sobr.1, T. XXXV, № 27357, pp. 222-281* [in Russian].

10. Moldavskoe knyazhestvo i Bessarabiya v 1812-1828 gg. [Moldavian principedom and Bessarabia in 1812-1828 years], [Elektronnyy resurs], URL: <http://www.moldovenii.md/ru/section/700/content/7155> (accessed 5 May 2014) [in Russian].

11. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1815 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1815, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 532+VIII+96 p. [in Russian].

12. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1816 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1816, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 538+VIII p. [in Russian].

13. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1818 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1818, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VIII+548 p. [in Russian].

14. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1819 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1819, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VIII+552 p. [in Russian].

15. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1827 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1827, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VII+519+3 p. [in Russian].

16. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1828 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1828, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 527+11+VII p. [in Russian].

17. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1830 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1830, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VII+411 p. [in Russian].

18. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1835 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1835, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 428+XII+VIII p. [in Russian].

19. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1815 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1815, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 532+VIII+96, p. 526-528 [in Russian].

20. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1816 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1816, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, 538+VIII, p. 534 [in Russian].

21. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1820 [Menologion describing the bureaucratic persons

in the state, on the year of Our Lord 1820, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VIII+568+8 p. [in Russian].

22. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1823 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1823, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VII+448+137 p. [in Russian].

23. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1825 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1825, part 2], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, VII+483 p. [in Russian].

24. Moldavskoe knyazhestvo i Bessarabiya v 1812-1828 gg. [Moldavian principedom and Bessarabia in 1812-1828 years], [Elektronnyy resurs].

25. *Kogut Z.* Ukraïns'ka elita u XVIII stolitti ta її integratsiya v rosiys'ke dvoryanstvo [The Ukrainian elite of the eighteen century and its integration into the Russian nobility], pp. 46-79 [in Ukrainian].

26. Ibid., p. 56 [in Ukrainian].

27. O nenagrazhdenii vpred' sluzhivnykh Malorossiyskikh lyudey prezhnimi voyskovymi chinami [About prohibition to reward officials Malorossiysky officials old army ranks], PSZ, sobr.1, t. XXII, № 16117, pp. 272-273 [in Russian].

28. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1784 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1784], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, XXI+489+X p. [in Russian].

29. Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1785 [Menologion describing the bureaucratic persons in the state, on the year of Our Lord 1785], SPb.: The Imperial Academy of Sciences, XXI+443+IX p. [in Russian].

30. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g.Kiev (dalee - TsGIAUK), f. 193, Kievskoe namestnicheskoe pravlenie, op. 1, d. 487, Delo o prisvoenii chinov starshine malorossiyskikh polkov (1784 g.) [Case on conferring of ranks superiors left-bank Ukrainian regiments, 1784], 96 l. [in Russian].

31. TsGIAUK, f. 193, Kievskoe namestnicheskoe pravlenie, op. 1, d. 769, Ukaz Senata o prisvoenii china kollezhskogo assessora sotniku Pereyaslavskogo polka Kondybe (1786 g.) [Decree of Senate on conferring the rank of collegiate assessor the centurion of Perejaslav Regiment Kondyba, 1786], 14 l. [in Russian].

Дегтярев Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Сумского государственного университета.

e-mail: starsergo@bigmir.net

Degtyarev Sergey – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of History of the Faculty of Law of the Sumy State University.

e-mail: starsergo@bigmir.net

УДК 94–054.72(=161.2:498)"1919/1939"

DOI: 10.17223/18572685/35/9

ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РУМЫНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (первая волна)

В.Н. Власенко

Сумский государственный университет
40007, Украина, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
e-mail: v_m_vlas@ukr.net

Авторское резюме

В статье на основе ранее неизвестных документов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины рассматривается вопрос формирования украинской политической эмиграции в Румынии в послереволюционный период. Основное внимание уделяется первой волне эмиграции 1918–1919 гг. Рассказывается о военно-политической ситуации на юге Украины и в Крыму, приведшей к эвакуации военных и гражданских лиц, об отношении румынских властей к эмигрантам. Также рассматриваются меры Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии и миссии Украинского общества Красного Креста на Балканах по оказанию помощи эмигрантам. Впервые в современной украинской историографии показаны социальные источники и потоки эмиграции. Делается вывод, что эмиграция первой волны была мобильной. Одна часть эмигрантов реэмигрировала в другие страны, другая возвратилась на родину, влившись в части армии УНР и ВСЮР, третья осталась в Румынии. Эмиграция пополнялась также военнопленными, возвращавшимися на родину через Румынию.

Ключевые слова: украинская эмиграция, Румыния, волна эмиграции, реэмиграция, беженцы, военнопленные, Украинская Народная Республика, Чрезвычайная дипломатическая миссия, Украинское общество Красного Креста.

Formation of the Ukrainian political emigration to Romania during the interwar period (the first wave)

V.N. Vlasenko

Sumy State University
2, Rimskogo-Korsakova str., Sumy city, Sumy region, Ukraine, 40007
e-mail: v_m_vlas@ukr.net

Abstract

The article describes the process of formation of the first wave of the Ukrainian political emigration to Romania during the post-revolution period. The research is based on the materials available at the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. The main topic of the article constitutes the first emigration wave, which took place in 1918–19. The article depicts the politico-military issues in Crimea and the Southern regions of Ukraine that lead to the evacuation of soldiers and civilians. The article also describes the facts proving the attitude of the Romanian authorities towards Ukrainian emigrants. Aside from that the author provides information about the emigration arrangements on behalf of the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania and the Mission of the Ukrainian Red Cross Society in the Balkans. Moreover, social aspects of the emigration flows are introduced in the text for the first time in modern Ukrainian historiography. The ones re-emigrated to other countries, the others moved back and joined the UPR Army and Armed Forces of South Russia, whilst certain percent of the emigrants stayed in Romania. The emigration was appended with the war prisoners, whose path back home took course over Romania.

Keywords: Ukrainian emigration, Romania, emigration wave, re-emigration, war prisoners, refugee, Ukrainian People's Republic, the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania, the Mission of the Ukrainian Red Cross Society.

Первая мировая война и революционные события 1917–1921 гг. в России и на Украине вынудили сотни тысяч украинцев, не согласных с новыми общественно-политическими условиями и большевистским режимом, покинуть родину. Они расселились почти по всем континентам, однако основная их часть осталась в Европе. Именно здесь формировались политические центры эмиграции, действовали политические партии и общественные организации, здесь пребывали лидеры украинской эмиграции, бывшие руководители и члены украинских правительств, высшие военные чины и церковные иерархи, научная и творческая элита. Однако основную массу эмигрантов составляли простые люди: солдаты, рабочие и крестьяне, мелкие торговцы, ученики и студенты, а также офицеры и предприниматели, техническая и творческая интеллигенция.

В исторической литературе раскрыты разнообразные стороны жизнедеятельности украинской эмиграции на уровне континента, его регионов и отдельных стран. При этом основное внимание

исследователи уделяли странам Центральной Европы. В меньшей мере освещены вопросы существования эмиграции на юго-восточной части континента, в частности в Румынии. Отдельные сведения об украинской эмиграции в этой стране приводятся в монографиях по истории украинской политической эмиграции в Европе¹, военнопленных и интернированных², эмигрантской прессы³. Однако недостаточно исследованным остается вопрос о появлении в Румынии украинской политической эмиграции. В данной работе мы употребляем это понятие в узком смысле. То есть речь идет о политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной части эмиграции, которая исповедовала идею восстановления украинской государственности в различных ее формах. Поэтому цель автора - показать начало процесса формирования межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии, а именно первой ее волны. Под волнами мы понимаем повторяемые массовые эмиграционные потоки. В российской историографии межвоенная волна называется послереволюционной, белой, или эмиграцией первой волны. В отличие от Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), где в исследуемый период местные власти не выделяли украинцев из общероссийской эмигрантской массы, в Румынии четко различали эмиграцию российскую и украинскую.

События 1917–1921 гг. на территории Российской империи вообще и Украины в частности привели к тому, что эмигрантские волны, в которых в той или иной мере принимали участие украинцы, расходились в разные стороны. В российской и зарубежной историографии выделяют три направления выхода на эмиграцию: северо-западное, южное и дальневосточное⁴. В пределах второго направления эмигранты следовали с Украины или через ее территорию в Турцию, балканские страны, Северную Африку и на средиземноморские острова. Далее миграция происходила уже вне пределов родины.

Источниками формирования украинской эмиграции в Юго-Восточной Европе были лица, оказавшиеся в этом регионе вследствие нескольких эвакуаций российских антибольшевистских военных формирований и в составе воинских частей армии УНР.

В рамках межвоенной волны украинской эмиграции можно выделить несколько меньших этапов. Главными критериями их определения являются характер эмиграционных потоков, причины приема эмигрантов странами-реципиентами и деятельность государственных и общественных институтов, которые занимались приемом и размещением беженцев.

Первая волна охватывает период со второй половины 1918 до конца 1919 г., когда на Балканы прибыли отдельные представители зажиточных слоев населения, военные и гражданские лица после поражения войск Антанты в апреле 1919 г. (так называемая «французская» эвакуация Одессы). Заметим, что в зарубежной историографии встречаются и другие точки зрения относительно количества и хронологических рамок волн эмиграции⁵. Вторая волна пришлась на зиму - весну 1920 г., когда вследствие ряда поражений армии А.И. Деникина (1872–1947) из Одессы и Новороссийска были эвакуированы военные и гражданские лица. Третья и наиболее массовая волна состоялась осенью 1920 г. после эвакуации из Крыма армии генерала П.Н. Врангеля (1878–1928) и перехода румынской границы отдельными частями армии УНР. В 1921–1922 гг. происходили распределение эмигрантов в балканских странах, реэмиграция, или вторичная миграция, то есть переезд эмигрантов в другие страны региона и за его пределы, а также репатриация.

Известный сербский исследователь русской эмиграции на Балканах М. Йованович отмечал, что до начала организованного выхода из Одессы весной 1919 г. в Юго-Восточной Европе уже проживали подданные бывшей Российской империи⁶. Среди них были и уроженцы или жители Украины. В связи с этим предложенную им классификацию групп беженцев/эмигрантов следует уточнить и расширить - тем более когда речь идет не обо всем регионе, а об отдельной стране. Ограничимся лишь теми группами людей, судьбы которых в той или иной мере были связаны с Румынией.

1. Военнослужащие российской армии, которые попали в плен и находились на территории Австро-Венгрии, Болгарии, Германии и Турции. К концу 1917 г. Россия потеряла военнопленными 3 409 тыс. чел.⁷ Среди них было много уроженцев Украины. В начале 1919 г. в европейских странах в плену находилось около 500 тыс. украинцев⁸. Существовало несколько путей их возвращения на родину. Например, из Германии они следовали, во-первых, из Гамбурга до Дуная и водным путем через балканские страны в Одессу и Николаев, во-вторых - из Регенсбурга через Брэилу, в-третьих - железной дорогой через Чехословакию и Румынию⁹.

Военнопленные бывшей царской армии находились также на территории балканских стран¹⁰. В 1918–1919 гг. в КСХС их было 4–5 тыс. чел., в Болгарии – 5 тыс., в Румынии – несколько сот или тысяч¹¹. Военнопленные украинцы из КСХС возвращались домой в основном через Тимишоару до Черновцов и Хотина, иногда – через Бессарабию. Вследствие осложнения военно-политической ситуации на Украине в конце 1918–1919 гг. их задерживали местные власти

в Болгарии и Румынии. Иногда время пребывания в транзитных лагерях достигало 6 месяцев¹². Неоднократно были случаи возвращения военнопленных в страны отправления, например из Румынии в КСХС. До конца революционных событий 1917–1921 гг. на Украине основная масса военнопленных возвратилась на родину.

2. Военнослужащие австро-венгерской армии, которые были пленены на Балканах. В июле 1919 г. в лагерях Константинополя и предместий находилось около 300 украинских военных австро-венгерской армии, попавших в плен в Македонии. Кроме того, несколько сот военнопленных украинцев были вывезены с Западного фронта (Германия) до Константинополя¹³. Вскоре обе эти группы возвратились домой через Болгарию и Румынию.

3. Сотрудники дипломатического ведомства Украинской Державы (П. Скоропадского), УНР, общественных, коммерческих и кооперативных организаций, которые имели своих представителей за границей. Несмотря на то, что эта группа была малочисленной, она сыграла важную роль при расселении украинцев в странах Юго-Восточной Европы вообще и Румынии в частности, поскольку представляла их интересы перед правительствами стран-реципиентов, международными организациями, помогавшими беженцам. Украинские посольства в Турции и Болгарии выдавали украинские паспорта тем беженцам, которые хотели через Румынию реэмигрировать в другие страны или возвратиться на родину.

Украинский дипломатический корпус в Румынии менялся в зависимости от политической ситуации на Украине. В апреле 1918 г. была создана дипломатическая миссия УНР. В нее входили Николай Галаган (1882 – не ранее 1944, публицист, член Центральной Рады, в эмиграции жил в Австрии и Чехословакии), Алексей Клор и А. Галин¹⁴. В октябре 1918 г. миссию в Бухаресте возглавил Владислав Дашкевич-Горбачкий (1879–1952, генерал-майор, участник Белого движения). Сотрудниками миссии были профессор Казанского, Харьковского, Петербургского и Юрьевского университетов Михаил Догель (1865–1936, юрист, в эмиграции жил во Франции), полковник Павел Неводовский, Владислав Маевский (1893–1975, прозаик, поэт, участник Белого движения, в эмиграции проживал в Югославии, США) и Сергей Де-Витт (1891–1990, граф, масон, участник Белого движения, в эмиграции жил во Франции). Генеральным консулом в Бухаресте был Корнелий Чеботаренко, вице-консулом в Галаце – сотник Спиридон Билецкий¹⁵.

С восстановлением УНР в декабре 1918 г. изменился и дипломатический корпус Украины в Румынии. В январе 1919 г. в Бухарест прибыла Чрезвычайная дипломатическая миссия (ЧДМ) УНР во гла-

ве с Юрием Гасенко (1894–1933, инженер, журналист, в эмиграции жил в Австрии, Германии, Чехословакии). Сотрудниками ЧДМ были Виктор Песнячевский (1883–1933, публицист, в эмиграции проживал в Австрии, Чехословакии), Владимир Онацевич, Владислав Медзянковский (Мидзяновский), Юрий Билец, Александр Кравец, Петр Коломак, Танченко и Пархоменко¹⁶. В мае 1919 г. из-за заявления об участии румынских войск в боевых действиях на территории Западно-Украинской Народной Республики большинство членов ЧДМ покинуло страну.

В июне 1919 г. ЧДМ возглавил профессор Кость Мацеевич (1873–1942, ученый-агроном, министр иностранных дел УНР, в эмиграции жил в Румынии и Чехословакии). Под его руководством в разное время работали Иван Фещенко-Чоповский (1884–1953, металлург, профессор, член Центральной Рады, в эмиграции проживал в Польше), Лев Геркен, Михаил Любимский, Федор Буткевич, Павел Мамчур, Александр Кравец, Петр Коломак, Лев Чоповский, Денис Маер-Михальский, Виктор Зелинский (1864–1940, генерал, в эмиграции жил в Польше), Казимир Рафалович, Адам Червинский и Илья Убович. Отдельно функционировала и военная миссия УНР. В феврале 1920 г. она была реорганизована в военную секцию при ЧДМ. Руководил ею генерал-лейтенант Сергей Дельвиг (1866–1944, военный деятель, историк, дипломат, в эмиграции жил в Румынии и Египте). Сотрудниками секции были офицеры Демид Антончук, Василий и Александр Трепке, Николай Данькив, Александр Долинюк, Яков Чайковский. В состав секции входил также уполномоченный правительства УНР по делам военного и торгового мореплавания контр-адмирал Михаил Остроградский (1862–1923)¹⁷. Представителями ЧДМ в Черновцах в разное время были доктор права Михаил Догомиля, подполковник Евгений Луговой, консулами в Кишиневе – профессор Иван Ганицкий, полковник Иван Минзаренко, Михаил Шереметьевский-Шереметьев, в Яссах – Корнелий Чеботаренко.

В 1919–1920 гг. миссией Украинского общества Красного Креста (УОКК) на Балканах руководил историк Дмитрий Дорошенко (1882–1951, профессор, министр иностранных дел Украинской Державы, в эмиграции жил в Австрии, Германии, Польше). С сентября 1919 г. он находился в Белграде, а с конца октября – в Бухаресте. Ему помогали двое штатных работников и двое нештатных (бывшие военнопленные). В конце января 1920 г. эта миссия была ликвидирована¹⁸.

4. Военнослужащие российской армии, которые во время Первой мировой войны воевали на Румынском фронте и по разным причинам не успели возвратиться на родину. Румынский фронт был создан в декабре 1916 г. в связи с поражением румынской армии от

войск Четверного союза. Его части дислоцировались на территории Украины и Бессарабии. В 1917 г. в составе фронта находилось четыре армии. Вместе с тыловыми частями фронт насчитывал 1,5 млн человек, из которых 30 % составляли украинцы¹⁹. В середине декабря 1917 г. он фактически прекратил свое существование. Вскоре румынские войска с согласия командующего фронтом генерала Д. Щербачева (1857–1932, русский военачальник, участник Белого движения, в эмиграции жил во Франции) и при поддержке миссий стран Антанты вступили в Бессарабию. Абсолютное большинство военнослужащих возвратилось домой, а часть осталась в оккупированной Бессарабии и старой Румынии. Некоторые из них, а также жившие еще до революции 1917 г. скопцы и староверы заменили царские паспорта украинскими. Паспорта выдавали ЧДМ УНР и консул К. Чеботаренко²⁰. Между прочим, в 1917 г. на военном съезде Чеботаренко был избран комиссаром Румынского фронта, а после отхода войск из Румынии остался в этой стране.

5. Люди, которые индивидуально или в составе небольших групп покинули родину после событий октября 1917 г. Так, после захвата большевиками Киева в январе 1918 г. в Турцию начали прибывать беженцы из Крыма. С восстановлением власти Украинской Центральной Рады часть из них возвратилась домой. Например, группа из 56 человек, в том числе женщин и детей, вернулась из Турции на Украину через Болгарию и Румынию²¹.

Если не считать автохтонное украинское население Северной Буковины и Бессарабии, то общее количество украинцев, которые до массовой эмиграции оказались в Румынии, не превышало нескольких десятков человек. Для румынской власти они не составляли большой проблемы. Со временем эти люди возвратились домой или реэмигрировали в другие страны.

Впервые массовый организованный исход с Украины и юга России состоялся в начале апреля 1919 г. в результате провала интервенции войск Антанты на юге Украины и в Крыму.

В конце 1918 г. произошли события, которые привели к военнополитическому напряжению в странах Центральной и Восточной Европы. Подписание Германией и Австро-Венгрией капитуляции в октябре 1918 г. и последовавшие за этим революционные события в этих странах вынудили военнослужащих немецкой и австро-венгерской армий покинуть Украину. Восстание против гетмана П. Скоропадского (1873–1945) кардинально изменило политическую ситуацию. Директория провозгласила восстановление УНР, а в скором времени началось наступление частей Красной армии на Украину с северо-востока и белогвардейцев – с юго-востока.

Для усиления борьбы против большевиков и контроля над Азовско-Черноморским регионом правящие круги стран Антанты направили свои войска на территорию бывшей Российской империи. В конце ноября – декабре 1918 г. в Севастополе, Одессе и Новороссийске высадился их военный десант. В январе – феврале 1919 г. были взяты под контроль Херсон и Николаев. Основу военного контингента составляли французские, английские, греческие и румынские части. Армия УНР вынуждена была отступить до линии Тирасполь – Бирзула – Вознесенск – Николаев – Херсон. Во время пребывания военного контингента Антанты на Украине велись переговоры между его руководством, представителями Директории УНР и Добровольческой армии о совместных действиях против большевиков. Они проходили в Яссах, Бирзуле и Одессе. Однако в начале марта 1919 г. на юге Украины активизировались действия Украинского фронта Красной армии. Командование французского контингента решило не вступать в широкомасштабное военное противостояние в регионе и вначале сдало Херсон и Николаев, а 3–6 апреля состоялась эвакуация войск Антанты из Одессы.

Организацией эвакуации руководил французский генерал Филипп д'Ансельм. Французские и греческие войска были отправлены кораблями в Константинополь, румынские – в Констанцу. Одновременно были эвакуированы гражданское население и военнослужащие Добровольческой армии. Одну часть отправили в Новороссийск, где формировались Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) под руководством Деникина, вторую – в Константинополь, третью – в Констанцу. Кроме того, эвакуация беженцев в Константинополь осуществлялась из Севастополя и Новороссийска. Этим занимались французские и английские военные корабли. Всего весной 1919 г. из Украины, Крыма и юга России эмигрировало 15–20 тыс. человек²².

Несколько тысяч беженцев оказалось в Турции. Вскоре основная их масса реэмигрировала в другие страны. В конце 1919 г. в Турции находилось около 1 тыс. беженцев²³. Наибольшее их количество оказалось в Румынии. Через приемный пункт в г. Тульча прошло 12 330 военнослужащих Одесской стрелковой бригады во главе с генералом Николаем Тимановским и несколько тысяч гражданских лиц. Румынская власть негативно отнеслась к пребыванию на ее территории такого количества беженцев и поэтому запретила прием новых групп. В связи с этим и стремлением военного командования стран Антанты использовать этих военных против большевиков, а также с приказом Деникина о возвращении всех военнослужащих в ряды Добровольческой армии часть солдат и офицеров перепра-

вили на кораблях Антанты в Новороссийск²⁴. Другая часть беженцев реэмигрировала в Болгарию и КСХС. В Румынии осталось только 1,6 тыс. эмигрантов²⁵.

В 1919 г. отношение румынских властей к украинским эмигрантам по сравнению с отношением к русским несколько отличалось. Это было связано с тем, что правительство УНР, находясь в то время в сложной военно-политической ситуации, вынуждено было согласиться признать Северную Буковину и Бессарабию принадлежащими Румынии. Украинское правительство рассчитывало при этом на ее помощь в противостоянии большевикам²⁶, тогда как правительства Советской России и ВСЮР осуждали присоединение Бессарабии и считали его оккупацией.

В начале апреля 1919 г. в сложной ситуации на юге Украины оказались отдельные части армии УНР, отрезанные от основных сил. Военная группировка в составе Запорожского корпуса, Юго-Восточной группы и части Южной группы Восточного фронта вынуждена была отступить к румынской границе. 16–17 апреля в районе Тирасполь – Бендеры состоялась сопровождавшаяся упорными боями с красными переправа этих воинских частей через Днестр. В течение нескольких дней эта группировка была разоружена и в конце апреля отправлена железной дорогой в Восточную Галицию²⁷. Однако в Кишиневе на излечение осталось несколько десятков раненых украинских офицеров и солдат. На это был потрачен 172 621 лей. В 1921 г. МИД Румынии требовал у ЧДМ УНР погашения этого долга²⁸.

Кроме того, в 1919 г. в Румынию из Украины прибывали беженцы в составе небольших групп и индивидуально. О перипетиях пребывания в этой стране свидетельствуют воспоминания украинского офицера М. Царенко²⁹ и докладная записка полковника 4-го Украинского пехотного полка А. Бохановского³⁰. Оба, оказавшись в Румынии и не желая вступать в армию Деникина с последующей отправкой в Новороссийск, вынуждены были реэмигрировать. Первый записался во Французский иностранный легион, второй возвратился на Украину через Болгарию, Австрию и Чехословакию.

Осенью 1919 г. фиксировались случаи нелегального пересечения румынской границы. Для легализации перехода границы и установления контроля над ним ЧДМ УНР в Румынии просила руководство МИД УНР согласовать этот вопрос с пограничными службами и определить размер консульского сбора. По свидетельству ЧДМ, возросло количество обращений от граждан УНР, бежавших из захваченных большевиками районов Украины в Румынию, о выдаче им виз для переезда в США и Палестину. Абсолютное большинство таких обращений поступало от евреев, в особенности от лиц призывного возраста³¹.

Помощь прибывшим украинским эмигрантам и бывшим военнопленным предоставляли ЧДМ УНР в Румынии и миссия УОКК на Балканах. В отчете председателя ЧДМ УНР К. Мацеевича о расходовании средств из личного фонда, выделенного правительством УНР за июль–сентябрь 1919 г., отмечалось, что на нужды украинских граждан было использовано 327 862,53 гривны. Из них на экипировку военнопленных и интернированных офицеров – 22 389,24 гривны, на обеды офицерам и на другие нужды – 2 257,96 гривны³². В четвертом квартале 1919 г. миссия выдала 43 украинских паспорта (легализация пребывания в стране) за плату и 25 паспортов бесплатно, продлила время действия таких паспортов – 1 за плату, предоставила виз для возвращения в Украину украинским гражданам – 7 за плату, 344 бесплатно, иностранцам – 74 за плату³³.

Румыния была транзитной страной для возвращавшихся из Австрии, Италии, КСХС, Турции, Венгрии военнопленных. Осенью 1919 г. миссия УОКК на Балканах отправляла их из Белграда в Румынию сначала водным путем – по Дунаю на пароходе до г. Дробета-Турну-Северин, однако из-за препон со стороны румынских пограничников избрала другой путь – пароходом до г. Панчево, а оттуда – железной дорогой через Вршац, Моравицу до г. Тимишоара³⁴.

Военнопленные украинцы содержались в лагерях в Брашове, Бурдужень и других местах. Например, в 1919 г. группа из 24 офицеров и военного священника была интернирована и отправлена в лагерь г. Брашова. Там она находилась более шести месяцев³⁵. Другая группа, в которую входили 500 человек во главе с сотником Марковым, следуя из Италии, была интернирована и находилась сначала в лагере Брашова, а потом – в Бурдужень. В течение двух месяцев миссия УОКК истратила на содержание группы почти все средства – 15 тыс. леев. Деньги пошли на плату офицерам, на медикаменты и табак солдатам, организацию рождественской кутьи и другие нужды. В 1919 г. усилиями представителя УОКК на Балканах Д. Дорошенко в Котрочень (район Бухареста) была создана транзитная станция для военнопленных³⁶. Когда количество прибывших достигало 40–50 человек, их отправляли в станицу в Черновцы. Представители УОКК в Румынии вместе с местными властями определили несколько маршрутов следования военнопленных. Один из них – Будапешт – Колошвар – Брашов – Бухарест – Черновцы – Хотин. В каждый из этих пунктов отправляли представителей УОКК. Они были временно введены в состав румынских комендатур. Благодаря средствам УОКК на содержание военнопленных, отношение румынской власти к украинцам было толерантным. В конце 1919 г.

поток военнопленных галичан, возвращавшихся домой через Румынию, увеличился, однако польская власть не позволяла им въезд. Из-за отсутствия средств миссия УОКК не в состоянии была переправлять их из Брашова в Черновцы, поэтому в скором времени украинскую станицу в Черновцах ликвидировали³⁷. В конце 1919 г. в Бухаресте еще находилось около 1 тыс. бывших военнопленных украинцев³⁸.

Таким образом, характерной чертой первой волны украинской эмиграции была ее мобильность. После недолгого пребывания в Румынии украинцы возвращались домой либо реэмигрировали в страны Центральной и Западной Европы. Вследствие этого в Румынии осталось лишь немногим больше сотни человек. В этот период увеличился и поток военнопленных, которые через Румынию возвращались на родину. Одна часть из них оказалась в Украине благодаря ЧДМ УНР в Румынии и миссии УОКК на Балканах, вторая – в Новороссийске, где влилась в ряды ВСЮР, третья осталась в лагерях для военнопленных. Немногочисленные эмигранты первой волны заложили основы межвоенной украинской политической эмиграции в этой балканской стране. Окончательно она сформировалась после перехода частями армии УНР румынской границы в ноябре 1920 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троцинський В.П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К., 1994; *Наріжний С.* Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999; *Політична історія України. XX століття: У 6 т. Т. 5: Українці за межами УРСР (1918–1940).* К., 2003; *Піскун В.* Політичний вибір української еміграції (20-ті роки XX століття). К., 2006.

2. *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997; *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умов перебування (1919–1924 рр.). К., 1999; *Срібняк І.В.* Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). К., 2000.

3. *Сидоренко Н.М.* Національно-духовне самоствердження: у 3 ч. Ч. 2: Преса інтернованих українців та цивільної еміграції (Чехія. Польща, Румунія, Єгипет, 1919–1924 рр.). К., 2000.

4. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 30–36; *Ершов В.Ф.* Российское военно-полити-

ческое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000. С. 9–11; *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // *Русский исход*. СПб., 2004. С. 165–200; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 76; *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011. С. 47.

5. *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София, 1997. С. 13–16; *Кьосева Ц.* България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. София, 2002. С. 5–6.

6. *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 165–166.

7. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4.

8. *Срібняк І.* Полонені та інтерновані вояки-українці в Румунії (1919–1923 рр.) // *Пам'ять століть*. К., 1998. № 5. С. 116.

9. *Соловійова В.В.* Дипломатична діяльність українських національних урядів 1917–1921 рр. К., 2006. С. 289–291.

10. О пребывании в 1914–1919 гг. на территории Хорватии военнопленных российской армии см.: *Mikšić D.* Ruski ratni zarobljenici u Prvom svjetskom ratu prema gradivu Hrvatskoga državnog arhiva // *Arhivski vjesnik*. Zagreb, 2005. Br. 48. S. 101–114.

11. *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 165–166.

12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО). Ф. 3696. Оп. 2. Д. 215. Л. 283.

13. *Лотоцький О.* Сторінки минулого. Ч. 4: В Царгороді. [Б. м.], 1966. С. 118; ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 126. Л. 6–7.

14. *Галаган М.* З моїх споминів (1880-ті – 1920 р.) К., 2005. С. 355–356.

15. Історія української дипломатії: перші кроки на міжнародній ар (1917–1924 рр.): Документи і матеріали. К., 2010. С. 225, 234–236.

16. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Оп. 2. Д. 133. Л. 22; Д. 200. Л. 22.

17. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 215. Л. 8–9; Д. 308. Л. 87.

18. См.: *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки). К., 2007. С. 498–516.

19. *Дещинський Л.Є.* Революційні події на Південно-Західному, Румунському фронтах і Чорноморському флоті в 1917 – лютому 1918 р. Львів, 1982. С. 21.

20. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 24.

21. *Павленко В.* Дипломатична місія Української Народної Республіки в Болгарії (1918–1920 рр.) // *Український історичний журнал*. К., 1992. № 12. С. 25–26.

22. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 87, 113; *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции // *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции: избранные статьи 1934–1997 гг. М., 1998. С. 134.

23. *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 167, 189.

24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65. Л. 14–15, 17.
25. *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 189.
26. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 278. Л. 4, 40–43; *Ковальчук М.А.* Відносини Румунії з Урядом Української Народної Республіки в 1919 р. // Український історичний журнал. К., 2010. № 4. С. 123.
27. *Ковальчук М.А.* Відносини Румунії з Урядом Української Народної Республіки в 1919 р. С. 119–120.
28. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 489. Л. 184, 192.
29. *Царенко М.* В неволі // Воля (Вена). 1921. Т. III. Ч. 1–2. С. 56–61.
30. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 65. Л. 36–40 об.
31. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 63–64.
32. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 215. Л. 206–207 об.
33. ЦГАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 29.
34. ЦГАВО. Ф. 4186. Оп. 2. Д. 14. Л. 3–4.
35. ЦГАВО. Ф. 3696, Оп. 2. Д. 215. Л. 283.
36. *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки). С. 509–510.
37. *Срібняк І.* Полонені та інтерновані вояки-українці в Румунії (1919–1923 рр.). С. 116.
38. З українського життя на чужині // Воля (Вена). 1920. Т. I. Ч. 5. С. 233.

References

1. *Troshhyns'kyj V.P.* Mizhvojenna ukrai'ns'ka emigracija v Jevropi jak istorychne i social'no-politychne javyshhe [The Interwar Ukrainian emigration in Europe as the historical and socio-political phenomenon], Kyiv, 1994 [in Ukrainian]; *Narizhnyj S.* Ukrai'ns'ka emigracija: Kul'turna pracija ukrai'ns'koi' emigracii' 1919–1939 (materialy, zibrani S. Narizhnym do chastyny drugoi') [The Ukrainian emigration: The cultural work of Ukrainian emigration 1919–1939], Kyiv, 1999 [in Ukrainian]; *Politychna istorija Ukrai'ny. XX stolittja: u 6 t. T. 5: Ukrai'nci za mezhamy URSR (1918–1940)* [A political history of Ukraine: The 20th Century: in 6 volumes. Vol. 5: Ukrainians beyond the Borders of the Ukraine (1918–1940)], Kyiv, 2003 [in Ukrainian]; *Piskun V.* Politychnyj vybir ukrai'ns'koi' emigracii' (20-ti roky XX stolittja) [The Ukrainian emigration's political choice in the 1920's], Kyiv, 2006 [in Ukrainian].
2. *Sribnjak I.* Obezzbrojena, ale neskorena: Internovana Armija UNR u taborah Pol'shhi j Rumunii' (1921–1924 rr.) [Disarmed, but Unconquered: the UPR Army interned in concentration camps in Poland and Romania (1921–1924 years)], Kyiv, 1997 [in Ukrainian]; *Pavlenko M.* Ukrai'ns'ki vijs'kovopoloneni j internovani u taborah Pol'shhi, Chehoslovachchyny ta Rumunii': stavlennja vlady i umovy perebuvannja (1919–1924 rr.) [The Ukrainian prisoners of war and interned in concentration camps in Poland, Czechoslovakia and Romania: the government's attitude and the conditions of (1919–1924 years.)], Kyiv,

1999 [in Ukrainian]; *Sribnjak I.V.* Ukraïnci na chuzhyni. Poloneni ta internovani vojaky-ukraiñci v kraïnah Central'noi' ta Pivdenno-Shidnoi' Jevropy: stanovyshhe, organizacija, kul'turno-prosvitnyč'ka dijal'nist' (1919–1924 rr.) [The Ukrainians in exile. Prisoners of war and interned soldiers of Ukrainian-Central and South-Eastern Europe: the situation, the organization of cultural and educational activities (1919–1924 years)], Kyiv, 2000 [in Ukrainian].

3. *Sydorenko N.M.* Nacional'no-duhovne samostverdzhennja: u 3 ch. Ch. 2: Presa internovanyh ukraiñci ta cyvil'noi' emigracii' (Chehija, Pol'shha, Rumunija, Jegypet, 1919–1924 rr.) [National and spiritual self-affirmation: In Part 3. Part 2: Press and civil internees Ukrainian emigration (Czech, Poland, Romania, Egypt, 1919–1924 years)], Kyiv, 2000 [in Ukrainian].

4. *Raev M.* Rossiija za rubezhom: istorija kul'tury russkoj jemigracii. 1919–1939 [Russia Abroad: A cultural history of Russian emigration. 1919–1939], Moscow, 1994, pp. 30–36 [in Russian]; *Ershov V.F.* Rossijskoe voenno-politicheskoe zarubezh'e v 1918–1945 gg. [Russian military-political abroad in 1918–1945 years], Moscow, 2000, pp. 9–11 [in Russian]; *Jovanovich M.* Obzor pereselenija russkih bezhencev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], Russkij ishod, St. Petersburg, 2004, pp. 165–200 [in Russian]; *Pivovar E.I.* Rossijskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii [Russia Abroad: socio-historical phenomenon, the role and place in the cultural and historical heritage], Moscow, 2008, p. 76 [in Russian]; *Bocharova Z.S.* Rossijskoe zarubezh'e 1920–1930-h gg. kak fenomen otechestvennoj istorii [Russian abroad 1920–1930th as a phenomenon of national history], Moscow, 2011, p. 47 [in Russian].

5. *Daskalov D.* Bjالاتа emigracija v Blgarija [White emigration in Bulgaria], Sofia, 1997, pp. 13–16 [in Bulgarian]; *K'oseva C.* Blgarija i ruskata emigracija 20-te – 50-te godini na XX v. [Bulgaria and the Russian emigration 20s – 50s of XX century], Sofia, 2002, pp. 5–6 [in Bulgarian].

6. *Jovanovich M.* Obzor pereselenija russkih bezhencev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], pp. 165–166 [in Russian].

7. Rossiija v mirovoj vojne 1914–1918 gg. (v cifrah) [Russia in the World War 1914–1918 (in numbers)], Moscow, 1925, p. 4 [in Russian].

8. *Sribnjak I.* Poloneni ta internovani vojaky-ukraiñci v Rumunii' (1919–1923 rr.) [Prisoners of war and interned Ukrainian soldiers, Romania (1919–1923 years)], Pam'jat' stolit', Kyiv, 1998, No 5, p. 116 [in Ukrainian].

9. *Solovjova V.V.* Dyplomatychna dijal'nist' ukraiñs'kyh nacional'nyh urjadiv 1917–1921 rr. [Diplomatic activity Ukrainian national governments of 1917–1921], Kyiv, 2006, pp. 289–291 [in Ukrainian].

10. O prebyvanii v 1914–1919 gg. na territorii Horvatii voennoplennyh rossijskoj armii sm.: *Mikišić D.* Ruski ratni zarobljenici u Prvom svjetskom ratu prema gradivu Hrvatskoga državnog arhiva [Russian captives of the First World War in the records of the Croatian State Archives], Arhivski vjesnik, Zagreb, 2005, No. 48, pp. 101–114.

11. *Jovanovich M.* Obzor pereselenija russkih bezhencev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], pp. 165–166 [in Russian].

12. Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsGAVO), f. 3696, op. 2, d. 21, p. 283.

13. *Lotoc'kyj O.* Storinky mynulogo. Ch. 1: V Cargorodi [Pages of the past. Part 1: In Constantinople], [B. m.], 1966, p. 118 [in Ukrainian]; TsGAVO, f. 3696, op. 1, d. 126, pp. 6–7.

14. *Galagan M.* Z moi'h spomyniv (1880-ti – 1920 r.) [From my records (1880th – 1920)], Kyiv, 2005, pp. 355–356 [in Ukrainian].

15. *Istoriya ukrai'ns'koi' dyplomatii': pershi kroky na mizhnarodnij areni (1917–1924 rr.): Dokumenty i materialy* [A History of Ukrainian diplomacy: the first steps on the international stage (1917–1924 years): Documents and materials], Kyiv, 2010, pp. 225, 234–236 [in Ukrainian].

16. TsGAVO, f. 3996, op. 1, d. 1, p. 12; op. 2, d. 133, p. 22; d. 200, p. 22.

17. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 215, p. 8–9; d. 308, p. 87.

18. *Sm.: Doroshenko D.* Moi' spomyny pro nedavnye mynule (1914–1920 roky) [My memories of the recent past (1914–1920 years)], Kyiv, 2007, pp. 498–516 [in Ukrainian].

19. *Deshhyns'kyj L.Je.* Revoljucijni podii' na Pivdenno-Zahidnomu, Rumuns'komu frontah i Chornomors'komu floti v 1917 – ljutomu 1918 r. [The revolutionary developments in the South-West, Romanian fronts and the Black Sea Fleet in 1917 – February 1918], Lviv, 1982, p. 21 [in Ukrainian].

20. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, p. 24.

21. *Pavlenko V.* Dyplomatychna misija Ukrai'ns'koi' Narodnoi' Respubliky (1918–1920 rr.) [Diplomatic missions of the Ukrainian People's Republic (1918–1920)], *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*, Kyiv, 1992, No 12, pp. 25–26 [in Ukrainian].

22. *Jovanovich M.* Russkaja jemigracija na Balkanah: 1920–1940 [Russian emigration in the Balkans: 1920–1940], Moscow, 2005, pp. 87, 113 [in Russian]; *Poremskij V.D.* Politicheskaja missija rossijskoj jemigracii [Political mission of the Russian emigration], in *Poremskij V.D.* Strategija antibol'shevickoj jemigracii; izbrannye stat'i 1934–1997 gg. [Strategy anti-Bolshevik emigration; Selected Articles 1934–1997 years], Moscow, 1998, p. 134 [in Russian].

23. *Jovanovich M.* Obzor pereselenija russkih bezhencev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], pp. 167, 189 [in Russian].

24. State Archive of Russian Federation, f. R-5680, op. 1, d. 65, pp. 14–15, 17.

25. *Jovanovich M.* Obzor pereselenija russkih bezhencev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], p. 189 [in Russian].

26. TsGAVO, f. 3696, op. 2., d. 278, pp. 4, 40–43; *Koval'chuk M.A.* Vidnosyny Rumunii' z Urjadam Ukrai'ns'koi' Narodnoi' Respubliky v 1919 r. [Relationship with the Government of Romania Ukrainian People's Republic in 1919], *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*, Kyiv, 2010, No 4, p. 123 [in Ukrainian].

27. *Koval'chuk M.A.* Vidnosyny Rumunii' z Urjadam Ukrai'ns'koi' Narodnoi' Respubliky v 1919 r. [Relationship with the Government of Romania Ukrainian People's Republic in 1919], p. 119–120 [in Ukrainian].

28. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 489, pp. 184, 192.
29. *Carenko M. V nevoli* [In captivity], Volja, Vienna, 1921, vol. III, No 1–2, pp. 56–61 [in Ukrainian].
30. TsGAVO, f. 3696, op. 1, d. 65, pp. 36–40.
31. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 63–64.
32. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 215, pp. 206–207 t.o.
33. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 29.
34. TsGAVO, f. 4186, op. 2, d. 14, pp. 3–4.
35. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 215, pp. 283.
36. *Doroshenko D. Moi' spomyny pro nedavnje mynule* (1914–1920 roky) [My memories of the recent past (1914–1920 years)], pp. 509–510 [in Ukrainian].
37. *Sribnjak I. Poloneni ta internovani vojaky-ukrai'nci v Rumunii'* (1919–1923 rr.) [Prisoners of war and interned Ukrainian soldiers, Romania (1919–1923 years)], p. 116 [in Ukrainian].
38. *Z ukrai'ns'kogo zhyttja na chuzhyni* [The Ukrainian life in exile], Volja, Vienna, 1920, vol. I, No. 5, p. 233 [in Ukrainian].

Власенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

e-mail: v_m_vlas@ukr.net

Valery Vlasenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of the Law Faculty of Sumy State University.

e-mail: v_m_vlas@ukr.net

УДК 94 (47).02

DOI: 10.17223/18572685/35/10

ПУТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ В КОНЦЕ IX – НАЧАЛЕ XI в.

Б.М. Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича

Украина, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

e-mail: jslavikk06@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359213900

Авторское резюме

В статье рассматривается малоизученная на сегодняшний день проблема, связанная с особенностями христианизации Карпатской Руси в контексте миссионерской практики Восточной Римской империи (Византии), Римской курии и Первого Болгарского царства. Хронологические рамки ориентированы на конец IX – начало XI в. - эпоху, когда территории Центральной и Восточной Европы, в том числе земли Киевской Руси, стали объектом активной миссионерской деятельности со стороны и византийского «вселенского православия», и латинских «апостольских миссий», организованных папством.

Автор, используя ряд средневековых письменных источников – византийские императорские и патриаршие хрисовулы, болгарские и западноевропейские исторические хроники, монастырские анналы, энциклики римских первосвященников, анализирует и характеризует пути реализации христианскими миссиями поставленной цели – обращения в «веру Христову» восточнославянского языческого населения. Отдельное внимание в статье уделяется ретроспекции соответствующих исторических реалий, вопросам мотивации «Киевского крещения» и освещению начального, архаического этапа крещения Карпатского региона.

Ключевые слова: Карпатия, Карпатская Русь, Византийская империя, Римская курия, папство, Первое Болгарское царство, проповедничество, миссионерская практика, христианизация.

Ways and features of Carpathian Rus christianization at the end IX - early age XI

B.M. Bodnariuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, Ukraine

Abstract

The article considers the byway to date problem with the features of the Christianization of the Carpathian Rus in the context of missionary practice of the Eastern Roman Empire (Byzantium), the Roman Curia and the First Bulgarian Empire. Chronological framework focused on the end of the ninth - the beginning of the eleventh century, An era when the Central and Eastern Europe, including - land of Kievan Rus became the object of missionary activity on the part of the Byzantine and «ecumenical orthodoxy» and Latin «apostolic mission» organized by the papacy.

The author, using a number of medieval written sources - Byzantine imperial and patriarchal hrisovuly, Bulgarian and Western historical chronicles, monastic annals, encyclicals of the Roman pontiff, analyzes and describes the realization of the goal of the Christian mission - appeals to the «true faith» East Slavic pagan population. Special attention is paid to the relevant historical retrospection realities motivation «baptism of Kiev» and the initial coverage, archaic stage baptism Carpathian region.

Keywords: Carpathia, Carpathian Rus, Byzantine Empire, the Roman Curia, the papacy, the First Bulgarian Empire, preaching, missionary practice, Christianization.

Проблематика, связанная с освещением процесса начальной христианизации Карпатского региона, в рамках исследовательской реализации и на сегодняшний день остаётся достаточно сложной. Сложность в первую очередь состоит в фактологической фрагментарности, отрывочности многих письменных источников IX-XI вв. и несколько запутанных или «адаптированных» (в большинстве случаев – просто исковерканных) топонимических названиях, которые, как правило, не поддаются однозначной локализации. Вместе с тем хронологические границы выделенного периода обусловлены, с одной стороны, завершением культурно-просветительской деятельности знаменитых солунских братьев – Кирилла (827-869) и Мефодия (815-885) и созданием в 893 г. Охридского епископства (нижняя граница), с другой – падением Первого Болгарского царства (681-1018) (верхняя граница).

Необходимо отметить, что эта историческая эпоха для карпатских земель характеризуется формированием новых этно-религиозных реалий вследствие постепенного изменения геополитической карты Центральной и Восточной Европы. На протяжении VIII-IX вв. довольно быстрыми темпами распространялась Лука-Райковецкая культура – от Днепра до Закарпатья. Упомянутую культуру, как известно, оставили племена летописных древлян, бужан, волынян, уличей, тиверцев и хорватов. Однако существующий в наше время археологический

материал не позволяет составить полноценную картину начального, «архаического» или в определённой мере стихийного этапа христианизации населения данной территории, в том числе и региона Карпат. Поэтому главная роль все же принадлежит письменным источникам.

Ретроспектива исторических реалий

Анализируя общий исторический фон обозначенной эпохи, необходимо констатировать следующее. Царствование византийского императора Василия I Македонянина ознаменовалось мощным подъёмом православной миссионерской деятельности: посольство уже упомянутых солунских братьев Кирилла (Константина) и Мефодия отправилось просвещать Моравию, Болгария ожидаемо приняла византийское христианство, константинопольское влияние простёрлось на Сербию и Далмацию, греческий (ромейский) епископ был отправлен в далёкую Русь¹. Более того, как отмечает российский исследователь С. Иванов, насильственной христианизации подверглись иноверческие подданные Константинополя: иудеи, язычники, павликиане, сарацины².

Если внешняя апостольская миссия диктовалась растущей мощью Ромейской империи и расширением её внешнеполитических задач, то внутренняя была органично связана с представлениями о «священнической» роли василевса. Светская власть и здесь с начала VIII в. всё увереннее брала на себя церковные функции. В сложившейся ситуации духовенство начало выражать недовольство такой узурпацией. Однако за пределами имперских границ, как подчёркивает тот же С. Иванов, сцепленность политических и религиозных задач Византии была непреложным фактом, и тут церковь никогда не протестовала. Константинопольский патриархат, в отличие от Рима, не имел достаточного опыта самостоятельной религиозно-пропагандистской деятельности³. Тем не менее, начиная с последних десятилетий IX в., Византийская церковь организовала широкомасштабную миссионерскую деятельность среди народов Балкан, Эвксинского Понта, Центральной и Восточной Европы, поскольку она всегда была готова поддерживать экспансионистские усилия православного государства, которое обеспечивало расширение её юрисдикции⁴.

В чём же состояла цель «внешней» миссии? Она, замечает С. Иванов, призвана была подчинить «варварские» народы сначала церковной юрисдикции, а в конечном счёте – и политической власти империи. На практике это выражалось в том, что ромеи с первого шага предъявляли новообращённым такие же требования, каким обязаны были соответствовать подданные императора⁵. В первую очередь это относилось к брачным правилам: запрещалось иметь более одной жены, жениться на дальних родственниках, на кумовьях, запрещались

разводы, любые внебрачные отношения, народные увеселения и забавы, все языческие традиции и обычаи, под запретом оказались суеверия, народные приметы, смеховая культура и т. д.⁶

Эта полуаскетическая прямолинейность православной ортодоксии дорого обошлась византийцам: на Руси в IX в. христианство не прижилось, как того ожидал Константинопольский патриархат, Моравия изгнала учеников Мефодия, заменив их «франками», Болгария тоже вышла на некоторое время из-под церковной опеки Константинополя и обратилась к латинскому Риму. Вместе с тем следует признать, что «латинские» миссионеры проявляли в отношении неофитов (особенно представителей правящей верхушки) больше гибкости и такта⁷. С конца IX в. византийская миссионерская концепция несколько трансформировалась и стала более изощрённой. Это позволило ромеям в X-XI вв. добиться достаточно ощутимых результатов на территории Центральной и Восточной Европы: частичной христианизации подверглись северокавказская Алания, Венгрия, Русь, часть племён придунайских кочевников⁸.

Следует обратить внимание и на тот факт, что с прекращением просветительской и миссионерско-проповеднической деятельности Кирилла и Мефодия новый этап обращения восточнославянских племён (именно в Карпатском регионе) начали два центрально-европейских государства – Великая Моравия и Первое Болгарское царство. Они составили конкуренцию немецким латинским миссиям, монахам-бенедиктинцам и ирландским миссионерам уже в конце IX в.⁹ По данным источников¹⁰, в галицкой Лемковщине, в надсанской, надбужской и надднестрянской Галичине, а также в Карпатской Руси до Сигета в упомянутый период уже существовала (правда, в не до конца организованном, полуархаичном варианте) церковная структура с немногочисленным духовенством.

Соответствующие упоминания в источниках¹¹ позволяют утверждать, что из древнеукраинских земель не только Закарпатье, но и Галичина – т. е. Лемковщина, Бойковщина, Надсанье до Буга и Стира на Волини, в IX – первой половине X в. принадлежали в значительной степени Великоморавскому государству, частично Первому Болгарскому царству и частично – Пражскому княжеству. Те же сохранившиеся письменные источники¹² сообщают, что большинство земель Карпатского региона в VII – первой половине VIII в. входили в состав королевства западных хорватов и Аварского каганата. Таким образом, население Карпатского бассейна – территории Галичины и Карпатской Руси – почти на столетие раньше, чем состоялось официальное крещение при Владимире Великом (980-1015), «первоначально» обратилось «в веру Христову». И обращение это в большей мере

исходило из Болгарии, нежели из Византии, особенно после того как болгарский царь Борис I (852-889) принял крещение в 864 г. под именем Михаила¹³.

В целом важно подчеркнуть, что, в отличие от Киева и киевских земель, где своё культурно-цивилизационное влияние осуществляла Византия, Карпатский регион в основном оставался в сфере церковно-религиозного контроля (окормления) Первого Болгарского царства, пока оно не прекратило свое существование - в 1018 г. Василий II Болгаробойца (976-1025) ликвидировал его. При этом в армии василевса ромеев был отдельный отряд дружинников-наёмников из Киевской Руси, который принял участие в покорении Болгарии¹⁴. Одновременно Василий II ликвидировал и Охридский патриархат, низведя его до ранга архиепископства¹⁵.

В рамках исторической ретроспективы не менее важно отметить ещё один факт. Как и в других странах, принимавших христианство в IX-X вв., новая вера была введена в Болгарии в качестве официальной религии актом государственной власти. К 927 г. Болгария уже более полувека была христианской страной¹⁶. Как отмечает Г. Литаврин, «большинство священнослужителей были теперь славяноязычными, имевшими местное, болгарское происхождение. При активной поддержке верховной власти ширилось обучение славянской грамоте, которая находила употребление не только в конфессиональной сфере, но и в государственном обиходе и в быту. Сложился необходимый духовенству круг церковно-служебной литературы. Завершался начатый в конце правления Бориса переход в церковнослужении с греческого на славянский язык. Уже во времена Климента Охридского отношение между понятиями "болгарский язык" и "славянский язык" стали воспринимать как отношение между частью и целым»¹⁷.

С другой стороны, именно X в. в Болгарии был отмечен наиболее активным проповедничеством, которое распространилось на всю территорию Центральной Европы. Это эпоха правления Петра (927-968) и Самуила (969-1014), которая делится на два периода: период мира – от смерти царя Семиона до вторжения в страну войск киевского князя Святослава (968 г.) и смерти Петра (970 г.), характеризующийся интенсивными дипломатическими и конфессиональными связями с Византией, и второй - период непрерывных войн и церковного отчуждения, длившийся от столкновений византийцев с руссами на территории Болгарии (971 г.) до её завоевания Ромейской империей¹⁸.

Наряду с христианской миссией, исходившей из византийского мира, значительную роль в приобщении к христианству народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы играла миссионерская деятельность представителей латинского культурного круга. Ко

времени первых контактов с народами этого региона христианские миссии на западе Европы имели уже достаточно долгую историю, а латинская церковь приобрела значительный опыт работы с язычниками.

Большинство сведений о миссионерской деятельности Западной церкви содержится в сочинениях, написанных христианскими авторами¹⁹. Поэтому неудивительно, подчёркивает российский медиевист А. Кузнецова, что современная историческая наука рассматривает историю христианских миссий прежде всего как составную часть истории церкви, а деятельность каждого миссионера – как отдельное проявление деятельности церковного института²⁰.

Симптоматично, что сохранившиеся источники²¹, повествующие о миссионерской деятельности, нередко представляют собой «программно-теоретические» произведения: советы начинающим проповедникам, ответы на вопросы о христианстве, размышления церковных иерархов. А. Кузнецова со своей стороны подчеркивает: «Часто трудно установить, применялись ли эти рекомендации когда-нибудь в миссионерской практике. Нелегко выявить реальные факты даже в жизнеописаниях миссионеров, которые часто отражают скорее намерения и притязания агиографов, чем реальный опыт их героев. И, наконец, соперничество разных христианских центров миссионерской деятельности, влиявшее на достоверность сочинений средневековых авторов, в немалой степени мешает воссозданию реальной картины миссионерской деятельности»²².

Далее А. Кузнецова выделяет и методологически характеризует ещё один важный аспект: «Исследователь миссионерской практики сталкивается с необходимостью различать миссии "официальные" и "добровольные". "Официальные" миссии осуществлялись людьми, специально избранными церковными и светскими иерархами для достижения определённых церковно-политических целей. Интересы выполнявших эти задания миссионеров могли и отличаться от "официальных", а могли и вовсе не зависеть от них. "Добровольные" миссии предпринимались по инициативе отдельных энтузиастов, среди которых особенно прославились ирландские и англосаксонские странствующие монахи, воодушевлённые монашескими идеалами "паломничества во имя Христа". Миссии к нехристианским народам со стороны христианских соседей, как "официальные", так и "добровольные", часто использовались для распространения в той или иной форме власти первых на общество последних. При этом подходы светской и духовной власти к методам "работы с язычниками" нередко расходились, как видно на примере завоевания и христианизации франками саксов, а затем уже саксами – полабско-балтийских славян»²³.

Разногласия между светской и духовной властью по этим вопросам возникали, безусловно, не только внутри общества, но и на «высшем уровне» – между христианскими правителями Европы и папством. Римские первосвященники, поощряя активную миссионерскую деятельность и не жалея средств, преследовали свои цели, связанные со стремлением к расширению церковной юрисдикции Рима, что нередко провоцировало конфликты с православной церковью и Византийской империей из-за сфер религиозного влияния²⁴. Для формального крещения языческого или «варварского» народа было необходимо официальное принятие христианства правящей верхушкой общества, обеспечивавшей духовенству поддержку в осуществлении успешной пропаганды новой системы верований и прививании новых морально-этических ценностей²⁵.

Поэтому непосредственной миссионерской деятельности среди языческого этноса должны были предшествовать «дипломатические миссии», целью которых было добиться соглашения с местными правителями относительно смены веры и духовно-мировоззренческих приоритетов. Инициатива таких миссий могла исходить как от языческих вождей, проявивших желание принять крещение, так и от христианской стороны²⁶. Именно эти церковно-политические реалии как для Рима, так и для Византии стали практическим руководством при осуществлении миссионерско-проповеднической программы на территории Центральной и Восточной Европы.

Проблема «Киевского крещения»

Сохранилось, как известно, одно из первых сообщений о крещении Руси, несколько неоднозначное по характеру изложения, пересказанное византийским императором Константином VII Багрянородным (913-959) в биографии его деда Василия I - основателя Македонской династии. Константин сообщает: «И народ руссов, воинственный и безбожный, василевс Василий щедрыми подношениями золота и серебра и шёлковых одежд склонил к переговорам, уговорил их креститься и сделал так, что они приняли архиепископа, которого поставил патриарх Игнатий»²⁷. Этот рассказ повторяют в дальнейшем такие авторитетные византийские писатели и хронисты, как Иоанн Скилица²⁸, Георгий Кедрин²⁹, Иоанн Зонара³⁰, Продолжатель Феофана³¹, Михаил Глика³². Эти авторы относят крещение Руси к эпохе правления императора Василия I (867-886), а не Михаила III (842-867) и приписывают соответствующие апостольско-просветительские заслуги патриарху Константинопольскому Игнатию (847-858; 867-877).

Уместно подчеркнуть, что в сведениях византийских историков о крещении Руси встречается много недомолвок, противоречий и «тёмных мест». Они, к примеру, не дают ни одного географического

названия. Поэтому одни исследователи проблемы³³ говорят о крещении Тмутараканской Руси, другие³⁴ – о двух разных по времени крещениях.

Однако следует обратить внимание на другую деталь. Как крещение руссов патриархом Фотием (858-867; 877-886) (т.е. «Аскольдово крещение»), так и крещение Игнатия – это версии византийского двора относительно крещения Руси. При этом обе версии, очевидно, не удовлетворяли древнерусских летописцев, поскольку они ни единым словом не обмолвились об анализируемых событиях. Только более поздняя Никоновская летопись кратко сообщает под 979 г., что Василий крестил Аскольда и послал архиеерея на Русь³⁵, а также упоминает о пребывании «в Карпатии» и на русских землях латинских миссионеров (ирландских монахов) папы Бенедикта VII (974-983)³⁶. Но христианское миссионерство не нашло поддержки у князя Олега Старого (882-912), который, захватив Киев, убил Аскольда и его соправителя Дира. Правдоподобно, что именно в связи с такими обстоятельствами смерти Иоакимовская летопись, цитируемая В. Татищевым, назвала Аскольда «блаженным»³⁷.

Договор киевского князя Игоря (912-945) с ромеями от 944 г. – фактически единственное достоверное документальное свидетельство распространения христианства на землях Руси. С другой стороны, временное количественное увеличение прохристианских сил наблюдается в период правления княгини Ольги (945-965). Вначале княгиня приняла православное крещение сама, а вскоре обратилась к византийскому императору за помощью³⁸. Однако Ольга не договорилась с Константином Багрянородным, поскольку её условия с точки зрения дипломатии выглядели достаточно дерзким требованием, а значит, были неприемлемы для высокомерной Византии. В сложившейся ситуации княгиня в 959 г. обратилась за поддержкой и помощью к Оттону, будущему создателю и первому правителю Священной Римской империи. В своей внешней политике Оттон также намеревался осуществить сближение с Киевской Русью и включить её в сферу своего геополитического влияния. Ещё в 956 г. по его указанию было организовано два восточноевропейских миссионерских епископства во главе с латинскими архиеереями – одно для Польши, второе – для Руси³⁹.

Об обращении Ольги к Оттону I Великому (962-973) с просьбой о помощи сразу же стало известно Римской курии (при дворе германского правителя имелись тайные осведомители апостольского престола). После трудных переговоров с папой Иоанном XII (955-964) Оттон, уже как представитель понтифика, дал согласие помочь ей в достижении поставленной цели – христианизации Руси⁴⁰. В

962 г. – году провозглашения Германской империи – епископом Киевской Руси был назначен Адальберт Трирский (910-981), который в сопровождении 14 клириков прибыл в Киев⁴¹. За два года до этого он, согласно источникам⁴², проповедовал в Паннонии и Карпатии.

Но в это время в Киеве произошли важные политические изменения. На княжеском престоле Ольгу сменил её сын Святослав (965-972) – сторонник проязыческих сил. Святослав терпимо относился к христианству, но в его правление киевские христиане, в большинстве своём греки (т.е. ромеи) по происхождению, не играли существенной роли при дворе князя, хотя были представителями купечества и зажиточных ремесленных родов⁴³. Святослав считал, что в сообщество европейских государств Киевскую Русь должны ввести не христианство, а меч, экономическая мощь и торговля. Легаты Римской курии не нашли с его стороны поддержки относительно активизации своей миссионерской деятельности и вынуждены были оставить Киев⁴⁴.

Папство, тем не менее, не утратило надежды со временем усилить свои апостольские позиции, и Адальберт был назначен архиепископом Магдебургским. За два последующих года (962-964) он создал специальную школу для подготовки миссионеров среди восточнославянских народов⁴⁵. Второй миссионерский центр, ориентированный на Балканы и Карпаты, сформировался в Бамберге в 967 г. Следующие два центра - в Цейце и Мейсене - были организованы в 968 г.⁴⁶ Ещё одну проповедническую миссию в земли Центральной и Восточной Европы архиепископ Адальберт организовал в 973 г. В неё, как сообщают орденские хроники, входило восемь монахов-бенедиктинцев⁴⁷.

Крещение Карпатского региона по данным источников

В текстах византийских источников название «Карпатия» (Carpatia) впервые появляется в конце VIII в., в документах Римской курии начинает фигурировать с середины IX в., в болгарских источниках первое упоминание отмечено в конце IX в. в Охридских анналах. Среди официальных императорских документов, касающихся организации ромейского миссионерства, слово «Карпатия» встречается четырежды: в двух эдиктах (889 и 903 гг.) Льва VI Философа (886-912), одном эдикте (937 г.) Романа I Лакапина (920-944) и одном эдикте (965 г.) Никифора II Фоки (963-969)⁴⁸.

Кроме того, термин «Карпатия» семь раз встречается в миссионерских хрисовулах пяти константинопольских патриархов: у Николая I Мистика (901-907) есть два таких хрисовула (904 и 906 гг.), у Феофилакта (933-956) - один хрисовул 948 г., у Василия I Скамадриня (970-974) - один хрисовул 971 г., у Николая III Хрисоверга (979-991) - два хрисовула (983 и 989 гг.) и у Сергия II (999-119) один хрисовул 1002 г.⁴⁹

Несколько большее количество соответствующих документов, а именно папских энциклик, отображают миссионерскую деятельность Римской курии в Центральной и Восточной Европе, в том числе и в Карпатском регионе. Сохранились отдельные «апостольские постановления» четырнадцати понтификов, в которых Карпатская Русь упоминается как перспективный объект для возможной христианизации. Приведем список римских первосвященников, которые в данный период издали энциклики (всего 22) с инструкциями относительно форм и методов проведения духовно-религиозной пропаганды среди восточнославянского языческого населения под эгидой католической церкви:

Адриан II (867-872) – одна энциклика 870 г.

Иоанн VIII (872-882) – одна энциклика 879 г.

Иоанн IX (898-900) – одна энциклика 899 г.

Анастасий III (911-913) – одна энциклика 911 г.

Иоанн X (914-928) – две энциклики 917 и 922 гг.

Лев VII (936-939) – одна энциклика 935 г.

Агапит II (946-955) – две энциклики 946 и 953 гг.

Иоанн XII (955-964) – три энциклики 955, 960 и 961 гг.

Бенедикт VII (974-983) – три энциклики 976, 980 и 981 гг.⁵⁰ (Именно этот папа назначил отдельного епископа для Руси при поддержке польского короля Болеслава I Храброго (992-1025). Им стал болгарин Алексей⁵¹.)

Иоанн XV (985-996) – одна энциклика 994 г. (В этот год понтифик организовал отдельную миссию на Русь и в Карпатию⁵², одновременно вступив в дипломатическую переписку с киевским князем Владимиром Великим.)

Григорий V (996-999) – одна энциклика 998 г.

Сильвестр II (999-1003) – две энциклики 1000 и 1001 гг.⁵³ (Кроме того, папа Сильвестр II организовал три посольства в Восточную Европу, состоящих из монахов-миссионеров – 999, 1000 и 1001 гг.⁵⁴ Необходимо добавить, что этот понтифик был в своё время домашним учителем германского императора Оттона III (983-1002), мать которого - Феофания - была сестрой жены Владимира Великого Анны.)

Иоанн XIII (1004-1009) – одна энциклика 1005 г.

Бенедикт VIII (1012-1024) – две энциклики 1014 и 1015 гг.⁵⁵ (К тому же этот первосвященник в 1018 г. направил миссию в составе 25 монахов именно в Карпатский регион⁵⁶.)

Согласно Бертинским анналам⁵⁷, ещё Людовик II Немецкий (855-875) в 865 г. по договорённости с папой Николаем I организовал миссию в центральные и восточные земли Европы, в том числе и в Карпатию. Упомянутый выше император Оттон I, в 951 г. завоевав

Италию, в 955 г. – часть Венгрии и уничтожив полабских славян, в дальнейшем, с 956 г., из своей резиденции в Кведлинбурге начал реализовывать при поддержке и частичном финансировании со стороны Римской курии широкомасштабную миссионерскую программу. Ее вектор был направлен на Восточную Европу – Паннонию, Карпатию, Киевскую Русь⁵⁸. Упоминания об этом содержатся в «Хронике» Регинона Прюмского⁵⁹, «Продолжении Регинона»⁶⁰, «Гильдесгеймских анналах»⁶¹, «Хронике» Льва Остийского⁶², «Барийских анналах»⁶³.

Примером также служит активная апостольская деятельность епископа Бруно (в католической традиции он чаще всего упоминается как Бонифаций из Сен-Галлена) во главе одиннадцати монахов-миссионеров. В 972 г. Бруно обратился в христианство преемника Такшона (952-972), «короля мадьяр» Гезу (972-997) и его жену Шаролт⁶⁴. Сохранилось письмо от 905 г. к германскому императору Генриху II (1002-1024), где Бруно в подробностях отчитывается о своей миссии 1003-1004 гг. в Карпатии, Киеве и среди печенегов⁶⁵. В связи с латинской миссионерско-проповеднической практикой Карпатский регион фигурирует и в ряде других западноевропейских средневековых источников. К примеру, св. Бернар Клервосский (1091-1153) в одном из своих писем к епископу Пьяченцы Октавио (письмо датировано июлем 1144 г.) упоминает о двух католических миссиях в Карпатских землях в середине X в.: бенедиктинской (её организационный центр находился в Пассау)⁶⁶ и ирландской (миссионерская школа размещалась в чешском Будече)⁶⁷.

В X в. западные источники, преимущественно анналы⁶⁸, упоминают ещё ряд «восточных» католических миссий, монахи и епископы которых были основательно подготовлены проповедовать на восточноевропейских территориях, в том числе на Руси и в Карпатском регионе. Среди городов, где размещались центры папской апостольской миссии «на Востоке», в первую очередь нужно упомянуть немецкие, большей частью баварские и саксонские (Регенсбург, Гавельберг, Кверфурт, Бамберг, Бранденбург, Майнц, Альденбург, Зальцбург, Цейц, Мейсен, Форхгейм, Линц, Магдебург), а также польские (Познань, Вроцлав, Оломоуц) и венгерские (Эстергом, Марошвар (Чанад), Саболч). В 1000 г. была открыта латинская архиепископская кафедра в Гнезно с большой миссией при ней⁶⁹.

Трагической оказалась судьба епископа-миссионера Райнберга в Киеве. Будучи духовником польки, жены старшего сына Владимира Великого Святополка Окаянного (1015-1016), Райнберг был обвинён князем Владимиром в поддержке заговора, который действительно готовился Святополком. Епископ умер в заточении в 1013 г.⁷⁰ Среди наиболее известных западных миссионеров, которые действовали на

территории Центральной Европы и Руси в X – начале XI в., необходимо упомянуть имена Бруно Кверфуртского, Оттокара Рейхенаусского, Бозо Мерзебургского.

Средневековые болгарские источники⁷¹ позволяют констатировать, что четыре правителя этого балканского государства в разное время организовывали миссии в Карпатию. Первым был царь Симеон (893-927). Православную миссию в Карпатский регион он впервые направил в 911 г.⁷² После того как в 927 г. Симеон учредил патриаршество, болгарское миссионерство в Карпатской Руси усилило свою деятельность. Следующими организаторами «карпатских апостольских миссий» были Пётр (927-969) (миссии 943 и 959 г.), Борис II (969-971) (миссия 970 г.), и Самуил (976-1014) (миссии 985 г. и 1006 гг.)⁷³.

Главную роль в миссионерской деятельности на первых порах играли ученики Кирилла и Мефодия – Климент, Наум, Горазд, Савва и Ангеляр. Св. Наум Охридский (834-910) в 905 г. основал монастырь на берегу озера Охрид, где вскоре из числа насельников начали готовить монахов-миссионеров⁷⁴. Не менее влиятельной фигурой был и св. Горазд Охридский (868-886) – архиепископ Великой Моравии. В 885-886 гг., при правлении князя Святополка I Моравского (870-894), он вступил в борьбу против новоприбывшего в страну латинского духовенства, возглавляемого Вихтингом, епископом Нитравы. Вихтинг при содействии папы Стефана V (885-891) изгнал Горазда и 200 православных священников с кафедры и занял его место архиепископа⁷⁵. С 887 г. в Великоморавском государстве богослужение стало проводиться на латыни. Горазд вынужден был искать приют в Болгарии. Таким же образом в Болгарии оказались св. Климент, св. Савва и св. Ангеляр, а в 907 г., вследствие венгерского нашествия, пала Великая Моравия.

Св. Климент Охридский (886-916) – первый епископ, который в болгарской Охриде возглавил кафедру и охридскую миссионерскую школу при царе Симеоне в 893 г.⁷⁶ При четырёх охридских патриархах – Филиппе (упоминание в хрониках под 976 г.), Германе, Николае и Давиде (упоминания под 998, 1015 и 1018 гг.) – миссионерство на Балканах и территории Карпатской Руси в X в. усилилось, что также нашло своё отображение в монастырских источниках⁷⁷. К примеру, в первом десятилетии X в. св. Савва и св. Ангеляр подготовили более 30 проповедников для восточных славян⁷⁸.

На протяжении X и в начале XI в. на территории Первого Болгарского царства существовало и функционировало пять центров миссионерства, ориентированных в первую очередь на Карпато-Дунайский регион (Охрида, Средец, Плиска, Кутмичивица и Преслав). На этом фоне в 966 г. состоялось обращение в христианство польского

герцога (князя) Мешко I (964-992)⁷⁹, в 968 г. было создано Польское католическое епископство⁸⁰, а в 972 г. – Пражское епископство, тоже латинское⁸¹. Таким образом, в последней четверти X в. только болгарское православное миссионерство продолжало достаточно активно действовать на землях Карпатии.

Резюмируя изложенный материал, необходимо отметить следующее. Во-первых, Карпатская Русь до правления Ярослава Мудрого не подпадала под прямой экономический и политический контроль Киева. Во-вторых, в конце IX – начале X в., после «хорватского» периода, Карпатский регион входил в сферу влияния Великоморавского государства, в основном в религиозно-культурной области. В-третьих, в X в. Карпатия попадала под влияние Первого Болгарского царства и Охридского патриархата. Далее, с конца IX и на протяжении X в. карпатские земли испытывали активизацию миссионерско-проповеднической деятельности со стороны Римской курии и папства, императоров и епископов Священной Римской империи, Ордена бенедиктинцев (ими было осуществлено четыре миссии) и ирландских монахов-просветителей (они организовали пять миссий).

Кроме того, в X в. на территории Карпатии наблюдалось наименьшее влияние византийских миссионеров: при отсутствии соответствующего финансирования и необходимого контроля императорские указы и хрисовулы, а также распоряжения и циркуляры константинопольских патриархов в большинстве случаев просто игнорировались ромейскими проповедниками.

Владимир Великий, по мнению ряда современных исследователей, в Корсуне принял христианство по арианскому обряду: в то время в городе существовала довольно многочисленная и влиятельная богомильская община, его практиковавшая. В этой ситуации официальный Константинополь решил не упоминать об акте крещения влиятельного киевского князя, чтобы не принуждать себя признать его еретиком. Наконец, сохранившийся на сегодняшний день корпус письменных источников – византийских, латинских и болгарских – ждёт дальнейшего комплексного изучения и новых концептуальных обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986-989 годах // Как была крещена Русь. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 43.

2. Иванов В.А. Византийская религиозная миссия конца X-XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник РГНФ, 2000. № 3. С. 62.

3. Иванов С.А. Византийская религиозная миссия VIII-IX вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 24.

4. Там же. С. 24.

5. Там же. С. 25.

6. Resposa Nicolai ad consulta Bulgarorum // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. SL. Corpus historiae. Lipsiae: B.G. Teubner, 1880. T. 119. Col. 977-983.

7. Wood I. The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400-1050. L.: Routledge, 2001. P. 31.

8. Fletcher R. The Conversion of Europe from Paganism to Christianity 371-1386 AD. L.: Thames and Hudson, 1997. Pp. 55-56.

9. Walker W. A history of the Christian church. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1959. P. 79.

10. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Gotae Sumptibus Friderici et Andreae Perthes, 1869. Bd. 38. Col. 216-227; Sacrorum Consiliorum collectio nova et amplissima / Ed. J.D. Mansi. Parisiis: OFM, 1927. T. 13. Col. 428-432; Annales Xantenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae-Lipsiae: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1909. Col. 810-818; Annales Magdeburgenses a. 1-1188 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1838. T. XVI. Col. 639-644.

11. Lamberti annalium pars prior ab O.C. 1006-1039 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. III. Col. 956-981; Annales Baresens a. 605-1043 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1827. T. V. Col. 542-590; Sathas C. Bibliotheca graeca medii aevi. Athen; Paris; Venedig, 1887. T. 5. Col. 703-711; Annales Bertiniani a. 830-882 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. I. Col. 425-478.

12. Annales Xantenses... Col. 813; Annales Hildesheimenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. III. Col. 315-319; Annales Fuldenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. I. Col. 1062-1088.

13. Станилов Ст. Славяните в Първото царство. София, 1986. С. 28; Лута-
рин Г.Г. Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила
// Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. С. 54; По-
лы-
вянный Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте
византийско-славянской общности IX-XI вв. Иваново: ИГПИ, 2000. С. 165.

14. Кочев Н. Христианство и политика Византии в отношении балканских
стран в эпоху образования раннефеодальных государств // Этносоциаль-

ная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987. С. 197.

15. *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1924. Т. I. С. 209.

16. *Николаев В.Д.* Значение договора 927 г. в истории болгаро-византийских отношений // Проблемы истории античности и средних веков. М.: Наука, 1982. С. 92.

17. *Литаврин Г.Г.* Христианство в Болгарии в 927-1018 гг. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 134.

18. Там же. С. 134.

19. *Sullivan R.E.* Carolingian missionary theories // *Catholic Historical Review*. 1956. Vol. 42. Pp. 15-16.

20. *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви: опыт христианского Запада и Центральная и Юго-Восточная Европа на рубеже второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. С. 35.

21. *Lamberti annalium pars prior...* Col. 970-973; *Annales Quedlinburgenses* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. III. Col. 895-946; *Continuator Reginions Trevirensis a. 907-967* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. I. Col. 422-424; *Sathas C. Bibliotheca graeca medii aevi*. Col. 761-768.

22. *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви... С. 36.

23. Там же. С. 36-37.

24. Там же. С. 37.

25. *Fletcher R.* The Conversion of Europe... P. 57.

26. *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви... С. 37.

27. *Константин Багрянородный.* Жизнеописание Василия Македонянина (отрывок) // *Византийские Жития и политические биографии*. М.: ЭКСМО, 2012. С. 39.

28. *Ioannis Scylitzae.* Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin: De Gruyter, 1973. Col. 154.

29. *Georgius Cedrenus.* Compendium historiarum / Ed. I. Bekker // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae: Gotae Sumptibus Friderici et Andreae Perthes, 1838. T. I. Col. 86-88.

30. *Ioannis Zonarae.* Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfi: In 6 vol. Lipsiae: B.G. Teubner, 1870. Vol. 3. Col. 133-134.

31. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописание византийских царей / Перев. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1992. С. 99-100.

32. *Michaelis Glycae.* Annales / Rec. I. Bekker. Bonnae: Gotae Sumptibus Friderici et Andreae Perthes, 1836. Col. 75-76.

33. *Приселков М.Д.* О болгарских истоках христианства на Руси // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Отв. ред. Б.Н. Флоря.

М.: Наука, 1988. С. 22; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. М.: Наука, 1991. Т. I. С. 59; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: В 4 т. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. Т. 1: Период первый, Киевский или Домонгольский. Ч. 1. С. 83; *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: АН СССР, 1987. С. 45; *Стахів М.* Христова Церква в Україні. 988-1596. Львів: Львівська Духовна семінарія Святого Духа УГКЦ; СТРИМ, 1993. С. 30.

34. *Пан С.*, о. Початки християнства на Закарпатті. Філадельфія: Митрополія Української Католицької Церкви у ЗСА, 1983. С. 51; *Томашівський С.* Історія Церкви на Україні. Філадельфія: Америка, 1961. С. 68; *Панас К.* Історія Української Церкви. Львів: Львівська Духовна семінарія Святого Духа УГКЦ; СТРИМ, 1992. С. 102; *Чубатий М.* Історія християнства на Русі-Україні: В 4 т. Рим-Нью-Йорк: Видання Українського католицького університету, 1965. Т. 1: До 1353 р. С. 226-227; *Прошин Г.* Второе крещение // Как была крещена Русь. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 44.

35. Русская летопись по Никоновскому списку // Полное собрание русских летописей. М.: Терра; Языки русской культуры, 2000. Т. IX. Ч. 1-2. С. 43; *Грушевський М.* Історія України-Руси: В 11 т. К.: Наукова думка, 1991. Т. I: До початку XI віку. С. 417.

36. Там же. С. 45.

37. *Татищев В.Н.* История Российская: В 4 ч. М.: АСТ, 2003. Ч. 1. С. 312.

38. *Константин Багрянородный.* О церемониях. Кн. II. Гл. 15. Второй приёме Ольги Русской // Известия государственной академии материальной культуры, 1934. № 91. С. 38.

39. *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви... С. 45.

40. Там же. С. 46.

41. *Wood I.* The Missionary Life... P. 221.

42. *Annales Baresnes a. 605-1043...* Col. 358; *Leonis chronica a. 529-1075* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum.* Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1827. T.V. Col. 290-292.

43. *Федорів Ю.* Історія Церкви в Україні. Торонто: Смолоскип, 1990. С. 74.

44. *Vlasto A.P.* The Entry of Slavs into Christendom. Cambr.: Univ. Press, 1970. P. 195.

45. History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe. The chronicle of Regino of Prum and Adalbert of Magdeburg / Ed. and transl. A. MacLean, J. Simon. Manchester: Univ. Press, 2009. P. 217.

46. *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви... С. 46.

47. *Mabillon J.* Annales Ordini St. Benedicti. Roma: Edizioni liturgiche, 1821. Vol. V. Col. 383; *Mabillon J.* Acta Sanctorum Ordinis St. Benedicti. Roma: Edizioni liturgiche, 1845. Vol. VII. Col. 410-413.

48. *Sathas C.* Bibliotheca graeca medii aevi... Col. 705-852.

49. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae...* Col. 632-945.

50. *Annales Baresnes a. 605-1043...* Col. 581-668.

51. *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 276.

52. *Annales Baresnes a. 605-1043...* Col. 672.

53. Ibid. Col. 683.
54. Butler E.C. Benedictine Monachism. Cambr.: Univ. Press, 1962. P. 360.
55. Annales Baresnes a. 605-1043... Col. 690-691.
56. Daly L.J. Benedictine Monasticism. N.Y.: Harper and Row, 1965. P. 299.
57. Annales Bertiniani a. 830-882 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T.I. Col. 484.
58. Історія релігії в Україні / За ред. Б. Лобовика: В 10 т. К.: Український Центр духовної культури, 1996. Т. 1: Дохристиянські вірування; Прийняття християнства. С. 225; Історія релігії в Україні / За ред. А. Колодного і П. Яроцького. К.: Знання, КОО, 1994. С. 138-139; Брайчевський М.Ю. Утворення християнства на Русі. К.: Наукова думка, 1989. С. 57.
59. Reginonis abbatis Prumiensis. Chronicon cum continuatione Treverensi // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi 50. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1850. Col. 108-122.
60. Continuator Reginonis Trevirensis a. 907-967... Col. 433-435.
61. Annales Hildesheimenses... Col. 324-326.
62. Leonis chronica a. 529-1075... Col. 294.
63. Annales Baresnes a. 605-1043... Col. 568.
64. Wood I. The Missionary Life... Col. 225.
65. Ibid. Col. 225.
66. St. Bernardi Claraevallensis. Epistola XVIII // Opera omnia Sancti Bernardi Claraevallensis // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. SL. Corpus histories. Lipsiae: B.G. Teubner, 1887. T. 185. Col. 207.
67. Ibid. Col. 210.
68. Annales Magdeburgenses a. 1-1188... Col. 648; Annales Quedlinburgenses... Col. 913-914; Annales Hildesheimenses... Col. 346.
69. Annales Quedlinburgenses... Col. 903.
70. Walker W. A history of the Christian... Col. 292.
71. Снегаров И. История на Охридската... С. 37-40; Станчев К., Попов Г. Климент Охридски: живот и творчество. София, 1989. С. 64-65; Станилов Ст. Славяните в Първото... С. 17; Иванова О.В. Христианизация Первого Болгарского царства по данным сочинения Феофилакта Охридского // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Сб. тезисов. М.: МГУ, 1987. С. 12; Турилов А.А. Данные «Сказания о железном кресте» о христианизации Болгарии // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. С. 53-54; Литаврин Г.Г. Введение христианства в Болгарии (IX – начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Под ред. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1988. С. 49-50.
72. Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (Конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: «Наука», 1985. С. 138.
73. Снегаров И. История на Охридската... С. 40.
74. Там же. С. 41.

75. Там же. С. 41-42.
76. Станчев К., Попов Г. Климент Охридски... С. 106.
77. Fine J. The early Medieval Balkans // The University of Michigan Press, 1983. P. 119-120.
78. Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской... С. 153.
79. Fletcher R. The Conversion of Europe... P. 327.
80. Ibid. P. 327.
81. Ibid. P. 327-328.

References

1. Poppe A. Politicheskiy fon kreshcheniya Rusi (russko-vizantiyskie otnosheniya v 986-989 godakh, Kak byla kreshchena Rus', M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989, p. 43 [in Russian].
2. Ivanov V.A. Vizantiyskaya religioznaya missiya kontsa X-XI v.s tochki zreniya vizantiytsev, Vestnik RGNF, 2000, № 3, p. 62 [in Russian].
3. Ivanov S.A. Vizantiyskaya religioznaya missiya VIII-IX vv. s tochki zreniya vizantiytsev, Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya / Otv. red. B.N. Florya, M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, p. 24 [in Russian].
4. Ibid., p. 24.
5. Ibid., p. 25.
6. Resposa Nicolai ad consulta Bulgarorum, Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. SL. Corpus histiores, Lipsiae: B.G. Teubner, 1880., t. 119, col. 977-983 [in Latin].
7. Wood I. The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400-1050. L.: Routledge, 2001, p. 31 [in English].
8. Fletcher R. The Conversion of Europe from Paganism to Christianity 371-1386 AD, L.: Thames and Hudson, 1997, pp. 55-56 [in English].
9. Walker W. A history of the Christian church, N.Y.: C. Scribner's Sons, 1959, p. 79 [in English].
10. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Gotae Sumptibus Friderici et Andreae Perthes, 1869, bd. 38, col. 216-227; Sacrorum Consiliorum collectio nova et amplissima / Ed. J.D. Mansi., Parisiis: OFM, 1927, t. 13, col. 428-432; Annales Xantenses, Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae-Lipsiae: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1909, col. 810-818; Annales Magdeburgenses a. 1-1188, Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1838, t. XVI., col. 639-644 [in Latin].
11. Lamberti annalium pars prior ab O.C. 1006-1039, Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. III, col. 956-981; Annales Baresenses a. 605-1043, Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1827, t. V., col. 542-590; Sathas C. Bibliotheca graeca medii aevi, Athen; Paris; Venedig,

1887, t. 5, col. 703-711; *Annales Bertiniani* a. 830-882, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826., t. I, col. 425-478 [in Latin].

12. *Annales Xantenses...*, col. 813; *Annales Hildesheimenses*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. III, col. 315-319; *Annales Fuldenses*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. I, col. 1062-1088 [in Latin].

13. *Stanilov St.* Slavyanite v P^rrvoto tsarstvo, Sofiya, 1986, p. 28 [in Bulgarian]; *Litavrin G.G.* Slavyane i protobolgary: ot khana Asparukha do knyazya Borisa-Mikhaila, Slavyane i ikh sosedi, M., 2001, vyp. 10, Slavyane i kochevoy mir, p. 54 [in Russian]; *Polyvyanny D.I.* Kul'turnoe svoeobrazie srednevekovoy Bolgarii v kontekste vizantiysko-slavyanskoy obshchnosti IX-XI vv., Ivanovo: IGPI, 2000, p. 165 [in Russian].

14. *Kochev N.* Khristianstvo i politika Vizantii v otnoshenii balkanskikh stran v epokhu obrazovaniya rannefeodal'nykh gosudarstv, *Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostey*, M.: Nauka, 1987, p. 197 [in Russian].

15. *Snegarov I.* Istoriya na Okhridskata arkhiepiskopiya, Sofiya, 1924, t. I, p. 209 [in Bulgarian].

16. *Nikolaev V.D.* Znachenie dogovora 927 g. v istorii bolgaro-vizantiyskikh otnosheniy, *Problemy istorii antichnosti i srednikh vekov*, M.: Nauka, 1982, p. 92 [in Russian].

17. *Litavrin G.G.* Khristianstvo v Bolgarii v 927-1018 gg., *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* / Otv. red. B.N. Florya, M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, p. 134 [in Russian].

18. *Ibid.*, p. 134.

19. *Sullivan R.E.* Carolingian missionary theories, *Catholic Historical Review*. 1956, vol. 42, pp. 15-16 [in English].

20. *Kuznetsova A.M.* Missii latinskoy tserkvi: opyt khristianskogo Zapada i Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa na rubezhe vtorogo tysyacheletiya, *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* / Otv. red. B.N. Florya, M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, p. 35 [in Russian].

21. *Lamberti annalium pars prior...*, col. 970-973; *Annales Quedlinburgenses*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. III. Col. 895-946; *Continuator Reginions Trevirensis* a. 907-967, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. I, col. 422-424; *Sathas C.* *Bibliotheca graeca medii aevi*. Athen; Paris; Venedig, 1887, t. 5, col. 761-768. [in Latin].

22. *Kuznetsova A.M.* Missii latinskoy tserkvi..., p. 36 [in Russian].

23. *Ibid.*, p. 36-37.

24. *Ibid.*, p. 37.

25. *Fletcher R.* The Conversion of Europe..., p. 57 [in English].
26. *Kuznetsova A.M.* Missii latinskoj tserkvi..., p. 37.
27. *Konstantin Bagryanorodnyy.* Zhizneopisanie Vasiliya Makedonyanina (otryvok), Vizantiyskie Zhitiya i politicheskie biografii. M.: EKSMO, 2012. P. 39. [in Russian]
28. *Ioannis Scylitzae.* Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn, Berlin: De Gruyter, 1973, col. 154 [in Latin].
29. *Georgius Cedrenus.* Compendium historiarum / Ed. I. Bekker, Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Gotae Sumus Friderici et Andreae Perthes, 1838, t. I, col. 86-88 [in Latin].
30. *Ioannis Zonarae.* Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfi: In 6 vol. Lipsiae: B.G. Teubner, 1870, vol. 3, col. 133-134 [in Latin].
31. *Prodolzhatel' Feofana.* Zhizneopisanie vizantiyskikh tsarey / Perev. Ya.N. Lyubarskogo, M.: Nauka, 1992, pp. 99-100 [in Russian].
32. *Michaelis Glycae.* Annales / Rec. I. Bekker. Bonnae: Gotae Sumptibus Friderici et Andreae Perthes, 1836, col. 75-76 [in Latin].
33. *Priselkov M.D.* O bolgarskikh istokakh khristianstva na Rusi, «Kreshchenie Rusi» v trudakh russkikh i sovetskikh istorikov / Otv. red. B.N. Florya, M.: Nauka, 1988., p. 22 [in Russian]; *Kartashev A.V.* Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi: V 2 t. M.: Nauka, 1991, t. I, p. 59 [in Russian]; *Golubinskiy E.E.* Istoriya Russkoy Tserkvi: V 4 t., M.: Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 1997, t.1: Period pervyy, Kievskiy ili Domongol'skiy, ch.1, p. 83 [in Russian]; *Rybakov B.A.* Yazychestvo Drevney Rusi. M.: AN SSSR, 1987, p. 45 [in Russian]; *Stakhiv M.* Khristova Tserkva v Ukraini. 988-1596, L'viv: L'viv's'ka Dukhovna seminariya Svyatogo Dukha UGKTs; STRIM, 1993, p. 30. [in Ukrainian].
34. *Pap S., o.* Pochatki khristiyanstva na Zakarpatti. Filadel'fiya: Mitropoliya Ukraïns'koï Katolits'koï Tserkvi u ZSA, 1983, p. 51 [in Ukrainian]; *Tomashivs'kiy S.* Istoriya Tserkvi na Ukraïni, Filadel'fiya: Amerika, 1961, p. 68 [in Ukrainian]; *Panas K.* Istoriya Ukraïns'koï Tserkv, L'viv: L'viv's'ka Dukhovna seminariya Svyatogo Dukha UGKTs; STRIM, 1992, p. 102 [in Ukrainian]; *Chubatiy M.* Istoriya khristiyanstva na Rusi-Ukraïni: V 4 t. Rim-N'yu-York: Vidannya Ukraïns'kogo katolits'kogo universitetu, 1965, t. 1: Do 1353 r., p. 226-227 [in Ukrainian]; *Proshin G.* Vtoroe kreshchenie, Kak byla kreshchena Rus', M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989, p. 44 [in Russian].
35. Russkaya letopis' po Nikonovskomu spisku, Polnoe sobranie russkikh letopisey, M.: Terra; Yazyki russkoy kul'tury, 2000, t. IX, ch. 1-2, p. 43 [in Russian]; *Grushevs'kiy M.* Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t., K.: Naukova dumka, 1991, t. I: Do pochatku Khl viku, p. 417 [in Ukrainian].
36. *Ibid.*, p. 45.
37. *Tatishchev V.N.* Istoriya Rossiyskaya: V 4 ch. M.: AST, 2003, ch. 1, p. 312. [in Russian].
38. *Konstantin Bagryanorodnyy.* O tseremoniyakh, kn. II., gl. 15. Vtoroy priem Ol'gi Russkoy, Izvestiya gosudarstvennoy akademii material'noy kul'tury, 1934, N 91, p. 38 [in Russian].
39. *Kuznetsova A.M.* Missii latinskoj tserkvi..., p. 45 [in Russian].
40. *Ibid.*, p. 46.
41. *Wood I.* The Missionary Life..., p. 221 [in English].

42. *Annales Baresnes a. 605-1043...*, col. 358; *Leonis chronica a. 529-1075*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1827, t. V, col. 290-292 [in Latin].

43. *Fedoriv Yu.* *Istoriya Tserkvi v Ukraïni*, Toronto: Smoloskip, 1990, p. 74 [in Ukrainian].

44. *Vlasto A.P.* *The Entry of Slavs into Christendom*, Cambr.: Univ. Press, 1970, p. 195 [in English].

45. *History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe. The chronicle of Regino of Prum and Adalbert of Magdeburg* / Ed. and transl. A. MacLean, J. Simon. Manchester: Univ. Press, 2009, p. 217 [in English].

46. *Kuznetsova A.M.* *Missii latinskoy tserkvi...*, p. 46 [in Russian].

47. *Mabillion J.* *Annales Ordini St. Benedicti*. Roma: Edizioni liturgiche, 1821, vol. V, col. 383; *Mabillion J.* *Acta Sanctorum Ordinis St. Benedicti*. Roma: Edizioni liturgiche, 1845, vol. VII., col. 410-413 [in Latin].

48. *Sathas C.* *Bibliotheca graeca medii...*, p. 705-852 [in Latin].

49. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae...*, col. 632-945 [in Latin].

50. *Annales Baresnes a. 605-1043...*, col. 581-668 [in Latin].

51. *Florya B.N., Turilov A.A., Ivanov S.A.* *Sud'by kirillo-mefodievskoy traditsii posle Kirilla i Mefodiya*, SPb.: SPbGU, 2000, p. 276 [in Russian].

52. *Annales Baresnes a. 605-1043...*, col. 672 [in Latin].

53. *Ibid.*, col. 683.

54. *Butler E.C.* *Benedictine Monachism*. Cambr.: Univ. Press, 1962, p. 360. [in English].

55. *Annales Baresnes a. 605-1043...*, col. 690-691 [in Latin].

56. *Daly L.J.* *Benedictine Monasticism*, N.Y.: Harper and Row, 1965, p. 299 [in English].

57. *Annales Bertiniani a. 830-882*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, t. I., col. 484 [in Latin].

58. *Istoriya religii v Ukraïni* / Za red. B. Lobovika. V 10 t. K.: Ukraïns'kiy Tsentrukhochnoi kul'turi, 1996, t. 1: *Dokhristiyan's'ki viruvannya; Priynyattya khristiyanstva.*, p. 225 [in Ukrainian]; *Istoriya religii v Ukraïni* / Za red. A. Kolodnogo i P. Yarots'kogo. K.: Znaniya, KOO, 1994, p. 138-139 [in Ukrainian]; *Braychev's'kiy M.Yu.* *Utvorennya khristiyanstva na Rusi*, K.: Naukova dumka, 1989, p. 57 [in Ukrainian].

59. *Reginonis abbatis Prumiensis. Chronicon cum continuatione Treverensi*, *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi* 50, Hannover: Impenses Bibliopolii Avlici Hahniani, 1850, col. 108-122 [in Latin].

60. *Continuator Reginonis Trevirensis a. 907-967...*, col. 433-435 [in Latin].

61. *Annales Hildesheimenses...*, col. 324-326 [in Latin].

62. *Leonis chronica a. 529-1075...*, col. 294 [in Latin].

63. *Annales Baresnes a. 605-1043...*, col. 568 [in Latin].

64. *Wood I.* *The Missionary Life...*, col. 225 [in English].

65. *Ibid.*, col. 225.

66. *St. Bernardi Claraevallensis. Epistola XVIII, Opera omnia Sancti Bernardi*

Claraevallensis, Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, SL. Corpus histiores. Lipsiae: B.G. Teubner, 1887, t. 185, col. 207 [in Latin].

67. Ibid., col. 210.

68. Annales Magdeburgenses a. 1-1188..., col. 648; Annales Quedlinburgenses..., col. 913-914; Annales Hildesheimenses..., col. 346 [in Latin].

69. Annales Quedlinburgenses..., col. 903 [in Latin].

70. Walker W. A history of the Christian..., col. 292 [in English].

71. *Snegarov I.* Istoriya na Okhridskata..., pp. 37-40 [in Bulgarian]; *Stanchev K., Popov G.* Kliment Okhridski: zhivot i tvorchestvo, Sofiya, 1989, pp. 64-65 [in Bulgarian]; *Stanilov St.* Slavyanite v P'rvoto..., p. 17 [in Bulgarian]; *Ivanova O.V.* Khristianizatsiya Pervogo Bolgarskogo tsarstva po dannym sochineniya Feofilakta Okhridskogo, Vvedenie khristianstva u narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy. Kreshchenie Rusi. Sb. tezisov, M.: MGU, 1987, p. 12 [in Russian]; *Turilov A.A.* Dannye «Skazaniya o zheleznom kreste» o khristianizatsii Bolgarii, Vvedenie khristianstva u narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy. Kreshchenie Rusi. Sb. tezisov, M.: MGU, 1987, pp. 53-54 [in Russian]; *Litavrin G.G.* Vvedenie khristianstva v Bolgarii (IX – nachalo X v.), Prinyatie khristianstva narodami Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy i kreshchenie Rusi / Pod red. G.G. Litavrina, M.: Nauka, 1988, p. 49-50. [in Russian]

72. *Litavrin G.G.* Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanakh. VI–XII vv., otv. red. G. G. Litavrin, M.: «Nauka», 1985, p. 138 [in Russian].

73. *Snegarov I.* Istoriya na Okhridskata..., p. 40 [in Bulgarian].

74. Ibid., p. 41.

75. Ibid., pp. 41-42.

76. *Stanchev K., Popov G.* Kliment Okhridski..., p. 106 [in Bulgarian].

77. *Fine J.* The early Medieval Balkans, The University of Michigan Press, 1983, pp. 119-120 [in English].

78. *Florya B.N., Turilov A.A., Ivanov S.A.* Sud'by kirillo-mefodievskey..., p. 153 [in Russian].

79. *Fletcher R.* The Conversion of Europe..., p. 327 [in English].

80. Ibid., p. 327.

81. Ibid., pp. 327-328.

Боднарюк Богдан Михайлович - доктор исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

e-mail: slavikkk06@rambler.ru

Bodnaryuk Bogdan - Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

e-mail: slavikkk06@rambler.ru

УДК 94(477.85)+281.9"19/20"

DOI: 10.17223/18572685/35/11

АРХИПРЕСВИТЕР КАССИАН БОГАТЫРЕЦ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ БУКОВИНСКОЙ РУСИ

М.К. Чучко¹, С.Г. Суляк²

¹Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

e-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Scopus Author ID: 55358825100

²Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
3300, Молдова, Приднестровье, 3300 г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

ResearcherID: D-6981-2014

Scopus Author ID: 55359315000

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Статья посвящена известному общественно-политическому и церковному деятелю Буковины о. Кассиану Богатырцу, одному из лидеров старорусинской партии в австрийской части Буковины. В 1916 г. во время Второго венского политического процесса за свои убеждения был приговорен к смертной казни. В последние годы жизни о. Кассиан работал над историей православной церкви Буковины. В «Истории Буковинской епархии» им был описан период с древнейших времен до 1943 г., причем, помимо церковной, изложена и история края. Остановившись на периоде австрийского господства, о. Кассиан уделяет внимание общественно-политической обстановке, гонениям на русофилов со стороны австрийских властей. Также он подробно освещает церковно-религиозную жизнь на Буковине в годы Первой мировой войны, репрессии австрийских властей против православного духовенства за сочувствие России.

Ключевые слова: русины, православие, православная церковь, Буковина, Буковинская епархия, Австрия, Россия, Первая мировая война, Кассиан Богатырец.

Archpriest Kassian Bohatyrets - researcher of church history in Bukovinian Rus'

M.K. Chuchko¹, S.G. Sulyak²

¹Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine
e-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

²Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The article is dedicated to the memory of the well-known social, political and church figure, Archpriest Kassian Bohatyrets, one of the leaders of the Old-Rusin party in Austrian Bukovina. During the Second Political Trial of Vienna in 1916 he was sentenced to death for his conviction. In the last years of his life Father Kassian compiled a history of the Orthodox Church in Bukovina «The History of the Bukovinian Diocese from the Earliest Times to 1943». This history also included the history of the land. Describing the period of Austrian dominance Father Kassian also gives note to the socio-political situation and the persecution of the patriots of Holy Rus' by the Austrian authorities. He sheds light on the church-religious life in Bukovina during WWI, the oppression by the Austrian authorities of the Orthodox clergy for their sympathy towards Russia.

Keywords: kusins, Orthodoxy, Orthodox Church, Bukovina, Bukovinian diocese, Austria, Russia, WWI, Kassian Bohatyrets.

Підготовлена к изданию и скоро увидит свет первая публикация рукописи труда доктора богословия архипресвитера Кассиана Богатырца, посвященного истории Буковинской православной епархии. Эта работа заслуживает внимания прежде всего потому, что представляет первый на Буковине опыт обобщающего исследования прошлого церковно-исторической жизни края, написанного коренным буковинцем-руснаком. До него изучением истории Буковинской православной епархии занимались почти исключительно австрийские, румынские и отчасти российские исследователи¹. А украинская историография проблемы была представлена лишь фрагментарными и отрывочными публикациями таких буковинских авторов, как С. Дашкевич, Э. Воробквич, Е. Пигуляк и И. Ткачук².

Выдержки из труда о. Кассиана Богатырца планируется опубликовать на страницах международного исторического журнала «Русин».

Надо отметить, что о. К. Богатырец в полной мере использовал в работе значительное научное наследие своих предшественников, в большей или меньшей мере затронувших церковную историю Буковины. Он обращался к опубликованным и неопубликованным документам, материалам прессы, устным свидетельствам участников событий.

Он был человеком нескольких эпох, смена которых в свете геополитических изменений в Европе конца XIX – первой половины XX в. оказала существенное влияние как на политическое положение Буковины, так и на судьбу ее жителей, в частности и самого К. Богатырца.

Он появился на свет 5 ноября 1868 г. в с. Кабин³ Сторожинецкого уезда⁴ австрийского коронного края Буковина. Родители его, Дмитрий и Ксения, принадлежали, очевидно, к окрестянившимся резешам-земледельцам. По документальным источникам доподлинно известно, что представители довольно многочисленного резешского рода Богатырцов проживали и владели отчинными участками земли в Кабине еще во второй половине XVIII в., то есть в период, когда край принадлежал Молдавскому княжеству. Эти земельные участки, правда, уже сильно подробленные между многочисленными родственниками, Богатырцы сохранили за собой и тогда, когда край перешел под скипетр австрийских Габсбургов. Так, в документах, датированных 1772 и 1783 гг., среди кабинских резешей упомянуты Ион Богатырец, а также Константин Богатырец – зять резеша Василия Браги⁵. Характерно, что в ведомостях переписи населения Молдавской земли за июнь 1774 г. среди жителей с. Кабинул Черновицкой волости Ион Бахатерицу, Василий – брат его и Косташ, сын Бахатерицу записаны как рупташи, владевшие отчинными грунтами⁶. Надо отметить, что к упомянутой категории, как правило, принадлежали потомки священнослужителей, которые, подобно резешам, владели мелкими вотчинами и платили налог – рупту.

Таким образом, род Богатырцов изначально принадлежал в социальном плане к резешам, которые, обеднев, в XIX в. превратились в обычных земледельцев.

Это, очевидно, послужило для о. Кассиана Богатырца основанием указать в формулярном списке, датированном 1944 г., в графе «социальное происхождение» – «сын земледельцев»⁷, а в послужном списке – что он по происхождению «сын крестьян»⁸.

После обучения в народной школе⁹ он получил образование в Первой императорско-королевской немецкой государственной гимназии в Черновцах, которую с отличием закончил в 1889 г.¹⁰ Затем обучался на православном богословском факультете Черновицкого университета Франца Иосифа I, который также закончил с отличием в 1893 г.¹¹ В 1897 г. получил степень доктора богословия¹². Параллельно изучал историю и славистику. Как наиболее способного выпускника доктора К. Богатырца прочили преподавателем на кафедру пастырского богословия в Черновицком университете, но австрийское Министерство культов и образования не сочло

возможным удовлетворить это предложение деканата богословского факультета университета, согласованное с митрополитом Буковины и Далмации Аркадием (Чуперковичем), из-за принадлежности кандидата к русофильскому кружку¹³. Вместо него был утвержден священник-украинофил Дионисий Еремийчук-Еремиев (уроженец с. Новые Мамаевцы на Буковине), предложенный президентом края.

Христосъ воскресъ!

Сими чудными словами, полными радости и истинно-христианской надѣи вѣщаетъ Васъ, дорогой русскій православный братъ, Вашъ ширый прїятель и неустрашимый борець за права святой православной церкви и буковинско-русского народа

Священникъ Докторъ Кассіанъ Богатырець

и сердечно кланяется до всѣхъ Васъ, абысьте здоровы були и въ счастье и здоровью ѓтпраздновали разомъ съ Вашими родинами святыи великій праздникъ Свѣтлого Христоваго Воскресенія.

Братъя!

Памятайте, шо въ Пятницу до Великодни маєте собѣ vybrati заступника-посла до сойма и знайте, шо въ его руки передасте свою долю, свою будучность!

Памятайте, шо на Васъ дивится вся православна Русь! Тому не дайтеся никому на подмову, не дайтеся никѣмъ настрашити, а всѣ станьте якъ одень мужъ и ѓтдайте Вашй голосы на широго народолюбца, православного священника

Доктора Кассіана Богатырца.

Предвыборная листовка 1911 г. Печатається по: *Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці, 1999.*

11 мая 1897 г. доктор богословия К. Богатырец женился на девице Стефаниде, дочери священника из с. Ошихлибы Александра Велигорского и его жены Февронии (урожденная Драбык). Таинство венчания совершил священник Е. Андрийчук из Новых Мамаевцев¹⁴. 28 июня 1897 г., после хиротонии в диакона, митрополит Аркадий хиротонисал о. Кассиана в иерея¹⁵.

В том же году Богатырец был назначен администратором (заведателем) прихода в Садогуре (теперь район в пределах г. Черновцы). В 1898 г. он был отмечен похвальным декретом за службу на прежнем месте и переведен администратором прихода в с. Оршевцы. В 1899 г. определен администратором прихода в Верхних Станивцах, а в 1901 г. стал настоятелем упомянутого прихода¹⁶.

Будучи сельским священником, о. К. Богатырец при ревностном исполнении своих пастырских обязанностей неутомимо трудился над повышением культурного и экономического уровня своей паствы, основывая читальни и кооперативные общества и редактируя популярные издания для народа¹⁷. Он также активно занимался общественно-политической деятельностью, принимал участие в русофильских обществах, играя главную роль в руководстве «Народной Рады», занимался предвыборной агитацией¹⁸.

За пастырскую деятельность в 1908 г. о. Кассиан был награжден саном екзарха (иконома)¹⁹. В том же году по линии общественно-политической деятельности он посетил Санкт-Петербург, где прочитал лекцию по буковинской истории. Поскольку поездка не была согласована с духовным руководством, а во время выступления Богатырец допустил антиавстрийские высказывания, против него по возвращении на Буковину было начато дисциплинарное расследование. В итоге в 1910 г. решением Министерства культов и образования о. Кассиан был лишен места настоятеля прихода в Верхних Станивцах и переведен на низшую должность – помощником настоятеля прихода в Веренчанке²⁰.

В том же году австрийские власти начали наступление на старорусинские организации. Несколько из них было закрыто, а графу В. Бобринскому, который прибыл из России и ездил по Буковине, выступая с антиавстрийской агитацией, был запрещен въезд в пределы Австро-Венгрии. Все это вызвало негодование как в Российской империи, так и за ее пределами. Так, в Черновцах пророссийски настроенные русины устроили протесты. В частности, съезд «мужей дверия» организовал шествие и направил делегацию с петицией-протестом к краевому президенту. Наряду с другими видными буковинскими деятелями русинского движения в состав делегации вошел и о. К. Богатырец²¹.

В 1911 г. он баллотировался от «Народной Рады» в Буковинский сейм, но не прошел туда. 1 октября 1911 г. на последнем общем собрании общества «Народная Рада» К. Богатырца снова избрали его председателем²². Усиление преследования русофилов в Австро-Венгрии в начале 1914 г., в частности арест по обвинению в шпионаже в пользу России Геровских в Черновцах, не поколебали политических воззрений о. Кассиана.

С приближением военного конфликта между Австро-Венгерской и Российской империями угроза репрессий в отношении старорусинских деятелей Буковины становилась все более ощутимой. И они не заставили себя долго ждать.

В первый же день Первой мировой войны, 1 сентября 1914 г., о. К. Богатырца и его единомышленников арестовали по приказу директора черновицкой полиции К. Тарангула фон Валеуца. Сначала он находился в тюрьме в Черновцах. Через несколько дней была арестована жена о. Кассиана Стефанида. Как неблагонадежную ее отправили в лагерь Телергоф (Штирия), где она пребывала до конца войны. А Кассиан Богатырец сначала был вывезен в концлагерь Санкт-Марьям (Верхняя Австрия), а позднее отправлен в гарнизонную тюрьму в Вене для следствия по делу о государственной измене²³. Следствие продолжалось до апреля 1916 г. Второй венский политический процесс, на котором в качестве обвиняемых проходили К. Богатырец и другие подследственные, проходил без перерыва с 14 сентября 1916 г. по 17 февраля 1917 г. Отца Кассиана вместе с 16 другими общественными деятелями Галиции и Буковины приговорили к смертной казни через повешение. Но обвиняемые подали апелляцию, и дело приняло затяжной характер. Вскоре по амнистии императора Карла I К. Богатырца освободили из тюрьмы и отправили в Грац. Возвратившись на Буковину, он занял прежнее место на приходе в Веренчанке. Надо сказать, что Австро-Венгерская империя к этому времени распалась и Буковина вошла в состав Румынского королевства, аннексировавшего эту территорию в ноябре 1918 г.²⁴

В 1919 г. К. Богатырец стал настоятелем парафии в с. Веренчанка. В 1925 г. его избрали депутатом Епархиального собрания вместе со священником-украинцем Петром Катеринюком. Остальные 58 делегатов были румынами. Он принимал активное участие в работе бюджетной комиссии. В 1929 г. был возведен в сан протопресвитера.

В 1930 г. К. Богатырца перевели на парафию в Кицмань, одновременно назначив благочинным Днестрянского протоиерейства. В 1931 г. был возведен в архипресвитеры-ставрофоры²⁵. В Кицмане он служил до 1940 г. Как авторитетный священник он не раз

избирался депутатом Епархиального собрания, был председателем и референтом бюджетной комиссии. Отстаивал права украинцев в Буковинской митрополии, в том числе право на преподавание в школе религии на родном языке. В 1937 г. как благочинный Днестрянского округа о. Кассиан сопровождал митрополита Виссариона (Пуя) во время канонической визитации надднестрянских сел. При этом он попросил разрешения на издание для украинцев-русинов славянского молитвослова. Митрополит дал устное согласие, но консистория этого не позволила²⁶.

После присоединения к митрополии Буковины и Хотина Марамурешской епархии архипресвитер К. Богатырец по поручению владыки Виссариона ездил туда с миссионерскими проповедями²⁷.

Летом 1940 г., когда в северной части Буковины после ее присоединения к СССР была установлена советская власть, 112 православных священников, в основном румыны, вместе с Митрополичьей консисторией эвакуировались в Румынию, а 132 священника остались в своих приходах. Позднее 109 из них, в основном украинцы, а также несколько румын, не успевших выехать в Румынию, воспользовались немецкой переселенческой акцией²⁸. Покинул СССР из-за негативного отношения советской власти к церкви и архипресвитер К. Богатырец. Вместе с женой Стефанидой, сыном Николаем и дочерью Надеждой ему удалось выехать в Германию, где из-за болезни он задержался на шесть месяцев в монастыре Лейбус в Силезии. Оттуда, благодаря румынской комиссии, о. Кассиан вместе с супругой перебрался в Румынию. Там он некоторое время служил священником в Монтэору²⁹.

После занятия румынскими войсками северной части Буковины в июле 1941 г. и возобновления на этой территории деятельности Буковинской митрополии К. Богатырец, как и большинство священников, вернулся в Черновцы³⁰. Буковинский митрополит Тит (Симедра) определил его духовником в Свято-Введенский женский монастырь в Черновцах (с жалованием 10 000 леев)³¹.

Когда в марте 1944 г. северная часть Буковины снова стала советской, большинство представителей буковинского духовенства вместе с митрополитом Титом эвакуировалось в Румынию, но архипресвитер К. Богатырец и еще около 20 священников остались в крае и продолжали служить на парафиях явочным порядком, полагаясь на те позитивные изменения в сфере государственно-церковных отношений в СССР, которые произошли во время войны. Как старший по рангу клирик он взял на себя временное руководство епархией в Черновцах. В июле 1944 г. он передал управление Черновицкой епархией делегату митрополита Киевского и экзарха

Украины Иоанна (Соколова) протоиерею Евфимию Ковернинскому, который возглавил ее как епархиальный благочинный (а с февраля 1945 г. – как епископ Черновицкий и Буковинский под именем Феодосий)³². 1 августа 1944 г. архипресвитер К. Богатырец подал прошение в Черновицкое епархиальное управление о принятии его вместе с приходом в каноническое общение с Русской православной церковью. Из-за нехватки священников архипресвитер К. Богатырец одновременно служил духовником в Свято-Введенском женском монастыре, а также исполнял функции настоятеля церкви Св. Николая и клирика кафедрального собора³³.

30 августа 1944 г. о. Кассиан овдовел – умерла его супруга Стефанида³⁴. 31 августа она была похоронена в семейном склепе на Черновицком городском кладбище (квартал № 6).

В 1945 г. архипресвитер К. Богатырец написал по поручению епископа Черновицкого и Буковинского Феодосия (Ковернинского) для представления в Св. Синод РПЦ «Краткую историю Буковинской епархии»³⁵. Кроме того, он составил исторические справки о старообрядцах, баптистах, адвентистах, а также о строительстве резиденции буковинских митрополитов по запросу советских властей через Черновицкую епархию и по просьбе дирекции Краеведческого музея в Черновцах³⁶.

В 1946 г. архипресвитер-ставрофор К. Богатырец был награжден митрой³⁷. В том же году от советского правительства за патриотическую деятельность во время войны получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»³⁸.

В мае 1947 г., продолжая работу над обширной «Историей Буковинской епархии», о. Кассиан обратился к епископу Черновицкому и Буковинскому Феодосию с просьбой посодействовать ему в отыскании в архиве Киевской митрополии недостающих для работы материалов, касающихся управления Буковинской епархией в 1914, 1940 и 1944-1945 гг. В начале июня владыка распорядился запросить в архиве Киевской консистории его документы о хиротонии в епископа Черновицкого и Буковинского³⁹.

В конце 1947 г. епископ Феодосий, назначенный на кафедру епископа Кировоградского и Николаевского, рекомендовал патриаршему экзарху Украины митрополиту Киевскому и Галицкому Иоанну в качестве своего преемника на Черновицкую епископскую кафедру кандидатуру архипресвитера К. Богатырца и отзывался о нем как о высокообразованном, добром, заслуженном и авторитетном пастыре, украинце-русофиле по своим взглядам, который как местный уроженец хорошо ориентировался во всех проявлениях религиозной жизни Буковины и знал местные языки (украинский,

русский и румынский)⁴⁰. Однако владыкой о. Кассиана так и не поставили, поскольку в патриархии больше всего ценились церковная дисциплина и послушание, а не личная позиция и ученые аргументы. К тому же в 1946–1947 гг. о. Кассиан имел неосторожность затеять с патриархией затяжную переписку, в которой требовал оставить ему заслуженный еще в Румынской православной церкви сан архипресвитера, в коем он вступил в каноническое общение с Русской православной церковью в августе 1944 г. Ответ патриархии об отсутствии такого сана в Русской церкви и распоряжение впредь именоваться протоиереем К. Богатырец расценил как понижение и унижение его заслуг⁴¹.

В 1954 г. Богатырец был восстановлен в правах гражданина СССР и получил паспорт⁴².

В 1955 г. из-за тяжелой болезни о. Кассиан вышел на пенсию, однако определенных ему пенсионным комитетом 300 рублей в месяц едва хватало на жизнь и оплату квартиры (по ул. Квитки-Основьяненко, 21)⁴³. Будучи больным и находясь в бедственном материальном положении (его дом по ул. Газеты Правда, 19 был национализирован еще в 1949 г., имущества, кроме большой научной библиотеки и денежных накоплений, не было, дополнительных пособий также не получал, а сын и дочь пребывали за границей), К. Богатырец обратился в консисторию с прошением об увеличении пенсии⁴⁴. Принимая во внимание его «высокие заслуги перед церковью и русским народом во времена Австрии», а также научно-исследовательскую работу, в марте того же года епископ Черновицкий и Буковинский Евмений (Хорольский) выхлопотал в пенсионном комитете Московской патриархии для протоиерея К. Богатырца персональную научную пенсию в размене 2000 рублей в месяц, которая была определена пенсионным комитетом для выплаты с 1 апреля 1955 г.⁴⁵

В последние годы жизни о. Кассиан занимался научной деятельностью – работал над историей Черновицкой епархии. Упокоился митрофорный протоиерей К. Богатырец 26 июля 1960 г.⁴⁶ Похороны состоялись 28 июля при огромном стечении духовенства и верующего народа⁴⁷. Погребен в семейном склепе на Черновицком городском кладбище (ул. Зеленая, квартал 6).

После смерти о. Кассиана Богатырца неопубликованная «История Буковинской епархии» хранилась в семье его племянника. Машинописную копию этого труда для публикации любезно предоставила жена племянника о. Кассиана – Евгения Васильевна Горжу.

Переходя к общей характеристике работы и анализу ее содержания, нужно отметить, что собственно историю Буковинской православной

епархии автор предваряет описанием развития исторических событий на территории края. В этой первой части труда исследователь, исходя из имевшихся у него источников и состояния современной ему историографии, рассказывает о заселении края задолго до нашей эры. Далее он останавливается на происхождении названия «Буковина». Давая в целом верную его трактовку и отмечая, что «распространение этого названия на весь край, названный сегодня Буковиной, вошло только со времени присоединения его к Австрийской империи», К. Богатырец, однако, говорит, что оно впервые документально зафиксировано в грамоте молдавского господаря Романа I в 1392 г. Однако это утверждение ошибочно, поскольку в упомянутой грамоте речь идет о «буковине» в цинуте Ботошань (ныне община Вырфу Кымпулуй), и к исторической Буковине она отношения не имеет⁴⁸. Первое документальное упоминание о «больших лесах, которые называются Буковиной», встречается в Любавельском мирном договоре от 15 марта 1412 г. между королем Венгрии Сигизмундом I Люксембургским и польским королем Владиславом Ягелло⁴⁹.

Говоря о древней истории края, автор дал краткую характеристику различным племенам и народам, жившим на территории исторической Буковины до появления там славян. Среди них он упомянул скифов, сарматов, гетов, даков, вестготов, гуннов, гепидов, аваров. Далее исследователь остановился на появлении в крае славянского населения и пребывании этой территории под властью киевских и галицких князей.

Затем К. Богатырец описал процесс поселения в крае волохов из Марамуреша, образования Молдавского государства и основания католического епископства в Сирете. Значительное место в работе автор уделил освещению конфликта между Молдавией и константинопольским патриархом из-за определения Иосифа (Мушата) молдавским владыкой и процесса урегулирования церковных отношений между Сучавой и Константинополем при воеводе Александре Добром. Рассказывает он и об обстоятельствах перенесения из Белгорода в Сучаву мощей св. вмч. Иоанна Нового, приводя при этом цитаты из жития святого, составленного Григорием Цамблаком.

Далее исследователь делает общий обзор Черновицко-Буковинской православной епархии.

Вторая часть труда посвящена освещению вопроса основания Буковинской епархии, история которой началась с Рэдэуцкого епископства. Автор рассмотрел исторические обстоятельства и вопросы датировки открытия епископской кафедры в г. Рэдэуц на юге Буковины.

После этого К. Богатырец сделал экскурс в историю христианизации населения на территории Буковинской епархии, указывая на давние корни этого явления в крае.

Далее автор переходит к истории Рэдэуцкой епархии от ее основания до присоединения Буковины к Австрии (1472-1775). Опираясь в основном на работу Д. Дана «Хроника Рэдэуцкого епископства», исследователь приводит хронологический перечень рэдэуцких владык с короткими биографическими данными и годами их архиерейского служения на кафедре в Рэдэуць.

По сравнению с предыдущей главой более насыщена фактическим материалом третья часть работы, посвященная истории Буковинской епархии во время австрийского правления (1775-1918). В ней автор сосредоточил внимание на вопросах установления границ, изменения церковной юрисдикции бывшей Рэдэуцкой епархии и переименования ее в Буковинскую, рассмотрел обстоятельства ликвидации большинства монастырей и основания Буковинского православного религиозного фонда, рассказал о нормативном упорядочении православной церкви на Буковине, духовном образовании. Отдельно остановился на деятельности буковинских архиереев, церковном строительстве (в частности на постройке кафедрального собора Св. Духа и резиденции буковинских владык), национальной борьбе в церкви между румынами и русинами, гонениях на русофилов со стороны австрийских властей. Много внимания уделил церковно-религиозной жизни в крае в годы Первой мировой войны, описывая репрессии австрийских властей против православного духовенства за симпатии к России. Он представил информацию и о собственном пребывании под следствием в Вене во время второго политического процесса (14 сентября 1916 – 17 февраля 1917 г.). Кроме того, остановился на событиях 1918 г. на Буковине, в частности на обстоятельствах включения края в состав Румынского королевства. Сведения об управлении Буковинской митрополией протоиереем Ф. Титовым – профессором Киевской духовной академии, назначенным в августе 1916 г. представителем протопресвитера военного и морского духовенства в генерал-губернаторстве областей Австро-Венгрии, занятых русской армией во время войны, о. Г. Шавельского в работе отсутствуют. Это указывает на то, что материалов, запрошенных через епископа Феодосия в мае 1947 г. из архива Киевской консистории⁵⁰, о. Кассиан для работы над историей Буковинской епархии так и не получил.

Поэтому, коротко рассказав о восстановлении румынами на мирополичьей кафедре в Черновцах отправленного австрийцами в отставку митрополита Владимира, К. Богатырец переходит к

освещению румынского периода в истории Буковинской епархии. Он останавливается на описании внутренней жизни церкви, деятельности буковинских митрополитов, приводит тексты нормативных актов, которыми руководствовалась церковь в румынский период, акцентирует внимание на тех трудностях, которые переживали тогда украинские священники вследствие давления на них со стороны румынских светских и церковных властей. Говорит о контактах митрополита Буковинского Виссариона с липованами, о возобновлении Марамурешского епископства, включенного как

Похороны о. Кассиана Богатырца в Черновцах.

суфрагия в состав Буковинской митрополии, а также о борьбе с сектантством.

В контексте церковно-религиозной жизни Буковинской епархии К. Богатырец приводит также факты собственного участия в церковной жизни края. Например, описывает свою деятельность по отстаиванию прав украинцев в Епархиальном совете.

Особо автор остановился на обстоятельствах отставки митрополита Виссариона и назначения в мае 1940 г. местоблюстителем Черновицкой кафедры романского епископа Лукиана, а также последующего назначения 13 июня 1940 г. буковинским митрополитом бывшего епископа Хотинского Тита (Симедря).

О епископе Дамаскине (Малюте), который прибыл в Черновцы для налаживания церковной жизни после установления советской власти в июне 1940 г., К. Богатырец не упоминает, говоря лишь о том, что из-за военного положения инвестиция митрополита Буковинского Тита последовала только 13 марта 1941 г., а инсталляция (настолование) состоялась 25 марта 1941 г. в Сучаве, а не в Черновцах, так как Северная Буковина была занята советскими войсками. Отсутствие данных о событиях лета 1940 – весны 1941 г., произошедших в церковной жизни северной части Буковины, опять-таки свидетельствуют о том, что и о епископе Черновицком Дамаскине запрошенную в мае 1947 г.⁵¹ через владыку Феодосия необходимую для работы информацию из Киевской консистории он также не получил.

Остановившись на описании восстановления церковной жизни в Северной Буковине при митрополите Тите, который прибыл в Черновцы 25 июля 1941 г., К. Богатырец доводит повествование об архиерейском служении этого владыки до 1943 г. Далее он дает характеристику ряда религиозных общин, которые проживали на территории Буковинской епархии. В частности, он довольно подробно рассмотрел такие деноминации, как липоване-старообрядцы, римокатолики, армяно-католики, греко-католики (униаты), протестанты, иудеи, а также адвентисты, баптисты, пятидесятники. Заканчивается труд анализом причин перехода православных буковинцев в различные секты.

Очевидно, работа была не завершена, поскольку в описании содержания труда декларировалась также глава, посвященная советскому периоду истории Черновицко-Буковинской епархии. Повидимому, К. Богатырец так и не успел ее написать, но материалы собирал. Об этом свидетельствует уже упомянутый запрос епископу Черновицкому Феодосию от 30 мая 1947 г. с просьбой предоставить ему для работы из Киевской консистории такие материалы, как: «3) Грамота, которой румынская патриархия отказалась от юрисдикции

над православной церковью на территории Черновицкой области; 4) грамота учреждения Черновицко-Буковинской епархии в Черновицкой области; 5) грамота наречения Вашего преосвященства; 6) грамота рукоположения Вашего в епископы; 7) протокол Вашей инсталляции на престол Черновицко-Буковинского епископа»⁵².

И все же основная часть труда, хотя и в черновом варианте, к 1960 г. была написана. Частично работа страдает компилятивностью, но отдельные ее части носят исследовательский характер, в них использованы оригинальные документы, приведены авторские суждения и оценки, порой субъективные, но интересные. Ряд приведенных в труде данных, основанных на личных воспоминаниях

Крест на могиле о. Кассиана Богатырца, поставленный и освященный в декабре 2012 г. Черновицко-Буковинской епархией Украинской православной церкви Московского патриархата. Инициатором сооружения креста выступила Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев).

о событиях конца XIX – первой половины XX в., не только восстанавливает картину церковно-религиозной и общественно-политической жизни Буковинской Руси, но и может служить источником для восполнения пробелов в биографии самого автора работы, а также дает возможность определить его вклад в историю православной церкви Буковины, служению которой он посвятил всю свою жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wickenhauser F. A.* Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina Bd. 4 Geschichte des Bistum Radautz und des Kloster Groß-Skit, Bd. 1. Czernowitz, 1890; *Kaindl R. F.* Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Czernowitz, 1904; *Onciul I. de.* Fondul religionariu gr.-or. al Bucovinei. Substratul, formarea, dezvoltarea și starea lui de față. Reproducere separată de'n Candela 1889-1891. Cernăuți, 1891; *German L.* Problema istorică bisericeii din Bucovina. București, 1914; *Dan D.* Cronica episcopiei Rădăuți cu apendice de documente slavone originale și mai multe ilustrațiuni. Viena, 1912; *Dan D.* Rolul preoției Bucovinene în menținerea Românismlui de la robirea (1775) – la desvobirea Bucovinei (15/XI-1918). Un adaos la istoria bisericii române. Cernăuți, 1925; *Nistor I.* Istoria bisericii din Bukowina și a rostului ei național-cultural în viața românilor bucovineni. București, 1916; *Голубинский Е.* Краткий очерк истории православных церквей: Болгарской, Сербской и Румынской, или Молдо-Валахской. М., 1871; *Мордвинов В.* Православная церковь в Буковине. СПб., 1874; *Арсений, епископ Псковский.* Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904.

2. *Daszkiewicz S.* Die Lage der gr.-or. Ruthenen in der Bukowiner Erzdiocese. Zugleich Antwort auf die «Apologien» des Bukowinaer gr.-or. Mitropoliten Silvestru Morariu-Andriewicz. Czernowitz, 1891; *Воробкевич Э. Е.* Радовецкое православное епископство и его церковь. Историко-археологическая студия // Candela. Foaie bisericeasca-literara. Anul 1897. Cernăuți, 1897. P. 251-259; *Piguliak H.* Die Kirchenfrage in der Bukowina. Czernowitz, 1914; Ткачук І. Церковно-релігійне життя // Буковина – її минуле і сучасне/ під ред. Д. Квітківського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж-Філадельфія-Дітройт, 1956, С. 725-757.

3. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 2. Зв. 6, 9.

4. В 1903 г. это село вошло в состав вновь образованного Вашковского уезда (позднее Вашковского района); ныне – с. Ясены Сторожинецкого района Черновицкой области.

5. Documente bucovinene / Teodor Bălan. București, 1942. Vol. VI. P. 82, 83.

6. Молдавия в эпоху феодализма: переписи населения Молдавии в 1772–1773 и 1774 гг. Кишинев, 1975. Т. VII. Ч. 1. С. 444.

7. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 9.

8. Там само. Арк. 2 зв.

9. *Мирович Р.* Апологет православия перед австрийским военным судом. К 100-летию со дня рождения митрофорного протоиерея д-ра Кассиана Дмитриевича Богатирца (1868 - 1968) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2009. №1 (15). С. 91.

10. *Wurzer R., prof.* Zur Geschichte des k.k. 1. Staatsgymnasiums in Czernowitz. Czernowitz, 1908. S. 30.

11. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 2 зв.

12. Там само. Арк. 4-4 зв.

13. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця // Питання історії України. Збірник наукових статей. Чернівці, 2003. Т. 6. С. 275.

14. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 3, 5, 6.

15. Там само. Арк. 9.

16. Там само. Арк. 6, 9

17. *Мирович Р.* Апологет православия перед австрийским военным судом... С. 91.

18. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця. С. 276; *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці, 1999. С. 221.

19. *Anuarul mitropoliei Bucovinei pe anul 1937.* Cernăuți, 1937. P. 105.

20. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця. С. 276; *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. С. 402; Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 6, 9.

21. *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. С. 400.

22. Там само. С.403-405.

23. *Мирович Р.* Апологет православия перед Австрийским военным судом... С. 92.

24. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця. С. 276.

25. *Anuarul mitropoliei Bucovinei pe anul 1937.* Cernăuți, 1937. P. 105; Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 5.

26. *Ткачук І.* Церковно-релігійне життя. С. 747.

27. Там само.

28. *Moraru P.* Bucovina sub regimul Antonescu (1941-1944). P. II. Politica/Invatamint. Cultura. P. 45-46; *Ткачук І.* Церковно-релігійне життя. С. 752.

29. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 6.

30. Там само.

31. Там само. Арк. 9, 35.

32. *Яремчук С.* Православна Церква на Буковині у радянську добу (державно-церковні взаємини). Чернівці, 2004. С. 38.

33. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 9, 10.

34. Там само. Арк. 2 зв.

35. Там само. Арк. 19, 30.

36. Там само. Арк. 28-29, 53.

37. Там само. Арк. 6.

38. Там само. Арк. 12-12 зв.

39. Там само. Арк. 19-19 зв.

40. Там само. Арк. 7, 22.

41. Там само. Арк. 13, 14-18, 20-21.

42. Там само. Арк. 38.

43. Там само. Арк. 51.

44. Там само. Арк. 25, 51.

45. Там само. Арк. 42, 43, 44-44 зв., 52-52 зв., 53-53 зв.

46. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця. С. 280.

47. *Мирович Р.* Апологет православия перед Австрийским военным судом... С. 94.

48. *Mihaescu R.* Bucovina și Basarabia: (pornind de la numele lor). Iași, 2000. P. 47.

49. *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) [Кол. моногр.] / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 2005. С.140-141; *Mihaescu R.* Bucovina și Basarabia (pornind de numele lor). Iași, 2000. P. 53.

50. Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа митрофорного протоієрея Кассіяна Дмитровича Богатирця (1868-1960). Арк. 19.

51. Там само. Арк. 19 зв.

52. Там само. Арк. 19 зв.

References

1. *Wickenhauser F. A.* Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina Bd. 4 Geschichte des Bistum Radautz und des Kloster Groß-Skit, Bd.1, Czernowitz, 1890 [in German]; *Kaindl R. F.* Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Czernowitz, 1904 [in German]; *Onciul I. de.* Fondul religionarului gr.-or. al Bucovinei. Substratul, formarea, dezvoltarea și starea lui de față. Reproducere separată de'n Candelă 1889-1891, Cernăuți, 1891 [in Romanian]; *German L.* Problema istorică a bisericii din Bucovina, București, 1914 [in Romanian]; *Dan D.* Cronica episcopiei Rădăuți cu apendice de documente slavone originale și mai multe ilustrațiuni. Viena, 1912 [in Romanian]; *Dan D.* Rolul preoției Bucovinene în menținerea Românismlui de la robirea (1775) – la desvobirea Bucovinei (15/XI-1918), Un adaos la istoria bisericii române, Cernăuți, 1925 [in Romanian]; *Nistor I.* Istoria bisericii din Bukowina și a rostului ei național-cultural în viața românilor bucovineni, București, 1916 [in Romanian]; *Golubinskiy E.* Kratkiy ocherk istorii pravoslavnykh tserkvey: Bolgarskoy, Serbskoy i Rumynskoy ili Moldo-Valashskoy [Short Essay on the History of the Orthodox Churches: the Bulgarian, Serbian, Rumanian and Moldo-Wallachian]. M., 1871 [in Russian]; *Mordvinov V.* Pravoslavnaya tserkov' v Bukovine [The Orthodox Church in Bukovina], SPb., 1874 [in Russian]; *Arseniy, episkop Pskovskiy.* Issledovaniya i monografii po istorii Moldavskoy tserkvi [Research and Monographs about the History of the Moldavian Church], SPb., 1904 [in Russian].

2. *Daszkiewicz S.* Die Lage der gr.-or. Ruthenen in der Bukowiner Erzdiocese. Zugleich Antwort auf die «Apologien» des Bukowinaer gr.-or. Mitropoliten Silvestru Morariu-Andriewicz, Czernowitz, 1891; *Vorobkevich E. E.* Radovetskoe pravoslavnoe episkopstvo i ego tserkov' [The Orthodox Bishopric of Radautz and Its Church], Istoriko-arkheologicheskaya studiya, Candelă, Foai bisericeasca-literara, anul 1897, Cernăuți, 1897, pp. 251-259 [in Russian]; *Piguliak H.* Die Kirchenfrage in der Bukowina. Czernowitz, 1914 [in German]; *Tkachuk I.* Tserkovno-religiynye zhittya [Church-Religious Life], Bukovina – ii minule i suchasne, pid red. D. Kvitkov'skogo, T. Brindzana, A. Zhukov'skogo, Parizh-Filyadel'fiya-Ditroyt, 1956, pp. 725-757 [in Ukrainian].

3. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koï eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitroforonogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], pp. 2 t.o., 6, 9 [in Russian].

4. Advanced comment.

5. Documente bucovinene / Teodor Bălan, București, 1942, vol. VI, pp. 82, 83 [in Romanian].

6. Moldaviya v epokhu feodalizma: perepisi naseleniya Moldavii v 1772–1773 i 1774 gg. [Moldavia during the Epoch of Feudalism and the Census of the Population of Moldavia 1772-1773/74], Kishinev, 1975, t. VII, part 1, p. 444 [in Russian].

7. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koï eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitroforonogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960)

[The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], p. 9 [in Russian].

8. Ibid., p. 2 t.o.

9. *Mirovich R.* Apologet pravoslaviya pered avstriyskim voennym sudom. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya mitrofornogo protoiereya d-ra Kassiana Dmitrievicha Bogatyrtsa (1868 - 1968) [Apologist of Orthodoxy before the Austrian Military Court. On the 100th Birthday of Mitred Archpriest Dr. Kassian Dimitrievich Bohatyrets (1868-1968)] [Apologist of Orthodoxy before the Austrian Military Court. On the 100th Birthday of Mitred Archpriest Dr. Kassian Dimitrievich Bohatyrets (1868-1968)], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak. Kishinev, 2009. № 1 (15), p. 91 [in Russian].

10. *Wurzer R., prof.* Zur Geschichte des k.k. 1. Staatsgymnasiums in Czernowitz. Czernowitz, 1908, p. 30 [in German].

11. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofornogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], p. 2 t.o. [in Russian].

12. Ibid., pp. 4-4 t.o.

13. *Yaremchuk S.* Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiana Bogatirtsya [The Path of Life of the Orthodox Priest Kassian Bohatyrets], Pitannya istorii Ukraїni. Zbirnik naukovikh statey, Chernivtsi, 2003, t. 6, p. 275 [in Ukrainian].

14. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofornogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], pp. 3, 5, 6 [in Russian].

15. Ibid., p. 9.

16. Ibid., pp. 6, 9

17. *Mirovich R.* Apologet pravoslaviya pered Avstriyskim voennym sudom. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya mitrofornogo protoiereya d-ra Kassiana Dmitrievicha Bogatyrtsa (1868-1968) [Apologist of Orthodoxy before the Austrian Military Court. On the 100th Birthday of Mitred Archpriest Dr. Kassian Dimitrievich Bohatyrets (1868-1968)], p. 91 [in Russian].

18. *Yaremchuk S.* Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiana Bogatirtsya [The Path of Life of the Orthodox Priest Kassian Bohatyrets], p. 276 [in Ukrainian]; *Dobrzshans'kiy O.* Natsional'niy rukh ukraїntsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st. [The National Movement of the Ukrainians of Bukovina in the 2nd half of the 19th C. - beginning of the 20th C.], Chernivtsi, 1999, p. 221 [in Ukrainian].

19. Anuarul mitropoliei Bucovinei pe anul 1937, Cernăuți, 1937, p. 105 [in Romanian].

20. *Yaremchuk S.* Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiana Bogatirtsya [The Path of Life of the Orthodox Priest Kassian Bohatyrets], p. 276 [in Ukrainian]; *Dobrzshans'kiy O.* Natsional'niy rukh ukraїntsiv Bukovini drugoi

polovini XIX – pochatku XX st. [The National Movement of the Ukrainians of Bukovina in the 2nd half of the 19th C. - beginning of the 20th C.], p. 402 [in Ukrainian]; Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofnogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], p. 6, 9 [in Russian].

21. *Dobrzans'kiy O.* Natsional'niy rukh ukraїntsiiv Bukovini drugoї polovini XIX – pochatku XX st. [The National Movement of the Ukrainians of Bukovina in the 2nd half of the 19th C. - beginning of the 20th C.], p. 400 [in Ukrainian].

22. *Ibid.*, pp. 403-405.

23. *Mirovich R.* Apologet pravoslaviya pered Avstriyskim voennym sudom. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya mitrofnogo protoiereya d-ra Kassiana Dmitrievicha Bogatyrtsa (1868-1968) [Apologist of Orthodoxy before the Austrian Military Court. On the 100th Birthday of Mitred Archpriest Dr. Kassian Dimitrievich Bohatyrets (1868-1968)], p. 92 [in Russian].

24. *Yaremchuk S.* Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiana Bogatirtsya [The Path of Life of the Orthodox Priest Kassian Bohatyrets], p. 276 [in Ukrainian].

25. Anuarul mitropoliei Bucovinei pe anul 1937, Cernăuți, 1937, p. 105 [in Romanian]; Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofnogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960), p. 5 [in Russian].

26. *Tkachuk I.* Tserkovno-religiynе zhittya [Church-Religious Life], p. 747 [in Ukrainian].

27. *Ibid.*

28. *Moraru P.* Bucovina sub regimul Antonescu (1941-1944). P. II. Politica/ Invatamint. Cultura. P. 45-46 [in Romanian]; *Tkachuk I.* Tserkovno-religiynе zhittya [Church-Religious Life], p. 752 [in Ukrainian]

29. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofnogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], p. 6.

30. *Ibid.*

31. *Ibid.*, pp. 9, 35.

32. *Yaremchuk S.* Pravoslavna Tserkva na Bukovini u radyans'ku dobu (derzhavno-tserkovni vzaemini) [Orthodox Church in Bukovina in Soviet times (state-church relations)], Chernivtsi, 2004, p. 38 [in Ukrainian].

33. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitrofnogo protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], pp. 9, 10 [in Russian]

34. *Ibid.*, p. 2 t.o.

35. *Ibid.*, pp. 19, 30.

36. *Ibid.*, pp. 28-29, 53.

37. Ibid., p. 6.
38. Ibid., pp. 12-12 t.o.
39. Ibid., pp. 19-19 t.o.
40. Ibid., pp. 7, 22.
41. Ibid., pp. 13, 14-18, 20-21.
42. Ibid., p. 38.
43. Ibid., p. 51.
44. Ibid., pp. 25, 51.
45. Ibid., pp. 42, 43, 44-44 t.o., 52-52 t.o., 53-53 t.o.
46. *Yaremchuk S.* Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiana Bogatirtsa [The Path of Life of the Orthodox Priest Kassian Bohatyrets], p. 280 [in Ukrainian]
47. *Mirovich R.* Apologet pravoslaviya pered Avstriyskim voennym sudom. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya mitroforного protoiereya d-ra Kassiana Dmitrievicha Bogatyrtsa (1868-1968) [Apologist of Orthodoxy before the Austrian Military Court. On the 100th Birthday of Mitred Archpriest Dr. Kassian Dimitrievich Bohatyrets (1868-1968)], p. 94 [in Russian]
48. *Mihaescu R.* Bucovina și Basarabia: (pornind de la numele lor), Iași, 2000, p. 47 [in Romanian].
49. *Masan O.M.* Bukovina yak ob'ekt mizhnarodnikh vidnosin z davnikh chasiv do 1774 r. [Bukovina as an Object of International Relations from Ancient Times to 1774], Bukovina v konteksti evropeys'kikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini XX st.) [Kol. monogr.], V.M. Botushans'kiy, S.M. Gakman, Yu.I. Makar ta in. Za zag. red. V.M. Botushans'kogo. Chernivtsi, 2005, pp. 140-141; *Mihaescu R.* Bucovina și Basarabia (pornind de numele lor). Iași, 2000, p. 53 [in Ukrainian].
50. Potochniy arkhiv Chernivets'ko-Bukovins'koï eparkhii UPTs. Arkhivna sprava mitroforного protoiereya Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsa (1868-1960) [The Archive of the Chernovtsy-Bukovinian Diocese of the UOC. The Archival Affairs of Mitred Archpriest Kassian Bohatyrets (1868-1960)], p. 19 [in Russian].
51. Ibid. p. 19 t.o.

Чучко Михаил Константинович - доктор исторических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

e-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Chuchko Mykhaylo - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

e-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal «Rusin», President of the Association «Rus'» (Republic of Moldova).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии» **<http://www.rusyn.md>**

На сайте размещены монография «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (pdf), все номера журнала «Русин» (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.

УДК 930.85+801.81
DOI: 10.17223/18572685/35/12

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРЕДАНИЕ С ОСТРОВА РЮГЕН

В.И. Меркулов

Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар»
e-mail: mail@pereformat.ru
ResearcherID: E-5671-2014
Scopus Author ID: 55848349600
<http://orcid.org/0000-0003-0555-0813>
SPIN-код: 1519-7585

Авторское резюме

В этой статье представлены краткие результаты исследования, в котором была предпринята попытка найти исторические параллели сюжета известной пушкинской «Сказки о царе Салтане». Автор проанализировал конспективные записи А.С. Пушкина, сделанные со слов няни поэта Арины Родионовны, и пришёл к выводу, что в основе произведения лежит древнее устное предание, пришедшее на Русский Север из южнобалтийского региона.

Ключевые слова:

Сказка о царе Салтане, Александр Сергеевич Пушкин, славяне, варяги, Русский Север, Рюген, фольклор.

The ancient Russian legend from Rügen

V.I. Merkulov

PhD., coordinator of the public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
e-mail: mail@pereformat.ru

Abstract

This article presents a summary of the study, which was an attempt to find historical parallels the plot known Pushkin's «The Tale of Tsar Saltan». The author analyzed Pushkin's synoptic from the words of his nanny Arina's, and concluded that the basis of the product is an ancient folklore tradition that has come to the Russian North from the South Baltic region.

Keywords: The Tale of Tsar Saltan, Alexander Pushkin, Slavs, Varyags, Russian North, Rügen, folklore.

Творчество Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) неизменно привлекает к себе внимание, и особую роль в нём играют замечательные сказки, воспринятые поэтом из фольклора и переработанные в литературном стиле. Одна из самых известных пушкинских сказок – «Сказка о царе Салтане». Остров Буян и мудрый царь Гвидон, тридцать три богатыря и белочка с золотыми орешками – эти образы сразу оживают в памяти...

Исследователи не раз предпринимали попытки приблизить «Сказку о царе Салтане» к историческим реалиям, стремились переложить её действие на географическую карту. Но многие из них уже свыклись с мыслью, что это почти бесполезно, – слишком иносказательным кажется, на первый взгляд, это пушкинское произведение. Литературовед М.К. Азадовский, например, отмечал, что «очень труден вопрос об источниках «Сказки о царе Салтане»¹.

Известно, что несколько сказочных сюжетов Пушкин записал со слов своей няни Арины Родионовны. Первым в его тетради был текст, положенный в основу «Сказки о царе Салтане», которая и открывала цикл пушкинских сказок. П.И. Бартенев писал: «Арина Родионовна мастерски рассказывала сказки, сыпала пословицами, поговорками, знала народные поверия и бесспорно имела большое влияние на своего питомца, не истреблённое потом ни иностранцами гувернёрами, ни воспитанием в Царскосельском лицее»².

Арина Родионовна передала Пушкиноте сказки, которые бытовали у неё на родине. П.В. Анненков отмечал, что «весь сказочный русский мир был ей известен»³. На Русском Севере, откуда была родом няня поэта, веками сохранялась мифологическая традиция, восходившая к Древней Руси. Исторически Русский Север был тесно связан с южно-балтийским побережьем. В начале VIII в. древнерусская Ладога была основана варягами – выходцами из балтийского региона, из области Вагрия в восточном Гольштейне. Летописец написал о том, что новгородцы происходили «отъ рода варяжска». Позднее эти колонизаторы проникали в глубь страны и дошли до берегов Белого моря.

Сегодня появляется всё больше исторических свидетельств о происхождении древнерусских варягов с южнобалтийского побережья. Постепенно уходит в прошлое шведский политический миф XVII–XVIII вв., который приписывал к Швеции и сказочную Гиперборею, и легендарных готов, а заодно варягов – основателей русской государственности. Будучи выходцами из Вагрии, варяги-русы распространили своё влияние на всю Южную Балтику, которое сохранялось

вплоть до XII-XIII вв. Переселившихся позднее в Псков и в Новгород их потомков называли «выезжими от Прус» или «от Немец». Кстати, от одного из таких переселенцев, «мужа честна» Ратши, вёл своё происхождение род Пушкиных.

Так на Русский Север приходили мифы, легенды и сказания, сложившиеся в балтийском регионе. Живой носительницей этой традиции и была няня. Она родилась 10 апреля 1758 г. в деревне Лампово, расположенной в области, принадлежавшей некогда древнему Новгороду, потом Швеции, а затем снова России. До Северной войны ближайшие предки Арины Родионовны, как и многие русские из тех мест, фактически были шведскими подданными. Они жили в изоляции от остального Русского мира, бережно сохраняя своё культурное наследие, помня древнейшие предания, уходившие корнями в глубь веков.

В 1831 г. работа над «Сказкой о царе Салтане» была завершена. При её написании Пушкин и обратился к своим конспективным заметкам, сделанным со слов Арины Родионовны. В основе сказки, вне сомнения, лежало древнее предание, повествовавшее об островном государстве, состоявшем из города-крепости, которое охранялось береговой стражей и вело международную торговлю.

Завязка сказочного сюжета начинается с того, что молодая царица пала жертвой придворного заговора, пока царь был на войне. Её вместе с новорожденным сыном приказали заточить в бочку и бросить в море, обрекая на смерть. Но морские волны вынесли несчастных на чудесный остров, где возмужавший царевич Гвидон построил город и стал в нём править.

Название острова Пушкин воспринял из русской народной традиции – Буян. В древнерусском языке так именовали *высокое место, холм, бугор*, а также *возвышенное место для богослужения*. В «Слове Даниила Заточника» Буян – это холм, гора. Так могли называть и гору на острове, возвышавшуюся среди пучины в море. В севернорусских говорах Буян также связан с водой, морем. Напрашивается сравнение с современным словом «буй», которым обозначают *сигнальный маячок, возвышающийся над водой*. Владимир Иванович Даль указывал на то, что в древности словом Буян называли *пристань, торг, возвышенность*⁴. Всё это подтверждается строками пушкинской сказки, в которой показан город на горе посреди моря, с пристанью и торгом, святыщами и храмами.

В русском фольклоре образ острова Буяна широко распространён. Многие заговоры, отражавшие дохристианскую картину мира, начинались со слов: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь». Именем этого загадочного камня

скреплялось заклинание. Впрочем, исследователи фольклора давно отмечали, что «камень Алатырь» тоже связан с Балтикой. Сможем ли мы найти параллели?

В современной Северной Германии расположен Рюген – самый крупный остров на Балтийском море. Вендское название – Руян. Его древним населением были руги, которых готский хронист Иордан называл, например, «островными ругами» (*ulmerugi, holmrygir*)⁵. Точно так же, как спустя несколько веков немецкий хронист именовал древнерусскую княгиню Ольгу «королевой ругов» (*reginae Rugorum*). Многочисленные источники неоднократно называли русских ругами – и наоборот. Римский папа Бенедикт XI, например, называл князей острова Рюген Самбора и Витслава III «князьями русов» (*principibus Russianorum*)⁶. Династия этих «русских» князей пресеклась в 1325 г.

Природной достопримечательностью Рюгена является меловая скала «Королевский трон», возвышающаяся над морем на 118 м. По старой легенде, чтобы подтвердить свой титул и право на власть, будущий король должен был со стороны моря подняться от её подножия к вершине. Священная белая скала как бы утверждала своим незыблемым величием священное право. Память об этом «белом камне Алатыре» сохранилась в русской традиции с тех времён.

Северная оконечность острова Рюген далеко выдаётся в море. Мыс с отвесными меловыми утёсами ещё в древности получил название Аркона, которое дословно означает «белая гора» (от индоевропейского *ar, arya* – белый, благородный и *конь* – гора). В древности на Арконе находился храм Святовита, которому приносили дары правители и жертвовали часть товаров купцы.

Датский хронист Саксон Грамматик писал: «Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга он ограждён природной защитой... с западной стороны его защищает высокая насыпь в пятьдесят локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается прекрасный деревянный храм, почитаемый не только благодаря великолепию своего зодчества, но и благодаря величию бога, которому здесь был воздвигнут идол»⁷.

Гельмольд называл Аркону главным городом, столицей острова⁸. Культ Святовита здесь был настолько силен, что даже после крещения пришлось подменить его вымышленным культом святого Вита. В 1168 г. Аркону разрушил датский король Вальдемар I.

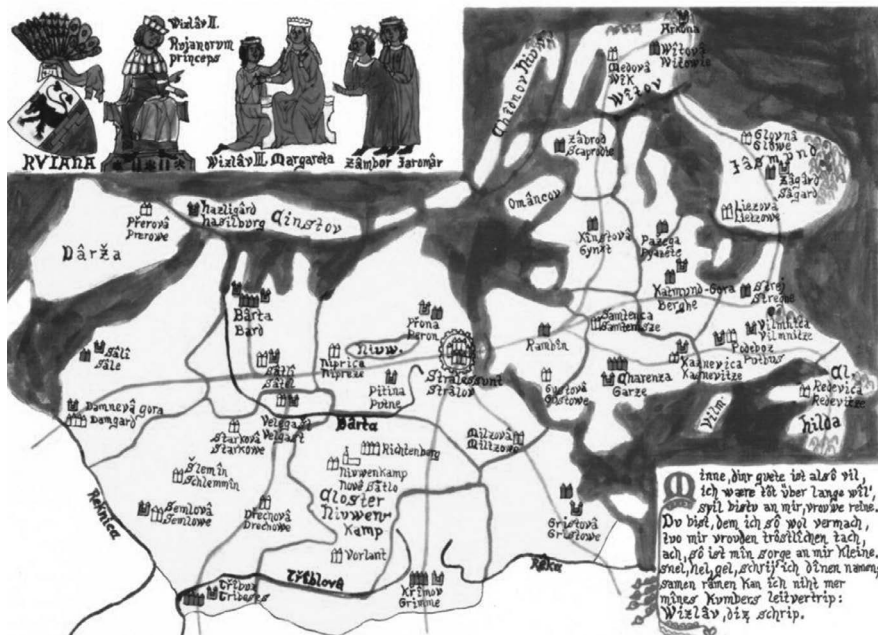
Б. Лисин писал об одной жительнице Рюгена, которая носила фамилию Голицына (позднее – известный российский дворянский род) и умерла в 1402 г.⁹ В разных источниках упоминаются и другие потомки древнего населения острова, которые долгое время сохраняли свои традиции. По сей день об этом напоминает рюгенская топонимика, которая имеет славянские и русские корни.

Память о древнем острове Руяне сохранялась и после того, как он попал под датское и впоследствии шведское господство. Эта память жила в севернорусской фольклорной традиции, в этнокультурной среде, связанной с Прибалтикой. Имя «Руян» получило в народе поэтический эпитет «Буян».

Сравнение сказочного Буяна с реальным Руян-Рюгеном напрашивается и в связи с ещё одной важной деталью, попавшей в пушкинский текст из сказания Арины Родионовны. Это сюжет о чудесных богатырях, выходящих из моря, чтобы оберегать покой города и его жителей. В записях Пушкина читаем: «Царевич... идёт к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик» - остров охраняют тридцать богатырей, братьев Гвидона, и старик¹⁰.

А теперь сравним с описанием языческого храма Святовита у хрониста Саксона Грамматика – очевидца разрушения Арконы: «Каждый житель острова [Рюген] обоих полов вносил монету для содержания храма [Святовита]. Ему также отдавали треть добычи и награбленного... В его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые всё добываемое насилием и хитростью вручали верховному жрецу»¹¹.

Триста воинов Святовита были отборной гвардией, на плечах ко-

Княжество Рюген в 1300-е гг.

Источник: <http://www.wizlaw.de/html/rujana.html>

торой лежала священная обязанность охраны святылища и острова. Позднее в русском Новгороде были известны триста «золотых поясов» – боярская верхушка, в руках которой находилась реальная власть над средневековой Новгородской республикой. Совету трёхсот «золотых поясов» фактически подчинялись и князь, и посадник, и архиепископ. Они же решали все важнейшие вопросы жизни Новгорода, которые позже выносились на народное собрание – вече.

Имя *Гвидон* Пушкин заимствовал, по всей видимости, из «Сказания о Бове-королевиче». Оно широко известно и в эпосе, обращение к которому позволяет восполнить образ. Легенда о Бове повествует о «добром короле Гвидоне», которого обманом умертвил коварный король Додон, захвативший власть в его стране. Этот Гвидон правил «в великом государстве, в славном городе Антоне»¹². Поздние пересказчики уже не помнили древнего названия Аркона и подменили его более близким и понятным – Антон. Важно, что упоминания об Арконе-Антоне в «Сказании о Бове-королевиче» отнюдь не фрагментарны, как обычно бывает в сказках. Антон – это стольный город королевства, вокруг которого кипит борьба за власть. Бова мстит убийце своего отца Додону и возвращает себе королевский престол.

Приведённые свидетельства позволяют в полной мере переосмыслить то значение «Сказки о царе Салтане», которое она имеет для русской и мировой культуры. А оно несомненно велико! Пусть Пушкин и изменил некоторые детали, добавил долю поэтического вымысла, но он сохранил неизменной основу древнего предания, пришедшего, по всей видимости, с острова Рюген.

Сегодня «Сказка о царе Салтане» стала своего рода символом русской культуры, она живёт на всей территории Русского мира – от Русского Севера до Карпато-Днестровских земель, от Москвы до Сибири и Дальнего Востока. Её знают, помнят, любят. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда пять лет назад вологодский областной Театр кукол «Теремок» показал спектакль «Сказка о царе Салтане» в Ужгороде в рамках фестиваля «Интерлялька», его с благодарностью приняли не только дети, но и взрослые. Это произведение, переданное А.С. Пушкину и всем нам Ариной Родионовной, не имеет возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Временник пушкинской комиссии. 1936. Ч. 1. С. 150.
2. Бартенев П.И. Род и детство Пушкина // О Пушкине. М., 1992. С. 57.
3. Анненков П.В. Материалы для биографии Пушкина // Соч. Пушкина. Т. I. СПб., 1855. С. 4.

4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1994. С. 138.
5. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. Прим. 59, 64.
6. *Тургенев А.И.* Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек. Т. 1. СПб., 1841. С. 351.
7. *Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum. Copenhagen, 1931. P. 466.
8. *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 238.
9. *Лисин Б.* Откуда родом Рюрик? // Литературная Россия, № 5 от 5 февраля 1988. С. 22.
10. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. III. М.-Л., 1949. С. 457.
11. *Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum. P. 467.
12. Сказка о Бове Королевиче / Переложение С. Сметанина. Surgut, 1999.

References

1. *Azadovskiy M.K.* Istochniki skazok Pushkina, Vremennik pushkinskoy komissii, 1936, ch. 1, p. 150 [in Russian].
2. *Bartenev P.I.* Rod i detstvo Pushkina, O Pushkine, M., 1992, p. 57 [in Russian].
3. *Annenkov P.V.* Materialy dlya biografii Pushkina, Soch. Pushkina, t. I, SPb., 1855, p. 4 [in Russian].
4. *Dal' V.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, t. I, M., 1994, p. 138.
5. *Iordan.* O proiskhozhdenii i deyaniiakh getov. SPb., 2001, prim. 59, 64 [in Russian].
6. *Turgenev A.I.* Akty istoricheskie, otnosyashchiesya k Rossii, izvlechennye iz inostrannykh arkhivov i bibliotek, t. 1, SPb., 1841, p. 351 [in Russian].
7. *Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum, Copenhagen, 1931, p. 466 [in Latin].
8. *Gel'mol'd.* Slavyanskaya khronika, M., 1963, p. 238, N 5 ot 5 fevralya 1988, p. 22 [in Russian].
10. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochineniy v 10 tomakh., t. III. M.-L., 1949, p. 457 [in Russian].
11. *Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum, p. 467 [in Latin].
12. Skazka o Bove Koroleviche, Perelozhenie S. Smetanina., Surgut, 1999 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич – кандидат исторических наук, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар».

e-mail: mail@pereformat.ru

Merkulov Vsevolod – Candidate of Historical Sciences, coordinator of the public and scientific project «Russian-German Historical Seminar».

e-mail: mail@pereformat.ru

УДК 94(477) "12 ст"
DOI: 10.17223/18572685/35/13

ЩОДО ОДНОГО «ТЕМНОГО» МІСЦЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ІГОРЕВІМ»

В.Б. Звагельський

SPIN-код автора: РИНЦ 1921-5422

Сумский государственный университет (Украина)

40007, Украина, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.

e-mail: starovina@bigmir.net

Авторское резюме

В гениальном произведении древнерусской культуры «Слове о полку Игореве» и в Ипатьевской летописи упоминается город Плиснеск. Проблеме его локализации посвящены многие работы. Сложность заключается в том, что если с летописным городом в основном все ясно, то с локализацией Плиснеска, упоминаемого в «Слове...», возникает множество проблем. В статье анализируется многолетняя история вопроса, уточняются и дополняются три существующие версии и гипотезы (галицкая, киевская, лингвистическая) и на основе топонимики и материалов археологии обосновывается четвертая (путивльская). Преимущество последней, в отличие от трех предыдущих, заключается в том, что она полностью соответствует географии событий, описанных в «Слове...».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», князь Игорь Святославич, Плиснеск, историческая география, археология, сейм.

Concerning one «obscure place» in «The Tale of Igor's campaign»

V.B. Zvangel's'kiy

Sumy State University (Ukraine)

2, Rimskogo-Korsakova st., Sumy city, Sumy region, Ukraine, 40007

e-mail: starovina@bigmir.net

Abstract

In the genius work of Old Russian culture «The Tale of Igor's Campaign» and in Hypatian Codex the city Plisnesk is mentioned. Many works are dedicated to the problem of its localization. The difficulty is that, if it is all clear with the localization

of the city mentioned in Hypatian Codex, there is still lot of problems concerning the localization of the city mentioned in «The Tale of Igor's Campaign». In this article the longstanding history of the problem is analyzed, three existing versions and theories (Galician, Kievan and Linguistic) are specified and elaborated, and, on the basis of toponymy and archeological materials, the fourth theory (Putivlian) is reasoned. The advantage of the latter is that, unlike the previous three, it fully corresponds with the geography of the events described in «The Tale of Igor's Campaign».

Keywords: «The Tale of Igor's Campaign», Prince Igor Svyatoslavich, Plisnesk, historical geography, archeology, the Seym River.

Геніальний твір давньоруської культури «Слово о полку Ігоревім» привертає увагу науковців вже понад два століття. Як відомо, оригінальний текст загинув під час московської пожежі 1812 р., тому все подальше його вивчення здійснюється на основі цього видання та рукописної копії, створеної для імператриці Катерини II.

Власне ж похід сіверських полків під проводом новгород-сіверського князя Ігоря Святославича досліджується ще й на підставі розлогих оповідей Іпатіївського та Лаврентіївського літописів та «Истории Российской» В.М. Татищева. Втім, з урахуванням величезних здобутків вчених, проблема розкриття деяких «темних» місць тексту «Слова», ще продовжує зберігати високий рівень актуальності. Зокрема, ціла низка історико-географічних об'єктів потребує надійної прив'язки до конкретної місцевості. Зовсім не локалізовані, згадувані у давньоруських текстах річки Сальниця, Сюурлій, горезвісна Каяла, загадковий Шеломянь. Триває гостра полеміка і щодо розташування міста Пліснеськ, що згадується в одному з самих складночитаемих місць «Слова...». Це місце, за влучним висловом М.Ю. Брайчевського, «скандализирующее исследователей»¹, зустрічається у відомому «мутному», тобто темному, незрозумілому сні великого київського князя Святослава Всеволодовича: «Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху, у Плесньска на болони, беша дебръ Кисаню, и не сошлю къ синему морю»². З таким же набором слів, але з іншою пунктуацією міститься цей фрагмент і у катерининській копії. Тільки назва міста подана «у Пленьска».

Цей фрагмент не без підстав вважають зіпсованим. Пропонується багато різних тлумачень, але все ж залишаються не до кінця зрозумілими і «босуви врани» (бісові або сірі вовки), і «дебръ кисаню» або «дебрьськи сани» (болотні змії або похоронні сани), і хто кого чи що несе до синього моря? Прочитання цього місця дещо прояснюється майже паралельними фразами з тлумачення боярами сну Святослава: «врани възграяху» перегукуються зі словами «Готския красныя девы вспеша», «босуви врани» - з «время бусово». Певне співзвуччя спостерігається і у словосполученнях «дебръ Кисаню»

та «месть Шароканю». Синє море згадується в обох випадках. По кожному з цих слів існує велика література з багатьма варіантами дефініцій, що дозволяють досить довільно трактувати смисл аналізованого місця.

Відносно зрозумілим у сні Святослава і в останніх його рядках є те, що йдеться про велику біду, про передчуття смерті. Святослав Всеволодович, який у цей час реально перебуває у Києві на горах, грізний і великий, зі срібною бородою, бачить себе не у столиці, а десь біля Пліснеська та ще й «на болоні», тобто десь за городом, у низькому місці, і не на золотому столі київському, а у погребальних саях, що несуть його до синього моря - у даному випадку - символу «того світу», очевидно, до половців у полон. Всі події хронологічно розмиті, дійові особи і географічні прив'язки піддаються визначенню лише умовно, з великою часткою гіпотетичності. Єдиною реалією всього цього місця є географічний орієнтир - події відбуваються біля Пліснеська «на болоні».

Вченими давно встановлено, що усі імена, географічні назви, події у «Слові...» мають під собою реальне підґрунтя. Цей геніальний твір, як і вся давньоруська література, не знає вимислу, фантазій. Усі сюжетні лінії, кожен образ, навіть пейзажні картини, чітко підпорядковані логіці розгортання подій в оповіді, задуму великого автора. Помилки або випадковість виключаються.

Отже, щоб з'ясувати, де відбувалися ті події, які князь Святослав бачить уві сні, треба встановити, де розташовувався Пліснеск. Погляди дослідників на це питання досить суперечливі - від упевненої локалізації на конкретній території до іншого словоподілу тексту, в результаті якого зникає сама назва і з'являються інші слова. Такі різні погляди авторів загалом вже згрупувалися, і тепер відкривається можливість на їхній основі сформулювати три існуючі нині гіпотези.

Таким чином, у системному аналізі існуючих поглядів та обґрунтуванні ще однієї гіпотези, що торкається питання локалізації Пліснеська, ми і вбачаємо завдання цієї статті. Але спочатку розглянемо існуючі гіпотези.

Гіпотеза перша - галицька

Найбільш давня гіпотеза - галицька, яку запропонували ще перші видавці у 1800 р., з посиланням на В.М. Татищева. У примітках вони зазначили: «Город Галичского княжества, смежный с Владимирским на Волыне». З деякими варіаціями та уточненнями до цієї точки зору приєдналися М.М. Карамзін, П.П. Вяземський, О.М. Огоновський, М.П. Барсов, Р. Заклинський, В. Щурат³.

В основу цієї точки зору покладено згадку Пліснеська в Іпатіївському літописі під 1188 р., де йдеться про те, що волинський князь Роман Мстиславич, готуючись до походу на Галич, направив своїх воїв

до Пліснеська (в інших списках літопису назву подано: Пресньск, Преснеск, Пленск). Взяти місто не вдалося - військо Романа було відбито уграми та галичанами⁴. Ще одна літописна згадка датується 1232 р.⁵

Цей літописний Пліснеськ пов'язується багатьма істориками з городищем біля с. Підгірці Бродівського району Львівської області.

У 1940 р. на городищі проводив розкопки Я. Пастернак. На основі археологічних досліджень вчений досить переконливо доводив, що цей об'єкт був пов'язаним з варягами і що у літописі і «Слові...» йдеться про одне місто⁶.

Особливо послідовно впродовж багатьох років обгрунтовував цю точку зору археолог М.П. Кучера. Дослідник підкреслював, що ототожнення городища біля с. Підгірці з давньоруським містом цілком відповідає літописним даним щодо місцеположення цього «города», тому що до 1946 р. тут знаходився монастир, який раніше звався Плесницьким, а нині хутір, розташований на городищі, зветься Пліснесько. Отже, «можна думати, що «Плеснеск» «Слова...» - это древнерусский город Плеснеск»⁷.

Ще одним вагомим аргументом на користь галицької гіпотези є те, що частина Пліснеського городища і нині зветься, як зазначає М.П. Кучера, «Кисарки (Кицарки)». На його думку, «в современной "Кисарке" следует усматривать один и тот же корень, что и в древней "Кисани" "Слова..."»⁸. Але при цьому виникає закономірне питання, що складається з двох частин: чи є згадуване городище дійсно залишками літописного Пліснеська і чи правомірно ототожнювати останній з тим об'єктом, що згадується у «Слові...»?

Приєднуються до галицької гіпотези і сучасні дослідники. Так, послідовно обстоює її у кількох працях Л. Войтович. Учений вважає, що лише городище у с. Підгірці може бути і літописним, і тим, що згадується у «Слові...» Пліснеськом, і що він був «самым большим центром на правобережье и вообще в восточнославянском ареале в VIII-IX вв.»⁹.

Схожі думки висловлює І. Мицько, вважаючи, що галицький Пліснеськ - це «крупнейший град не только в регионе, но и среди славян», що він є батьківщиною княгині Ольги і столицею її батька Олега¹⁰.

Важливі матеріали для вирішення цього питання містять результати археологічних розкопок. Городище біля с. Підгірці і розташований поруч могильник досліджуються з початку XIX ст., особливо активно - з середини XX ст. Археологічні розкопки тут проводили І.Д. Старчук, В.К. Гончаров, М.П. Кучера. Особливо системно досліджує цей об'єкт М.А. Филипчук, який однозначно ідентифікує з шуканим об'єктом¹¹.

Археологами було виявлено багатий речовий матеріал і з'ясовано, що на пам'ятнику простежуються 9 ліній валів зі рвами і що це городище слід ототожнювати з літописним Пліснеськом, а останній, у свою чергу, з Пліснеськом «Слова о полку Ігоревім». Від цього об'єкта, за даними М.П. Кучери (стаття написана у 1959 р.), «сохранилось до наших дней большое древнерусское городище площадью около 160 га»¹², і «во второй половине XII в. город, очевидно, имел уже широкую известность /.../ Мощные оборонительные сооружения города, от которых сохранилось одиннадцать линий валов, вполне объясняют, почему он стал объектом воинской тематики «Слова»»¹³.

Останнє твердження щодо потужних укріплень з 11 ліній валів (у роботі 1986 р. цей же автор називає 9 рядів валів зі рвами¹⁴) та величезної площі, з нашої точки зору, зовсім не пояснює, чому це місто стало об'єктом «Слова...». У Східній Європі є десятки пам'яток з більш виразними штучними історико-топографічними характеристиками, що не потрапили на сторінки давньоруських писемних творів, оскільки не були задіяні в свій час в тих чи інших важливих подіях. Отже, єдину для XII ст. згадку у літописі ніяк не можна трактувати як «широкую известность».

Ця повна невідповідність гігантських розмірів об'єкта з зовсім скромною його згадкою у літописі є надзвичайно дивною: менші у 80-40 разів тогочасні міста-гради, тобто площею у 2-4 га, згадуються у літописах по 2-3 і більше разів.

На цю невідповідність звернув увагу П.О. Раппопорт, який писав, що «если учитывать всю его площадь, то она достигает 160 га и, следовательно, превосходит по размерам защищенной валами территории все древнерусские города, включая даже такие большие, как Киев, Чернигов, Рязань»¹⁵. Така велика площа городища та складна система валів, яких цей вчений нараховує 7¹⁶, є характерними для городищ скіфського часу, а не давньоруського, що й підтверджується наявністю відповідної кераміки¹⁷. П.О. Раппопорт пише, що якщо вважати, що давньоруський Пліснеськ складався з дитинця і одного околного града, то площа його укріпленої території буде близько 4 га¹⁸. При цьому він зазначає, що Пліснеськ «Слова...» дуже вірогідно не має ніякого відношення до галицького міста Пліснеська¹⁹.

При цьому слід підкреслити, що у своїй останній ґрунтовній монографії (вийшла друком у 1999 р.) М.П. Кучера в спеціальній примітці зазначив, що великі розміри городища Пліснеська пояснюються їх походженням з ранньозалізного віку²⁰.

Сумнівався в ототожненні Пліснеська літописного, тобто галицького, і того, що згадується у «Слові...», і М.С. Грушевський. Зокрема, вчений писав у відомій «Історії України-Руси», що згадка в останнь-

ому випадку є непевною²¹, а у власному перекладі твору взагалі опустив цей рядок, пояснюючи: «Се, може, найбільш прикре місце тексту, яке не вдається розв'язати; я тому упускаю слова: "у Плесьн-ска на болони беша дебрь Кисаню"»²².

Головне ж, що викликає особливо скептичне ставлення до галицької локалізації Пліснеська «Слова...», - це абсолютна відсутність будь-якої географічної прив'язки до подій, пов'язаних з походом Ігоря Святославича. З тексту «Слова...» і контексту «сна Святослава» випливає, що київський князь знає про поразку русичів на Каялі і про те, що половці, очолювані Кончаком та Гзою, вдерлися на Переяславщину та Сіверщину. Отже, великому київському князю треба було терміново організовувати мобілізацію своїх військ і звертатися за допомогою до інших князів, що він і зробив, і що відбито у його «золотому слові».

Дослідники намагалися якимсь чином пояснити функцію згадки цього галицького Пліснеська у «Слові».

На невідповідність подій, що описані у «Слові..», і географічно далеким від цих подій галицьким Пліснеськом звернув увагу і М.Ю. Брайчевський. Однозначно погоджуючись з наведеною вище версією, вчений зазначав: «Чому раптом ім'я його виринуло на сторінках поеми, присвяченої подіям, які розгорталися далеко на Лівобережжі Дніпра та в половецьких степах і не мали ніякого стосунку ані до самого Пліснеська, ані до Галицького князівства в цілому... Справді, факт дивний і на перший погляд незрозумілий, - особливо коли взяти до уваги притаманну "Слову о полку Ігоревім" мовну дисципліну і точність викладу»²³.

Далі через складну і, на наш погляд, малопереконливу систему логічних побудов учений, спираючись на матеріали Іпатіївського літопису, доводить, що страшний сон був нав'яний Святославу тому, що у 1188 р. волинський князь Роман Мстиславич (на думку М.Ю. Брайчевського, він на той час був головним претендентом на великокнязівський стіл) за підтримки свого тестя Рюрика Ростиславича рушив до Галича, але саме під Пліснеськом зазнав поразки. Аби цього не сталося, вважає М.Ю. Брайчевський, то Роману, можливо, вдалося б заволодіти Галичем і він би став головним і могутнім суперником Святослава, для якого поразка Романа виявилася рятівною²⁴. При цьому, як зазначає і сам автор, таке положення «дає підстави гіпотетично датувати створення Ігоревої пісні 1187-1188 роками»²⁵.

Ці спостереження відомого історика і археолога були викладені у розлогій монографії, що була написана наприкінці 60-х рр. минулого століття, але побачила світ лише у 2005 р. Отже, залишається

лише жалкувати, що ця книга не була доступною широкому загалу раніше, що могло б, думаємо, внести певні корективи у весь подальший розвиток Словознавства.

Погоджуються з такою точкою зору і більшість філологів. Так, М.В. Щепкіна зазначає: «Город Плесенск был, по-видимому, каким-то важным стратегическим пунктом на границе между Галицким и Волынским княжествами. Поэтому он и включен в сон Святослава»²⁶. На основі палеографічних особливостей тексту М.В. Щепкіна заперечувала варіант моделювання, запропонований В.В. Капністом і підтриманий М.В. Шарлеманем: «Пльсьньскъ как "Плоское - плиске" не только возвращает к ошибочному чтению первого издания, но и вносит в него еще новое искажение /.../ При этом оба предполагаемых урочища в сущности безымянные: плеске-плиске - имя нарицательное»²⁷.

Далі цілком логічно М.В. Щепкіна зазначає, що у «Слові...» нічим не помітні в історії яри, переліски, обмілини не могли бути символами подій загальнодержавного значення²⁸.

Як «місцевість в Галичині» розглядав Пліснеськ і М.К. Гудзій²⁹.

Таким чином, єдиним аргументом на користь ототожнення Пліснеська «Слова...» з городищем біля с. Підгірці залишається згадка майже ідентичного топоніма у літописі і така ж назва хутора.

Отже, якщо більшість дослідників погоджуються з ототожненням городища біля с. Підгірці з літописним Пліснеськом, то ототожнення останнього з тим, що згадується у «Слові...», викликає великі сумніви, що змушують дослідників шукати інші пояснення і розробляти інші гіпотези. Згідно з другою, київською, гіпотезою Пліснеськ слід шукати десь в районі Києва, або навіть у самому місті.

Гіпотеза друга - київська

Письменник В.В. Капніст висловив «догадку», що Пліснеськ знаходився на околиці Києва тому, що «селение за Подолом, за Кирилловский монастырь продолжающееся, и ныне называется Плоское. Не сие ли имя, испорченное переписчиками, переменено в Плесньск?»³⁰. Далі В.В. Капніст розвиває думку, що ця назва могла бути пов'язаною з іменем билинного героя Пленки. Ця робота відомого поета була створена у 1809-1813 рр. і залишалася невідомою, доки її не опублікував у 1950 р. Д.С. Бабкін.

Століття потому, незалежно від В.В. Капніста, аналогічної думки дійшов А.В. Лонгинов, який писав, що Пліснеськ «находился под Киевом на болони у озера Ерданского»³¹, таким чином заклавши основу нової гіпотези.

Особливо активно її обстоював М.В. Шарлемань. У своїх відомих «Заметках натуралиста» він писав: «Я, признавая Плисенск Пло-

ским, однако, в отличие от Капниста и А.В. Лонгинова, передвинул это древнее урочище на 2-4 км к р. Глубочице, к нынешней улице Нижнему и Верхнему валам»³².

Погоджуються з М.В. Шарлеманем і Б.О. Рибаків, який вважає, що з багатьох варіантів таке тлумачення є одним з найбільш прийнятних³³.

Київська локалізація Пліснеська влаштувала Д.С. Ліхачова і Л.А. Дмитрієва³⁴.

М.О. Мещерський та О.О. Бурикін у коментарях до тексту «Слова...» зазначають: «Топоним «Плесньскъ» приурочивається к пойме Днепра в окрестностях Киева»³⁵.

Припускає, що йдеться про топонім київських околиць і автор статті про Пліснеськ у «Енциклопедии "Слова о полку Игореве"» О.В. Творогов³⁶.

У 1983 р. приєднався до київської гіпотези Л.Є. Махновець, який писав: «Пліснеськ - місцевість у подільській частині Києва, урочище Плоске, чи Пліске»³⁷. Через 6 років у ґрунтовній монографії, присвяченій встановленню імені автора «Слова о полку Ігоревім», яким, на думку Л.Є. Махновця, був князь галицький Володимир Ярославич, він змінив свою позицію і погодився з галицькою локалізацією Пліснеська³⁸.

Гіпотеза третя - лінгвістична

Третя гіпотеза, лінгвістична, містить в собі спробу прочитання цього темного місця не як назви географічного об'єкта, що складається з одного слова, а як дві або кілька лексичних одиниць зовсім іншого значення.

Майже 100 років тому П. Мирний у своєму відомому перекладі (1883-1914) моделює нову конструкцію: «...на плаці в місті та на оболоні»³⁹.

Н.І. Гаген-Торн, не погоджуючись з О.С. Орловим, який характеризує аналізоване місце твору як дуже складне в розшифровці, вважає, що їй вдалося «розкрити кожну деталь «сну Святослава»». Так, дослідниця пропонує таке читання: «... а біля плеса були звіті, покривалами покриті...»⁴⁰.

М.Т. Гойгел-Сокол, вважаючи, що аналізована фраза являє собою «исправный текст, ясный поэтический образ и смысл», пропонує такий варіант: «У плеснь скана болони беша...», а в перекладі: «В плесень затканы поречья были...»⁴¹.

Модернізує текст і відомий поет і фольклорист С.П. Пушик: «Бусові ворони грали у пліс низько»⁴², аргументуючи це тим, що «бусові врани» не випадково з'являються у Києві на горах, де «було Бусове поле, річка Буслівка й гора Бусовиця. Тому й «у Пльсьньска» треба

розглядати не як назву галицького Пліснеська-міста, а як два окремих слова»⁴³. Цю ж думку С.П. Пушик розвинув у розлогіму есе, де стверджує, що «князю Святославу снилося не галицьке Пліснесько, а снилися ворони Бусові десь у районі Печерська /.../ Снилось йому київська оболонь»⁴⁴.

Щодо неприпустимості таких лексичних конструювань ми вже писали свого часу⁴⁵, цілком погоджуючись з Л.Є. Махновцем, який влучно охарактеризував ці новації як «неймовірно фантастичні тлумачення й безоглядні «поліпшення» тексту»⁴⁶.

Ю.В. Подлипчук у новітньому розлогіму дослідженні теж обстоює думку, що у «Слові...» взагалі йдеться не про місто Пліснеськ. Він вважає, що у тексті необхідно змінити пунктуацію і здійснити інший словоподіл. У результаті замість словосполучення «у Плесньска на болони» вийшло «у плень с кана бо лони»⁴⁷, в перекладі Ю.В. Подлипчука - «Плен из-за хана ведь с прошлого года»⁴⁸.

Запропоновані варіанти прочитання назви міста, що й складають лінгвістичну гіпотезу, не можна вважати задовільними, адже вони вносять більше запитань, ніж дають відповідей і відкривають можливість для всіляких модернізацій тексту і нічим не обґрунтованих домислів і припущень, не кажучи вже про свідоме псування тексту великого твору.

Ми розглянули 3 основні гіпотези щодо згадки назви міста Пліснеська у «Слові о полку Ігоревім» - галицьку, київську, лінгвістичну⁴⁹. Всі вони суперечать одна одній, але є й те, що їх об'єднує, - повна відсутність логічної прив'язки до географії подій походу Ольговичів весною 1185 р.

Отже, питання з локалізацією Пліснеська «Слова...» виявляється досить складним і заплутаним - до його розв'язання, на наш погляд, треба підходити комплексно. При цьому слід підкреслити, що для локалізації будь-якого історичного об'єкта необхідно враховувати чотири складові:

1) згадки про цей об'єкт у письмових джерелах із зазначенням назви;

2) топонімічні матеріали, в яких би прослідковувалися елементи цієї назви (звичайно - це корінь);

3) топографічні реалії - власне археологічний об'єкт у певному матеріальному вимірі, тобто стіни, будівлі, вали, рови або їхні залишки;

4) відповідність географії місця розташування об'єкта логіці конкретних подій.

Перша (галицька) гіпотеза відповідає 1-му, 2-му та 3-му положенням; друга (київська) - 1-му та 2-му, але всі вони, включаючи і 3-тю гіпотезу (лінгвістичну), не відповідають 4-му - головному, базо-

вому положенню щодо відповідності географічної прив'язки цього об'єкта до реальних подій, пов'язаних з походом Ольговичів.

Гіпотеза четверта - путивльська

Деякі спостереження дослідників відкривають можливість говорити ще про одну гіпотезу. Назвемо її, виходячи з географічного чинника, путивльською.

У 1961 р. С.І. Котков серед кількох лексичних паралелей до «Слова...» у документах XVI-XVII ст. у Путивльській писцовій книзі 1594 р. зустрів гідронім Плесна, де розташовувався «ухожей бортной в Городецкой волости на речке на Плесне». Вчений зазначав, що назви старих міст, які походять від назв річок за допомогою суфікса *-ьск*, є звичайною справою і таким чином побудова «Плесньск» від «Плени» є закономірною. Він наводить ще один приклад з Бєлєвських книжок 1614 р., де згадується річка з такою ж назвою – «Плесна» - та «плесненские отвершки»⁵⁰.

Наведений приклад є надзвичайно важливим, оскільки наявно підтверджує правильність лінгвістичного моделювання. Виходить, що на початку XVII ст. (а документ фіксує вже сталу для свого часу форму, отже, функціонування гідроніма можна хронологічно відсунути на більш ранній час) конструкція «плесна» - «плеснеськ» була звичайною. Неважко помітити, що «Плесньск» тексту «Слова...» ідентичний назві «отвершков», наведеній у документі, - «плесненские» (!).

В.І. Стелецький зазначав, що неясно, де була «местность» Пліснеськ і, посилаючись на С.І. Коткова, підкреслював, що «скорее всего название ее происходит от названия речки Плесны», і далі – «Речек с таким названием было много, одна из них, возможно, была где-то около Путивля»⁵¹.

Проблему з локалізацією об'єкта було б легко розв'язати, якби йшлося про один-два топоніми з відповідним коренем. Але справа значно складніша, тому що маємо дуже великий кількісно і широкий географічно ареал поширення схожих назв.

Переважна більшість дослідників однастайна в тому, що топооснова плес-/плесн- є похідною від слов'янського географічного терміна **plesь*, відомого у різних варіантах майже у всіх слов'янських мовах, а іменники з цією основою означають відкриту широку ділянку ріки без поворотів, коліно ріки між луками, розширене і вільне від рослинності місце річки між поворотами, де вода тече повільно, майже стоїть⁵².

Взагалі схожих назв, що несуть в собі ознаки плеса у Східній Європі і зокрема на Лівобережжі, - десятки. Досить згадати широковідомі і нині використовувані однокореневі слова в близьких значеннях:

плеска поверхня, плескати в долоні, плескатися у воді. Мали вони аналогічний смисл і за часів Київської Русі⁵³. У самому ж «Слові...» двічі зустрічаємо явно споріднені лексеми: «въсплескала лебедьними крылы» та «плещучи убуди жирня времена».

Майже ідентичною за побудовою і тотожною за смислом є і назва міста Псков, що в такому варіанті вперше згадується під 903 р., а у формі Плесков - під 947 р.⁵⁴ Сучасна форма назви цього міста, без сумніву, є спрощенням давньоруської назви Пльсков, стверджує П.Я. Черних і як приклад наводить назву цього міста німецькою, яка передає її давньоруську форму - *Pleskau*⁵⁵.

В.П. Нерознак теж вважає, що Плесков є початковою формою, а Псков - вторинною⁵⁶.

Таким чином виходить, що сподіватися на повну співзвучність і фонетичну відповідність між письмовими формами XII ст. і сучасними назвами, часто побудованими за правилами народної етимології, очевидно, не має сенсу. Втім, пошуки лексем з відповідним коренем, враховуючи випадки, наведені С.І. Котковим («Плесна» - «Плесненские»), та ситуацію з назвою м. Псков є цілком перспективними.

У документах XVI-XVII ст. теж зустрічаються лексеми з відповідним коренем. Наприклад, у жалуваній грамоті Івана IV Новгород-Сіверському монастирю за 1551 р. серед переліку земельних володінь зазначається: «за рекою Десною рыбная ловля от Грицкого плеса по правой стороне». До речі, в цьому ж документі кілька разів згадує⁵⁷.

Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст. теж називають с. Плехов Миропільської округи та притоку Сіверського Донця р. Плотва⁵⁸.

Аналогічну картину подають і описи лівобережної України кінця XVIII-початку XIX ст. Тут згадуються у Ніжинському, Чернігівському, Полтавському, Козелецькому та Золотоноському повітах річки Плоська та Плиська, села Плиски, Плоска, Плоске, Плоский⁵⁹.

Довідник населених пунктів України кінця 60-х рр. минулого століття теж фіксує десятки відповідних назв на Лівобережжі: кілька Плисок, Плисків, Плисових, поодинокі назви Плисецьке, Плескачі, Плесове, Плоскоярка, 2 села Плескачівка і 8 (!) Плоских⁶⁰.

У межах чернігово-сумського Полісся теж зафіксовані відповідні назви, лише гідронімів близько 20: Великий Плес, Плес, Плесо, Плесинка, Плескало, Плісневате, Плісняве, Плюсок та ін.⁶¹

Отже, ідентифікувати історичний об'єкт на підставі лише назви в такому випадку не вдається, адже схожість чи навіть тотожність назв не може бути вирішальним фактором сама по собі. І нині, і за часів Київської Русі існувало багато населених пунктів і річок з однакови-

ми або майже однаковими назвами. Маємо Рим і Римів, Глібль і Глібов, Глухів, Глушець та Глушкове, по два Переяслава, Галича, Прилук, Торческів, Поділ у Києві та Подільську землю, кілька річок Остер, Уд, Волжиних та ін. До речі, в багатьох містах є і своя Оболонь.

Основою четвертої, путивльської, гіпотези ми вважаємо думку про те, що сумний, страшний сон князя Святослава був пов'язаний з відповідним ударом половців, котрі, як зазначає автор, «По Рси и по Сули гради поделиша». Річка Руса - права притока Сейму - знаходилася на півдорозі з Путивля до Рильська⁶². Саме Посейм, тобто ті землі, чоловіче населення яких полягло на Каялі, а дружина, тобто гарнізони князівських міст (у першу чергу Путивля, Рильська та Курська) та князі були полонені або загинули, залишилося без захисту. Про це прямо повідомляє Іпатіївський літопис: «возмятошоя городи Посемские и бысть скорбь и туга люта, яко же николи же не бывала во всем Посемьи /.../ Князи изымани и дружина изымана, избита»⁶³.

Дуже вірогідно, що Пліснеськ «Слова...» мав знаходитися саме у цьому районі. Серед багатьох давньоруських городищ ми повинні розглядати ті, що входили в зону бойових дій русичів з половцями, очолюваними ханом Гзою. Як відомо, Путивль їм взяти не вдалося і вони вирушили у Посейм. Але направлені на допомогу русичам син Святослава київського Олег та воєвода Тудор, хоча й мали менше військо, перемогли, захопивши великий полон. Так описує ці події В.М. Татищев, зазначаючи, що бій йшов «об реку» і що Олег і Тудор могли половців «чрез реку не пустить», але Тудор «вшед в лес меж болоты /.../ обошед, сзади напал»⁶⁴.

Район, де відбувалися ці події, окреслюється досить надійно - біля сіл Уруси та Колодежі Глушковського району Курської області Російської Федерації⁶⁵. Невелика річка - це р. Руса, яку й пересікає Путивльська дорога.

Неподалік привертає увагу городище з місцевою назвою Городок, розташоване біля с. Горки Путивльського району Сумської області України поруч з місцем впадіння у Сейм невеличкої річки з красно-мовною сучасною назвою Плюсква. Ця річка згадується під такою ж назвою і у нещодавно опублікованих документах початку XVII ст.⁶⁶

Місцевість ця знаходиться за 30 км від Путивля, що дорівнює середньому денному переходу кінноти. Городище має вали та рови. Тут проходить єдиний найкоротший шлях з Путивля до Рильська (Путивльська дорога, відома ще з кінця XVI ст.⁶⁷), рухаючись яким і треба було переправлятися через р. Руса. Дослідник цієї пам'ятки Ю.Ю. Моргунов зазначає, що, рухаючись від с. Горки до Путивля, неможливо обминути Городок і розташоване неподалік урочище з

характерною назвою Кесарів Сад. В останньому урочищі теж розташоване давньоруське поселення. Ю.Ю. Моргунов, виходячи з топографічних особливостей рельєфу, припускає, що цей об'єкт міг бути укріпленим⁶⁸.

Звичайно, назви Плюсква і Кесарів Сад, незважаючи на їхню фонетичну схожість з лексемами «Слова...» Пліснеск та Кисань, слід також сприймати критично, як і аналогічні біля с. Підгірці та у Києві. Але тут ми нарешті, маємо ситуацію, коли, окрім перших 3 локалізаційних складових, наявна і 4-та, географічна, тобто йдеться про конкретний район р. Руса, де відбувався бій з половцями. Якби їм вдалося перетнути цю річку, то шлях на Рильськ і далі та Курськ фактично залишився б відкритим. Саме це і могло турбувати Святослава київського, що метафорично зображено в його сні.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Брайчевский М. Ю.* Происхождение автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина: тезисы докладов и сообщений областной историко-краеведческой конференции, посвященной 800-летию «Слова о полку Игореве». Путивль, 1986. С. 9-10.

2. Текст «Слова о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. Здесь и далее текст «Слова о полку Игореве» приводится по этому изданию без указания страниц.

3. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973. Вып. 4. С. 83-84; *Творогов О.В.* Плиснеск // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 116-118.

4. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1962. Т. II. Стб. 662.

5. Там же. Стб. 770.

6. *Пастернак Ярослав.* Літописний город Пліснеск і проблема варягів у Галичині // Науковий збірник Українського Вільного університету. Мюнхен, 1948. Вип. 5. С. 138-148.

7. *Кучера М.П.* «Плеснеск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. К., 1960. Вып. 9. С. 115.

8. Там же. С. 116.

9. *Войтович Л.* Кілька зауваг до нової дискусії навколо «Слова о полку Игореві» // Фортеця: збірник заповідника «Тускань»: на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009. Кн. 1. С. 40-56; *Войтович Л.В.* Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 3-12.

10. *Мыцко И.* Датское происхождение князя Олега [Электронный ресурс] // Скандинавские древности. Интернет-конференция 10-30 сентября 2010. [Офиц. сайт]. URL: [http:// conference.dansk.ru/content/view/28/39](http://conference.dansk.ru/content/view/28/39) (дата обращения 14 апреля 2014 г.).

11. *Филипчук М.* Рятівні археологічні роботи в літописному Пліснеську в 2001, 2003 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. К., 2004. Вип. 6. С. 328-333; *Филипчук М.А.* Структура Пліснеського комплексу в слов'янський та давньоруський час // Вісник Інституту археології Львівського національного університету імені Івана Франка. 2009. Вип. 4. С. 3-15.
12. *Кучера М.П.* Плеснеск... С. 115.
13. Там же. С. 116.
14. *Кучера М.П.* Плеснеск // Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. К., 1986. С. 323.
15. *Раппопорт П.А.* К вопросу о Плиснеске // Советская археология. 1965. № 4. С. 92.
16. Там же. С. 93.
17. Там же. С. 95.
18. Там же. С. 96.
19. Там же. С. 93-94.
20. *Кучера М.П.* Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К., 1999. С. 172.
21. *Грушевський Михайло.* Історія України-Руси. Т. II. К., 1992. С. 611.
22. *Грушевський М.С.* Історія української літератури. Т. II. К., 1993. С. 177.
23. *Брайчевський М. Ю.* Автор «Слова о полку Ігоревім» та культура Київської Русі. К., 2005. С. 217.
24. Там же. С. 218-219.
25. Там же. С. 219.
26. *Щепкина М.В.* Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» (К вопросу об исправлении текста памятника) // Труды отдела древней русской литературы. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 28.
27. Там же. С. 29.
28. Там же.
29. *Гудзий М.К.* Примітки до оригінального тексту «Слова о полку Ігоревім» // Слово о полку Ігоревім. К., 1955. С. 363.
30. *Бабкин Д.С.* «Слово о полку Игореве» в переводе В.В. Капниста // «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М; Л., 1950. С. 375.
31. *Лонгинов А.В.* «Слово о полку Игореве»: Источники и мифология «Слова». Его научное и воспитательное значения // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1911. Т. 29. С. 113.
32. *Шарлемань Н.В.* Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древней русской литературы. М.; Л., 1951. Т. VIII. С. 112-113.
33. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 264.
34. *Творогов О.В.* Плиснеск. С. 118.
35. *Мещерский М.О., Бурыкин А.А.* Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985. С. 464.
36. *Творогов О.В.* Плиснеск. С. 116-118.
37. *Махновець Леонід.* Примітки // Слово о полку Ігоревім. К., 1983. С. 211.
38. *Махновець Л.Є.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». К., 1989. С. 203.

39. *Мирний Панас*. Дума про військо Ігореве // «Слово о плъку Игоревъ» в українських перекладах і переспівах XIX-XX ст. К., 1953. С. 178.
40. *Гаген-Торн Н.І.* Думки з приводу «сна князя Святослава» у «Слові о полку Ігоревім» // Народна творчість та етнографія. 1963. № 4. С. 101, 104.
41. *Гойгел-Сокол М.Т.* Историко-географические аспекты «Слова о полку Игореве». Автореф. дис. канд. ист. наук. Днепропетровск, 1978. С. 17.
42. *Пушик Степан*. Луни. К., 1990. С. 156.
43. Там же. С.173-174.
44. *Пушик Степан*. Дараби пливуть у легенду. К., 1990. С. 164.
45. *Звагельський Віктор*. Луни «Слова» // Прапор. 1990. № 10. С. 165-168.
46. *Махновець Л.Є.* Про автора... С. 222.
47. *Подлипчук Ю.В.* «Слово о полку Игореве»: Научный перевод и комментарий. М., 2004. С. 190.
48. Там же. С. 194.
49. Мабуть, не має сенсу зупинятися на розгляді конструювань А.Л. Нікітіна, талановитого письменника і археолога, відомого своїми епатажно-сенсацийними «відкриттями» у словознавстві. Аналізовану фразу «Слова...» він подає: «воины вскричали перед стенами Плиски», що ніби розповідає «об одной из самых героических схваток воинов Святослава с войсками Иоанна Цимисхия, осадившего Плиску в апреле-мае 972 года» (*Никитин А.Л.* Точка зрения: Документальная повесть. М., 1984. С. 276).
50. *Котков С.И.* Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древней русской литературы. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 67-68.
51. *Стеллецкий В.И.* Комментарий // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 257.
52. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 140; *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 439; *Масенко Л.* Плесьньськ // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. К., 1985. С. 102.
53. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973. Вып. 4. С. 82-83.
54. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962. Т. I. Стб. 29, 60; *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 142-143.
55. *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1952. С. 104.
56. *Нерознак В.П.* Названия... С. 142-143.
57. *Русіна О.Б.* Грамоти Новгород-Сіверському Спасо-Преображенському монастирю (у копіях севського походження) // Український археографічний щорічник. К., 1993. Вип. 2. С. 143, 145.
58. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст. К., 1991. С. 27, 100, 101, 155.
59. Описи Лівобережної України кінця XVIII - початку XIX ст. К., 1997. С. 95, 118, 133, 136, 142, 179.
60. Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ. Том другий. К., 1969. С. 130.

61. *Черепанова Е.А.* Микротопонимия Черниговско-Северского Полесья. Сумы, 1984. С. 223-224.
62. *Звагельський В.Б.* Річка Рось у «Слові о полку Ігоревім» // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2003. Вип. XVI. С. 10-11.
63. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. Стб. 645-646.
64. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М., 1964. С.138.
65. *Звагельський В.Б.* Історична географія Лівобережної України доби середньовіччя (у контексті досліджень «Слова о полку Ігоревім»). Київ-Суми, 2010. С. 214-216.
66. *Чурочкин А.* «Глинская Рождество-Богородицкая пустынь» архимандрита Анатолия (Ключарева) // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 6. Суми, 2010. С. 186.
67. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 106.
68. *Моргунов Ю.Ю.* «Полю ворота» по археологическим данным // «Слово о полку Ігореве» и Путивльщина. Тезисы докладов и сообщений областной историко-краеведческой конференции, посвященной 800-летию «Слова о полку Ігореве». Путивль, 1986. С. 24.

References

1. *Braychevskiy M. Yu.* Proiskhozhdenie avtora «Slova o polku Igoreve» [the ancestry of the author of «The Tale of Igor's Campaign»], «Slovo o polku Igoreve» i Putivl'shchina, 1986, pp. 9-10 [in Russian].
2. «Slovo o polku Igoreve» [«The Tale of Igor's Campaign»]. Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve», 1995 [in Russian].
3. Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve» [dictionary and handbook of «The Tale of Igor's Campaign»], 1973, No 4, pp. 83-84 [in Russian]; *Tvorogov O.V.* Plisnesk [Plisnesk]. Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve», vol. 4, 1995, pp. 116-118 [in Russian].
4. Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ipat'evskaya letopis' [The complete Russian chronicles, Hypatian Codex]. 1962, vol. II, column 662 [in Russian].
5. Ibid., column 770 [in Russian].
6. *Pasternak Yaroslav.* Litopisniy gorod Plisnesk i problema varyagiv u Galichini [Annalistic city Plisnesk and the problem of Normans in Galicia]. Naukoviy zbirnik Ukraïns'kogo Vil'nogo universitetu, 1948, No 5, pp. 138-148 [in Ukrainian].
7. *Kuchera M.P.* «Plesnesk» «Slova o polku Igoreve» i drevnerusskiy gorod Plesnesk [«Plisnesk» of «The Tale of Igor's Campaign» and the ancient Russian city Plisnesk]. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN USSR, 1960, No 9, p. 115 [in Russian].
8. Ibid., p. 116 [in Russian].
9. *Voytosvich L.* Kil'ka zauvag do novoi diskusii navkolo «Slova o polku Igorevim» [Some remarks to the new debate around the «The Tale of Igor's Campaign»], Fortetsya, 2009, No 1, pp. 40-56 [in Ukrainian]; *Voytovich L.V.*

Vikingi v Tsentral'no-Vostochnoy Evrope: zagadki Ladogii Plisneska [Vikings in Central and Eastern Europe: riddles of Ladoga and Plisnesk], Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya, 2012, No 1, pp. 3-12 [in Russian].

10. *Myts'ko I.* Datskoe proiskhozhdenie knyazya Olega [Danish origin of Prince Oleg], Skandinavskie drevnosti, 2010 [in Russian].

11. *Filipchuk M. A.* Ryativni arkeologichni roboti v litopisnomu Plisnes'ku v 2001, 2003 rr. [Saving archaeological work in the annalistic Plisnesk in 2001, 2003], Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2002-2003 rr., 2004, No 6, pp. 328-333 [in Ukrainian]; *Filipchuk M.A.* Struktura Plisnes'kogo kompleksu v slov'yans'kiy ta davn'orus'kiy chas [Structure of Plisnesk complex in Slavic and Old Russian time]. Visnik Institutu arkeologii L'vivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Franka, 2009, No 4, pp. 3-15 [in Ukrainian].

12. *Kuchera M.P.* Plesnesk...[Plisnesk...], p. 115 [in Russian].

13. Ibid., p. 116 [in Russian].

14. *Kuchera M.P.* Plesnesk [Plisnesk], Arkheologiya Ukrainsoy SSR, vol. 3, 1986, p. 323 [in Ukrainian].

15. *Rappoport P.A.* K voprosu o Plisneske [Concerning the question of Plisnesk]. Sovetskaya arkeologiya, 1965, No 4, p. 92 [in Russian].

16. Ibid., p. 93 [in Russian].

17. Ibid., p. 95.

18. Ibid., p. 96.

19. Ibid., pp. 93-94.

20. *Kuchera M.P.* Slov'yano-rus'ki gorodishcha VIII-XIII st. mizh Sanom i Sivers'kim Dintsem [Slavo-Ruthenian settlements of VIII-XIII centuries between San and Seversky Donets], 1999, p. 172 [in Ukrainian].

21. *Grushevs'kiy Mikhaylo.* Istoriya Ukraïni-Rusi [The history of Ukraine-Rus], vol. II. 1992, p. 611 [in Ukrainian].

22. *Grushevs'kiy M.S.* Istoriya ukrains'koï literaturi [The history of Ukrainian literature], vol. 2, 1993, p. 177 [in Ukrainian].

23. *Braychevs'kiy M. Yu.* Avtor «Slova o polku Igorevim» ta kul'tura Kiivs'koi Rusi [Author of «The Tale of Igor's Campaign» and the culture of Kievan Rus], 2005, p. 217 [in Ukrainian].

24. Ibid., pp. 218-219.

25. Ibid., p. 219.

26. *Shchepkina M.V.* Zamechaniya o paleograficheskikh osobennostyakh rukopisi «Slova o polku Igoreve» (K voprosu ob ispravlenii teksta pamyatnika) [Remarks about palaeographic features of the manuscript of «The Tale of Igor's Campaign» (On the question of rectification of the monument)], Trudy otdela drevney russkoy literatury, vol. 9, 1953, p. 28 [in Russian].

27. Ibid., p. 29.

28. Ibid.

29. *Gudziy M.K.* Primitki do original'nogo tekstu «Slova o polku Igorevim» [Notes to the original text of «The Tale of Igor's Campaign», Slovo o polku Igorevim, 1955, p. 363 [in Ukrainian].

30. *Babkin D.S.* «Slovo o polku Igoreve» v perevode V.V. Kapnistia [«The Tale of Igor's Campaign» in translation of V. Kapnistia]. «Slovo o polku Igoreve», 1950, p. 375 [in Russian].

31. *Longinov A.V.* «Slovo o polku Igoreve»: Istochniki i mifologiya «Slova». Ego nauchnoe i vospitatel'noe znacheniya [«The Tale of Igor's Campaign»: Sources and mythology of «The Tale», Its scientific and educational value]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1911, vl. 29, p. 113 [in Russian].

32. *Sharleman' N.V.* Zametki naturalista k «Slovu o polku Igoreve» [Notes of the natural historian to «The Tale of Igor's Campaign»]. *Trudy otdela drevney russkoy literatury*, 1951, vol. 8, pp. 112-113 [in Russian].

33. *Rybakov B.A.* «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki [«The Tale of Igor's Campaign» and its contemporaries], 1971, p. 264 [in Russian].

34. *Tvorogov O.V.* Plisnesk [Plisnesk], p. 118 [in Russian].

35. *Meshcherskiy M.O., Burykin A.A.* Kommentarii k tekstu «Slova o polku Igoreve» [Comments to the text of «The Tale of Igor's Campaign»], *Slovo o polku Igoreve*, 1985, p. 464 [in Russian].

36. *Tvorogov O.V.* Plisnesk [Plisnesk], pp. 116-118 [in Russian].

37. *Makhnovets' Leonid.* Primitki [Notes]. *Slovo o polku Igorevim*, 1983, p. 211 [in Russian].

38. *Makhnovets' L.E.* Pro avtora «Slova o polku Igorevim» [About the author of «The Tale of Igor's Campaign»], 1953, p. 178 [in Ukrainian].

39. *Mirnyy Panas.* Duma pro viys'ko Igoreve [The ballad of the Igor's campaign], «Slovo o plku Igoreve» v ukrains'kikh perekladakh i perespivakh XIX-XX st. 1953, p. 178 [in Ukrainian].

40. *Gagen-Torn N.I.* Dumki z privodu «sna knyazya Svyatoslava» u «Slovi o polku Igorevim» [Thoughts on the «dream of prince Svyatoslav» in «The Tale of Igor's Campaign»], *Narodna tvorchist' ta etnografiya*, 1963, No 4, pp. 101, 104 [in Ukrainian].

41. *Goygel-Sokol M.T.* Istoriko-geograficheskie aspekty «Slova o polku Igoreve» [Historical and geographical aspects of the «The Tale of Igor's Campaign»], 1987, p. 17 [in Russian].

42. *Pushik Stepan.* Luny [Echoes], 1990, p. 156 [in Ukrainian].

43. *Ibid.*, pp. 173-174.

44. *Pushik Stepan.* Darabi plivut' u legendu [Darabi float into the legend]. 1990, p. 164 [in Ukrainian].

45. *Zvangel's'kiy Viktor.* Luny «Slova» [Echoes of «The Tale»]. *Prapor*, 1990. No 10, p. 165-168 [in Ukrainian].

46. *Makhnovets' L.E.* Pro avtora... [About the author], p. 222 [in Ukrainian].

47. *Podlipchuk Yu.V.* «Slovo o polku Igoreve»: Nauchnyy perevod i kommentarii [«The Tale of Igor's Campaign»: Scientific translation and commentary], 2004, p. 190 [in Russian].

48. *Ibid.*, p. 194.

49. It, probably, does not make sense to stay on studying the constructions of A.L. Nikitin, the talented writer and archaeologist, known for his wildly sensational «discoveries» in Linguistics. He presents the analyzed phrase of «The Tale...» «the soldiers cried out before the walls of Pliska» as if telling «about one of the most heroic battles of the soldiers of Sviatoslav with the troops of John Tzimiskes, who besieged Pliska in April-May 972» (Nikitin A.L.

Tochka zreniya: Dokumental'naya povest' [Viewpoint: Documentary story]. Moscow, 1984, p. 276 [in Russian].

50. *Kotkov S.I.* Iz starykh yuzhnovelikorusskikh paralleley k leksike «Slova o polku Igoreve» [From old South-Russian parallels to lexis of «The Tale of Igor's Campaign»], trudy otdela drevney russkoy literatury, vol. 17, 1961, pp. 67-68 [in Russian].

51. *Stelletskiy V.I.* Kommentariy [Comment, Slovo o polku Igoreve, 1981, p. 257 [in Russian].

52. *Neroznak V.P.* Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of the ancient Russian cities], 1984, p. 140 [in Russian]; *Murzaev E.M.* Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographical terms], 1984, p. 439 [in Russian]; *Masenko L.* Ples'n'sk [Plesnesk]. Etimologichniy slovník litopisnikh geografichnikh nazv Pivdennoi Rusi, 1985, p. 102 [in Ukrainian].

53. Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve» [Glossary of «The Tale of Igor's Campaign»], 1973, No 4, pp. 82-83 [in Russian].

54. Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku [The Complete Collection of Russian Chronicles. Laurentian Chronicle and Suzdal Chronicle on academic list], 1962, vol. 1, columns 29, 60 [in Russian]; *Neroznak V.P.* Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of the ancient Russian cities], 1983, pp. 142-143 [in Russian].

55. *Chernykh P.Ya.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [The historical grammar of Russian language], 1952, p. 104 [in Russian].

56. *Neroznak V.P.* Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of the ancient Russian cities], 1984, pp. 142-143 [in Russian].

57. *Rusina O.B.* Gramoty Novgorod-Sivers'komu Spaso-Preobrazhens'komu monastiryu (u kopiyakh sevs'kogo pokhodzhennya) [Charts to Novgorod-Seversky Holy-Transfiguration Monastery (in copies of Sevs'ky origin)]. Ukrains'kiy arkhografichniy shchorichnik, 1993, No 2, pp. 143, 145 [in Ukrainian].

58. Opisi Kharkivs'kogo namisnitstva kintsya XVIII st. [Descriptions of Kharkiv viceroyalty at end of XVIII century], 1991, pp. 27, 100, 101, 105 [in Ukrainian].

59. Opisi Livoberezhnoi Ukraïni kintsya XVIII - pochatku XIX st. [Descriptions of the Left-Bank Ukraine at late XVIII - early XIX centuries], 1997, pp. 95, 118, 133, 136, 142, 179 [in Ukrainian].

60. Ukraïns'ka RSR. Administrativno-teritorial'niy podil [Ukrainian SSR. administrative-territorial division], vol. 2, 1969, p. 130 [in Ukrainian].

61. *Cherepanova E.A.* Mikrotoponimiya Chernigovsko-Severskogo Poles'ya [Microtoponymy of Chernigov-Seversky Polesia], 1984, pp. 223-224 [in Russian].

62. *Zvagel's'kiy V.B.* Richka Ros' u «Slovi o polku Igorevim» [Ros River in the «The Tale of Igor's Campaign»], Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu, 2003, No 16, pp. 10-11 [in Ukrainian].

63. Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ipat'evskaya letopis' [The complete Collection of Russian Chronicles. Ipatiev Chronicle], columns 645-646 [in Russian].

64. *Tatishchev V.N.* Istoriya Rossiyskaya [Russian History], vol. 3. 1964, p. 138 [in Russian].

65. *Zvangel's'kiy V.B.* Istorichna geografiya Livoberezhnoï Ukraïni dobi seredn'ovichchya (u konteksti doslidzhen' «Slova o polku Igorevim») [Historical Geography of the Left-bank Ukraine in Middle Ages (in the context of research of «The Tale of Igor's Campaign»)], pp. 214-216 [in Ukrainian].

66. *Churochkin A.* «Glinskaya Rozhdestvo-Bogoroditskaya pustyn» arkhimandrita Anatoliya (Klyuchareva) [«The Glinsk Hermitage» of Archimandrite Anatoliy (Klyucharev)], Putivl's'kiy kraeznavchiy zbirnik, No 6, 2010, p. 186 [in Russian].

67. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Book to Big Drawing], 1950, p. 106 [in Russian].

68. *Morgunov Yu.Yu.* «Polyu vorota» po arkheologicheskim dannym [«To the Field Gates» on archaeological data], «Slovo o polku Igoreve» i Putivl'shchina, 1986, p. 24 [in Russian].

Звагельский Виктор Борисович – кандидат филологических наук, профессор РАН, доцент, заведующий Научно-исследовательским центром исторического краеведения Сумского государственного университета. старший научный сотрудник (специальность «История Украины»).

e-mail: starovina@bigmir.net

Zvangel'skiy Viktor – Candidate of Philological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Associate professor, Head of Regional Studies History Research Center of Sumy State University, Senior Scientist in the specialty «History of Ukraine».

e-mail: starovina@bigmir.net

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2014, № 1 (35)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2014.

- 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал «Русин»»: <http://journalrusin.ru>

<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 16.07.2014. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 900 экз.

Заказ 169.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2014 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНАМ

(ОНИ КРИЧАТ, ОНИ ГРОЗЯТСЯ...)

Man muß die Slaven an die Mauer drücken*

Федор ТЮТЧЕВ

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!

Да, стенка есть - стена большая,-
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала,-
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали -
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам,-
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их,-
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11-16 мая 1867 г.

** Славян должно прижать к стене (нем.).*

Источник: Тютчев. Ф.И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1957.

